

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Философия

- Аникин Д. А.** Цивилизационные конфликты и трансформация субъектов социальной памяти 5
- Борщов А. С.** Роль неопределенности в развитии 9
- Бусов С. В.** Категориальная структура проблемы свободы 13
- Данилов С. А.** Политический порядок и доверие: риски посткоммунистического транзита 18
- Зобова М. Р.** Появление человека во Вселенной как результат самоорганизации (на основе анализа проблемы антропного принципа) 23
- Кузьмичева И. Ю.** Проблема соотношения знака–вещи в воззрениях Дж. Локка 28
- Лысыкова Н. П.** Основные характеристики и взаимосвязи народной культуры 32
- Нехаева И. Н.** Критический аспект языковой игры в музыкальной культуре 37
- Панкова Е. С.** «Сексуальная революция» М. Фуко, или практика «эффективного тела» 43
- Рожков В. П.** Мир-система в контексте либерализма 46
- Стеклова И. В.** Онтологический аспект истины и свободы 51
- Ченцова Д. А.** Восприятие религии современным человеком: понимание и аберрации (на примере традиции исихазма) 56
- Шиндина О. В.** Отражение идей «Философии общего дела» Н. Ф. Федорова в структуре художественного текста (на примере прозы В. Каверина) 60

Психология

- Аксеновская Л. Н.** Методика диагностики степени сформированности субордеров организационной культуры 65
- Гусева Е. С.** Взаимосвязь фанатизма с феноменом нетрадиционных религиозных движений 73
- Дорошин И. А.** Социально-психологическое содержание медиакультуры 78
- Карелин А. А.** Динамика структуры временной перспективы смысловой сферы личности в подростковом и юношеском возрасте 84
- Козловская Н. В.** Индивидуально-психологические детерминанты агрессивного поведения подростков 88
- Орлова М. М.** Субъективная ресурсность социальных предикторов ситуации болезни (на примере острых и хронических заболеваний легких) 94
- Смирнова А. Ю.** Двухкомпонентная модель субъективной незащищенности в сфере труда в зарубежных исследованиях: психологическое содержание и диагностика феномена 99
- Шамионов Р. М.** Адаптационная готовность личности – субъекта социального взаимодействия 106

Педагогика

- Логинава В. С.** Государственная политика и общественная инициатива в деле профессиональной подготовки промышленных кадров дореволюционной России 113
- Савельева Н. Х.** Аксиологизация процесса профессиональной подготовки будущих специалистов экономического профиля 119

Решением Президиума ВАК Министерства образования и науки РФ журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых рекомендуется публикация основных результатов диссертационных исследований на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Зарегистрировано в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № 77-7185 от 30 января 2001 года. Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-56168 от 15 ноября 2013 года

Индекс издания по каталогу ОАО Агентства «Роспечать» 36014, раздел 41 «Философия. Социология. Психология. Религия». Журнал выходит 4 раза в год

Заведующий редакцией
Бучко Ирина Юрьевна

Редактор
Гаврина Марина Владимировна

Художник
Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист
Степанова Наталия Ивановна

Верстка
Багаева Ольга Львовна

Технический редактор
Ковалева Наталья Владимировна

Корректор
Трубиникова Татьяна Александровна

Адрес редакции:
410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89
E-mail: izvestiya@sgu.ru

Подписано в печать 14.12.2015.
Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 14,6 (15,5).
Тираж 500 экз. Заказ .

Отпечатано в типографии Саратовского университета.
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский государственный университет, 2015

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал принимает к публикации статьи на русском языке общетеоретические, методические, дискуссионные, критические, результаты исследований в области философии, психологии и педагогики, краткие сообщения и рецензии, а также хронику и информацию. Ранее опубликованные материалы, а также материалы, представленные для публикации в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Объем публикуемой статьи 8 страниц (для кандидатов и докторов наук) и 6 страниц (для авторов без ученых степеней). Текст статьи может содержать до 5 рисунков и 4 таблиц, краткие сообщения – до 3 страниц, до 2 рисунков и 2 таблиц. Таблицы и рисунки не должны занимать более 20% общего объема статьи. Статья должна быть аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Последовательность предоставления материала:

- на русском языке: индекс УДК, название работы, инициалы и фамилии авторов, сведения об авторах (ученая степень, должность и место работы, e-mail), аннотация, ключевые слова, текст статьи, благодарности и ссылки на гранты, список литературы;
- на английском языке: название работы, инициалы и фамилии авторов, место работы (вуз, почтовый адрес), e-mail, аннотация, ключевые слова, References.

Отдельным файлом приводятся сведения о статье: раздел журнала, УДК, авторы и название статьи (на русском и английском языках); сведения об авторах: фамилия, имя и отчество (полностью), e-mail, телефон (для ответственного за переписку обязательно указать сотовый или домашний).

Для публикации статьи автору необходимо по почте переслать в редколлегиям серии следующие материалы и документы:

- направление от организации;
- внешнюю рецензию, заверенную надлежащим образом по месту работы рецензента;
- текст статьи.

Требования к аннотации и списку литературы:

- аннотация не должна по содержанию повторять название статьи, быть насыщена общими словами, не излагающими сути исследования; оптимальный объем 500–600 знаков;

- в списке литературы должны быть указаны только процитированные в статье работы; ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: http://old.sgu.ru/massmedia/izvestia_ppp/additional/33115

Датой поступления статьи считается дата поступления ее окончательного варианта. Возвращенная на доработку статья должна быть прислана в редакцию не позднее чем через 3 месяца. Материалы, отклоненные редколлегией, не возвращаются.

Адреса для переписки с редколлегией серии: arogia@inbox.ru; 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, философский факультет, ответственному секретарю журнала «Известия Саратовского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика».

CONTENTS**Scientific Part****Philosophy**

- Anikin D. A.** Civilization Conflicts and Transformation of Subjects of Social Memory 5
- Borshov A. S.** Role of Uncertainty in the Development 9
- Busov S. V.** Categorical Structure of the Problem of Freedom 13
- Danilov S. A.** Political Order and Trust: the Risks of Post-communist Transit 18
- Zobova M. R.** The Appearance of Man in the Universe as a Result of the Self-Organization (on the Basis of Analysis of the Problem of the Anthropic Principle) 23
- Kuzmicheva I. Y.** The Problem of Correlation Sign-things in the Views of John Locke 28
- Lysikova N. P.** The Main Characteristics and the Relationship of Popular Culture **retracted 30/09/21** 32
- Nekhaeva I. N.** Critical Aspect of Language Game in Musical Culture **retracted 30/09/21** 37
- Pankova E. S.** «The Sexual Revolution» of M. Foucault and the Practice of «The Effective Body» 43
- Rozhkov V. P.** The World-System in the Context of Liberalism 46
- Steklova I. V.** Ontological Aspect of Truth and Freedom 51
- Chentsova D. A.** Perception of Religion by the View of the Modern Human: Understanding and Aberrations (Case Study of Hesychasm) 56
- Shindina O. V.** The Reflection of the Ideas of «Philosophy of Common Cause» N. F. Fedorov's in the Structure of Artistic Text (by the Example of V. Kaverin's Prose) 60

Psychology

- Aksenovskaya L. N.** Methods of Diagnostics of the Degree of Maturity of Suborders of Organizational Culture 65
- Guseva E. S.** Relationship of Fanaticism with the Phenomenon of Non-Traditional Religious Movements 73
- Doroshin I. A.** Social and Psychological Content of Media Culture 78
- Karelin A. A.** The Dynamics of the Structure of Time-Perspective of Personality Meaning/Sense Sphere of Teenage and Youthful Age 84
- Kozlovskaya N. V.** Individual and Psychological Determinants of Aggressive Behaviour of Teenagers 88
- Orlova M. M.** Subjective Resource Potential of Social Predictors of the Disease Situation (on the Example of Acute and Chronic Lung Diseases) 94
- Smirnova A. Yu.** The Two-dimensional Approach to Job Insecurity in Foreign Literature: Psychological Content and Measurement 99
- Shamionov R. M.** Adaptation Readiness of the Personality as a Subject of Social Interaction 106

Pedagogy

- Loginova V. S.** State Policy and Public Initiative in Professional Training of Industrial Personnel in Prerevolutionary Russia 113
- Savel'yeva N. Kh.** Axiologisation of Process of Professional Education of Future Specialists In Economics 119

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА.
НОВАЯ СЕРИЯ»**

Главный редактор

Чумаченко Алексей Николаевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Стальмахов Андрей Всеволодович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Халова Виктория Анатольевна, кандидат физ.-мат. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Балаш Ольга Сергеевна, кандидат экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Бучко Ирина Юрьевна, директор Издательства Саратовского университета (Саратов, Россия)

Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор соц. наук, профессор (Саратов, Россия)

Коссович Леонид Юрьевич, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Макаров Владимир Зиновьевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия)

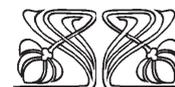
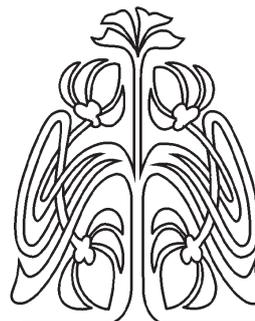
Прозоров Валерий Владимирович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Усанов Дмитрий Александрович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Устьянцев Владимир Борисович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шамионов Раиль Мунирович, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шляхтин Геннадий Викторович, доктор биол. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES»**

Editor-in-Chief – Chumachenko A. N. (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Stalmakhov A. V. (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Khalova V. A. (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Balash O. S. (Saratov, Russia)

Buchko I. Yu. (Saratov, Russia)

Danilov V. N. (Saratov, Russia)

Ivchenkov S. G. (Saratov, Russia)

Kossovich L. Yu. (Saratov, Russia)

Makarov V. Z. (Saratov, Russia)

Prozorov V. V. (Saratov, Russia)

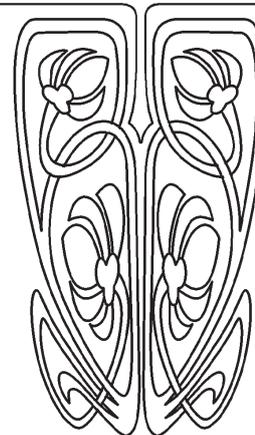
Usanov D. A. (Saratov, Russia)

Ustiantsev V. B. (Saratov, Russia)

Shamionov R. M. (Saratov, Russia)

Shlyakhtin G. V. (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. ПЕДАГОГИКА»**

Главный редактор

Устьянцев Владимир Борисович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Богатырева Елена Николаевна, кандидат филос. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Аксеновская Людмила Николаевна, доктор психол. наук, доцент (Саратов, Россия)
Афанасьева Вера Владимировна, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Балакирева Екатерина Игоревна, кандидат пед. наук, доцент (Саратов, Россия)
Боско Джеймс, Ed.D, профессор (Мичиган, США)
Гобозов Иван Аршакович, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)
Железovская Галина Ивановна, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Кальной Игорь Иванович, доктор филос. наук, профессор (Симферополь, Россия)
Капичникова Ольга Борисовна, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Листвина Евгения Викторовна, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Мартынович Сергей Федорович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Мокин Борис Иванович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Орлов Михаил Олегович, доктор филос. наук, доцент (Саратов, Россия)
Позднева Светлана Павловна, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Рожков Владимир Петрович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Рягузова Елена Владимировна, доктор психол. наук, доцент (Саратов, Россия)
Турчин Геннадий Демьянович, кандидат пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Фриауф Василий Александрович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Фролова Светлана Владимировна, кандидат филос. наук, доцент (Саратов, Россия)
Фурманов Игорь Александрович, доктор психол. наук, профессор (Минск, Беларусь)
Шамионов Раиль Мунирович, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)

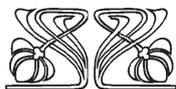
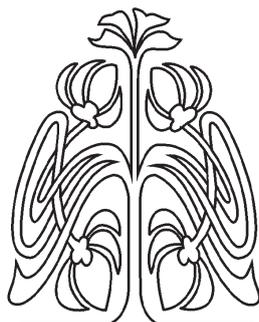
**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES.
SERIES: PHILOSOPHY. PSYCHOLOGY. PEDAGOGY»**

Editor-in-Chief – Ustiantsev V. B. (Saratov, Russia)

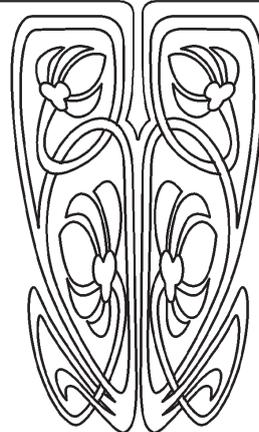
Executive Secretary – Bogatyryova E. N. (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Aksenovskaya L. N. (Saratov, Russia)	Listvina E. V. (Saratov, Russia)
Afanasyeva V. V. (Saratov, Russia)	Martynovich S. F. (Saratov, Russia)
Balakireva E. I. (Saratov, Russia)	Mokin B. I. (Saratov, Russia)
Bosco G. (Michigan, USA)	Orlov M. O. (Saratov, Russia)
Friauf V. A. (Saratov, Russia)	Pozdneva S. P. (Saratov, Russia)
Frolova S. V. (Saratov, Russia)	Rozhkov V. P. (Saratov, Russia)
Furmanov I. A. (Minsk, Belarus)	Ryaguzova E. V. (Saratov, Russia)
Gobozov I. A. (Moscow, Russia)	Shamionov R. M. (Saratov, Russia)
Kalnoy I. I. (Simferopol, Russia)	Turchin G. D. (Saratov, Russia)
Kapichnikova O. B. (Saratov, Russia)	Zhelezovskaya G. I. (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

ФИЛОСОФИЯ

УДК 316.33

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ КОНФЛИКТЫ И ТРАНСФОРМАЦИЯ СУБЪЕКТОВ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ

Аникин Даниил Александрович –
кандидат философских наук, доцент кафедры теоретической
и социальной философии, Саратовский государственный университет
E-mail: dandee@list.ru

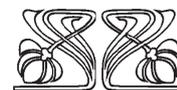
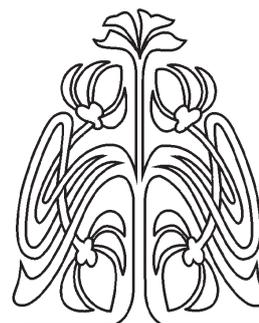
В статье ставится вопрос о смене субъектов социальной памяти в условиях кризиса национально-государственного типа памяти и активизации процессов глобализации. Рассматривается научная ретроспектива постановки вопроса о субъекте социальной памяти, анализируются существующие точки зрения и используемые аргументы. В условиях глобализации государства перестают обладать монополией на выражение представлений о прошлом, поэтому возникает потребность в поиске новых субъектов. Автор анализирует возможность цивилизаций выступать субъектами социальной памяти и указывает на риски использования коллективных представлений о прошлом в качестве обоснования современных цивилизационных конфликтов. Особое значение этот вопрос имеет в условиях российского общества, где цивилизационный подход получил распространение в качестве альтернативы вульгарному марксизму, но приобрел этнически ориентированные черты.

Ключевые слова: цивилизация, социальная память, социальное пространство, конфликты.

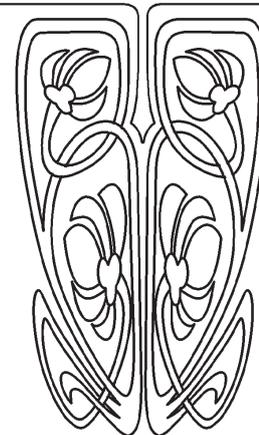
DOI: 10.18500/1819-7671-2015-15-4-5-9

Процессы трансформации социальной памяти в XX в. стали предметом исследования различных социально-гуманитарных дисциплин, при этом ряд поставленных вопросов оказался до сих пор не разрешен. В частности, дискуссионным является вопрос о субъекте социальной памяти, который имплицитно ставился еще основоположниками изучения данного феномена, но особую актуальность приобрел после выхода работ П. Нора. Этот французский исследователь указывает, что в современном мире наступает кризис «нации-памяти», т.е. того типа коллективных воспоминаний, который берет свое начало в эпоху Просвещения, когда возникает новый тип политического устройства – национальное государство. Процесс национального конструирования оказался тесно совмещен с механизмами подбора и поддержания соответствующих воспоминаний, поэтому кризис государства в результате процессов глобализации сказался и на характере социальной памяти.

Вместе с тем поиск новых субъектов социальной памяти оказывается неминуемо сопряжен с различением процессов трансформации социального пространства и попытками политической инструментализации социальной памяти. Выдвижение в качестве субъекта памяти цивилизационных образований нуждается в дополнительной методологической разработке самих оснований цивилизационного подхода и возможностей его применения к анализу современной социальной действительности.

**НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ**

Для начала необходимо рассмотреть предысторию вопроса о субъекте социальной памяти, обратившись к представителям функционального подхода, методологические разработки которых позволили сформулировать проблему значения коллективных воспоминаний для конфигурации социального пространства. В данном контексте наиболее интересны фигуры Э. Дюркгейма и М. Хальбвакса. В работах Дюркгейма была поднята проблема наличия сакрализованных коллективных представлений, неотъемлемой частью которых являлись представления о прошлом. Хальбвакс напрямую обратился к проблематике социальной памяти, попытавшись представить институциональный срез формирования коллективных воспоминаний.

С точки зрения функционального подхода, ведущей характеристикой исследования какого-либо социального явления должно быть выявление его функции в общественной жизни. Функцией в социальном смысле Дюркгейм называет соответствие тех или иных фактов социальной жизни актуальным потребностям общества в целом или отдельной социальной группы. В рамках такого определения функция коллективного сознания, представляющего собой «совокупность верований и чувств, общих в среднем членам одного и того же общества», является обеспечение социальной солидарности, являющейся, по мнению французского исследователя, основной характеристикой общественно-го устройства [1, с. 11].

Социальная солидарность представляет собой неоднородное явление в том смысле, что может функционировать, в зависимости от типа общества, в двух различных формах. В традиционном (архаическом) обществе солидарность строится на растворении единичных личностей в личности коллективной, олицетворяемой обществом, и такой тип солидарности французский ученый именуется механическим. В противоположность ему общество современного типа построено на четком распределении функций между отдельными индивидами, нуждающимися ввиду этого в постоянном коммуникативном и экономическом обмене. Таковую солидарность Дюркгейм именуется органической. Причем, как подчеркивает А. Б. Гофман, в развитых обществах коллективная личность не исчезает полностью, но становится второстепенным фактором социальной жизни, действуя лишь в условиях отдельных социальных групп [2, с. 198]. Механическая солидарность свойственна малым социальным группам, и строится она во многом на общности прошлого и воспоминаний об этом прошлом у представителей этой группы. Таким

образом, Дюркгейм, не используя сам термин «социальная память», формулирует положение, что одним из важных элементов коллективного сознания являются коллективные воспоминания о прошлом. Если коллективное сознание осуществляет интериоризацию социальных норм, обеспечивая тем самым осознание всеми членами сообщества своей принадлежности к этому сообществу, то коллективная память выступает одним из путей формирования социальной солидарности, и этот путь состоит в вычлениении воспоминаний, общих для членов данного сообщества и позволяющих им осознать свое единство в диахронической перспективе.

Э. Дюркгейм считал основным субъектом социальной памяти определенные «общности», не обозначая их институциональные рамки и обращаясь, по сути, к ритуальным аспектам их самоидентификации. «В ритуалах социальные общности прославляют символы собственной идентичности. Ритуалы, таким образом, выполняют функцию носителей социальной памяти как основополагающего условия мемориальной социализации членов общества, сохранения коллективной идентичности и поддержания существования социального организма как такового» [3, с. 153].

Термин «коллективная память», присутствующий у Дюркгейма в скрытой форме, оказался введен и был подвергнут социально-философской рефлексии в работах другого представителя Французской социологической школы М. Хальбвакса. То направление исследований, которое представлялось Дюркгейму лишь одной из сфер проявления функционального метода, стало для Хальбвакса основной сферой научных интересов, поэтому неудивительно, что вопрос о субъекте социальной памяти был им исследован более полно.

Хальбвакс логически развил предпосылки функционального анализа общественных явлений, которые были заложены в работах его учителя, и применил их по отношению к анализу коллективной памяти. Память, с его точки зрения, может быть только коллективной, точнее говоря, индивидуальные впечатления укрепляются в памяти и структурируются при помощи определенных социальных рамок. Запоминанию подвергаются лишь те факты, которые могут быть зафиксированы с помощью референциальных рамок, если же подобные рамки отсутствуют (явление не может быть подогнано под существующие рамки), то факты вытесняются из индивидуальной памяти. Французский исследователь выделяет трехступенчатую структуру фиксации опыта, состоящую из «образов воспоминания»

и позволяющую объяснить подбор фактов, подвергающихся запоминанию и передаче от одного индивида к другому, от поколения к поколению.

1. Пространственно-временная соотнесенность: воспоминания никогда не бывают абстрактными, а всегда соотносятся с конкретными пространственными и временными координатами, выбор которых может быть достаточно произволен, но их наличие является обязательным условием фиксации воспоминания: «В самом воспоминании присутствует целенаправленное структурирование времени и пространства, которое усугубляет и подчеркивает естественную тенденцию коллективной памяти избирать ограниченное количество запоминаемых мест и событий» [4, с. 121]. Пространственную соотнесенность воспоминания с конкретным географическим и историческим ландшафтом сам Хальбвакс продемонстрировал в своей работе «Легендарная топография Евангелий на Святой Земле», где он рассмотрел процесс поиска географических реалий для евангелистских известий о земной жизни Христа и показал искусственный характер найденных аналогий. Временная соотнесенность также носит весьма условный характер и может проявляться в установлении соответствия между фактами индивидуальных биографий и социально значимыми событиями.

2. Социальная отнесенность: в этом пункте Хальбвакс повторяет аргументацию Дюркгейма, утверждая, что каждая социальная группа оперирует своими критериями для определения и запоминания значимых фактов. Социальные рамки различных социальных групп, как правило, не совпадают, поэтому каждая группа формирует свой образ прошлого, призванный обеспечить четкую самоидентификацию любого индивида, принадлежащего к данному сообществу.

Коллективная память, существующая в определенной социальной группе, характеризуется двумя основными чертами: своеобразием и долговечностью. Свообразие заключается в стремлении преуменьшить внутренние различия в пользу внутреннего единства, отличающего данную группу от всех остальных. При этом своеобразие является «скользящим» фактором, суть которого заключается в том, что внутреннее единство группа приобретает лишь при соотнесении с аналогичными социальными образованиями. В то же время внутри этой социальной группы единство оказывается кажущимся и каждая подгруппа выражает стремление подчеркнуть собственное своеобразие. Индивид становится носителем сразу нескольких идентичностей, актуализация одной из которых оказывается связанной с тем уровнем, на котором функци-

онируют данные социальные группы (межгосударственный, национальный, региональный и т.д.). Политическая идентичность, отчетливо проявляющая себя на межгосударственном уровне, оказывается утраченной при разрешении конфликтов, протекающих на внутрисоциальном уровне, например, при столкновении различных социальных или национальных групп. Долговечность социальной памяти проявляется в стремлении предельно отдалить исходный пункт возникновения данной социальной группы и представить ее существование как линейную, протекающую непрерывно от точки зарождения до нынешнего состояния.

3. Воссоздающий характер: специфика социальной памяти заключается в том, что она не существует в виде упорядоченного набора фактов, с заранее оговоренными сценариями интерпретации, но постоянно воссоздается в результате изменения интересов социальных групп. В процессе воспоминания единичные факты, в целях экономии мышления, сворачиваются в определенные стандартизированные мифологемы. Тем самым они теряют свою уникальность, но приобретают универсальный характер обязательных для всех членов данного сообщества предписаний, имеющих сакральную окраску. Механизм перехода индивидуального опыта в достояние коллективной памяти тесно связан с социально-биологическими циклами, важнейшим из которых является смена поколений. Знание о событиях прошлого в процессе передачи воспоминаний от поколения к поколению постепенно лишается уникальных особенностей, свойственных личным воспоминаниям очевидца этих событий, и приобретает универсальный (в смысле значимости не для конкретного индивида, а для всей социальной группы в целом) характер.

Социальные рамки памяти, существующие в настоящем, определяют тот образ прошлого, который удается удержать коллективу и индивидуальному человеку, как его представителю, в своем сознании. Смена референциальных рамок ведет за собой и изменение тех фактов, которые удерживаются в социальной памяти, но поскольку само существование подобных рамок не осознается их носителями, то и изменение содержания памяти не фиксируется в сознании представителей социальной группы. Следует сразу оговориться, что это положение Хальбвакса оказывается верным применительно к устной памяти, передающейся в процессе непосредственной коммуникации и не закрепляемой в письменных источниках. Наличие текстов, фиксирующих содержание социальной памяти, позволяет создать «точки отсчета», сравнение

которых демонстрирует не только устойчивый характер социальной памяти, но и ее постоянную изменчивость [5, с. 18].

Выбор цивилизации в качестве основного субъекта социальной памяти, выражающийся в стремлении соотнести определенный набор современных представлений о прошлом с формированием цивилизационной идентичности (совокупностью культурных и этнических маркеров), становится основанием для структурирования глобальной социальной действительности. В этом процессе можно выявить внутренние противоречия.

Первым из них является понимание того, что цивилизация в качестве субъекта процессов обращения к прошлому оказывается шире национально-государственных структур. Уже П. Нора обращал внимание, что уходит в прошлое проект «нации-памяти», когда прошлое автоматически отождествляется с прошлым определенной гражданской нации, совпадающей с совокупностью граждан одного государства. Этот проект национального строительства, берущий свое начало в постепенном кризисе колониальных систем, начинающемся в XVIII в., полностью исчерпывает себя в связи с глобализационными тенденциями. Национальное государство, обладавшее действенными практиками конструирования прошлого в условиях информационной автономности, лишается своих преимуществ в результате плюрализации социального порядка и перехода к открытой конкуренции на всех уровнях общественной организации, в том числе и на уровне различных типов социальной памяти.

Вторым фактором, негативно влияющим на возможность использования цивилизационного подхода в исследованиях социальной памяти, становится неразработанность самой методологии исследования, позволяющая использовать его в процессах легитимации политических притязаний. Нельзя не согласиться с В. А. Шнирельманом, что «цивилизационный подход, делающий упор на самобытности и самоценности каждой так называемой цивилизации, оказался очень удобным для пропаганды патриотических идей и выковки национального самосознания. В этом смысле этот подход снимал давний антагонизм, свойственный оппозиции “культура/цивилизация”, и делал цивилизацию воплощением особой культуры. Поэтому в условиях кризиса идентичности и роста антизападнических настроений цивилизационный подход показался отдельным авторам учебников удачным способом преодоления европоцентризма» [6, с. 137].

Преимущества цивилизационного подхода оказались тесно связаны с его недостатками,

поскольку абсолютизация уникальности одной цивилизации подразумевает настороженное отношение к другим цивилизациям, что делает цивилизационный подход, как это продемонстрировал С. Хантингтон в своей концепции «столкновения цивилизаций», основанием для выстраивания конкурирующих систем в условиях уже глобального социума.

Таким образом, применение цивилизационного подхода в исследованиях социальной памяти симптоматично, поскольку является методологическим ответом на необходимость переосмысления практик обращения к прошлому в условиях усложняющейся и динамично изменяющейся социальной действительности. Применение данного подхода должно сопровождаться разработкой методологических критериев определения цивилизаций в условиях современного глобального социума.

Работа выполнена в рамках проекта «Политика памяти в условиях межцивилизационного противостояния» гранта Президента РФ (МК-6968.2015.6).

Список литературы

1. Durkheim E. The elementary forms of the religious life. L., 1976. 356 p.
2. Гофман А. Б. Семь лекций по истории социологии. М., 2001. 202 с.
3. Васильев А. Г. Воплощенная память : коммеморативный ритуал в социологии Э. Дюркгейма // Социологическое обозрение. 2014. Т. 13, № 2. С. 148–162.
4. Хаттон П. История как искусство памяти. СПб., 2004. 424 с.
5. Ассман Я. Культурная память : Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. 402 с.
6. Шнирельман В. А. Цивилизационный подход, учебники истории и «новый расизм» // Расизм в языке социальных наук / под ред. В. Воронкова, О. Карпенко, А. Осипова. СПб., 2002. С. 131–145.

Civilization Conflicts and Transformation of Subjects of Social Memory

D. A. Anikin

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410002, Russia
E-mail: dandee@list.ru

In article the question of change of subjects of social memory in the conditions of crisis of the national type of memory and activation of processes of globalization is raised. The scientific retrospective of a formulation of the question about the subject of social memory is considered, the existing points of view and the used arguments are

analyzed. In the conditions of globalization of the state cease to possess monopoly for expression of ideas of the past therefore there is a need for search of new subjects. The author analyzes possibility of civilizations to act as subjects of social memory and points to risks of use of collective ideas of the past as justification of the modern civilization conflicts. Special value accepts this question in the conditions of the Russian society where civilization approach gained distribution as an alternative to vulgar Marxism, but gained the ethnic focused lines.

Key words: civilization, social memory, social space, conflicts.

References

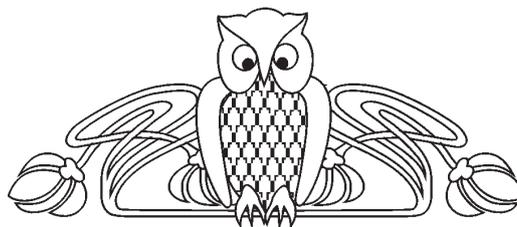
1. Durkheim E. *The elementary forms of the religious life*. London, 1976. 356 p.
2. Gofman A. B. *Sem leksiy po istorii sotsiologii* (Seven lectures on sociology history). Moscow, 2001. 202 p.
3. Vasilyev A. G. Voploschennaya pamyat: kommemorativnyy ritual v sotsiologii E. Dyurkgeyma (Incarnate memory: commemorations ritual in E. Durkheim's sociology). *Sotsiologicheskoe obozrenie* (Russian Sociological Review), 2014, vol. 13, no. 2, pp. 148–162.
4. Hutton P. *History as an art of memory*. Hanover; London, 1993. 231 p. (Russ. ed.: Hutton P. *Istoriya kak iskusstvo pamyati*. St.-Petersburg, 2004. 424 p.).
5. Assman J. *Das kulturelle Gedächtnis: Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen*. Munich, 1992. 444 s. (Russ. ed.: Assman J. *Kulturnaya pamyat. Pismo, pamyat o proshlom i politicheskaya identichnost v vysokih kulturah drevnosti*. Moscow, 2004. 402 p.)
6. Shnirelman V. A. Tsivilizatsionnyy podhod, uchebniki istorii i «novyy rasizm» (Civilization approach, textbooks of history and «new racism»). *Rasizm v yazyike sotsialnykh nauk* (Racism in language of social sciences). Ed. by V. Voronkov, O. Karpenko, A. Osipov. St.-Petersburg, 2002, pp. 131–145.

УДК 101

РОЛЬ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В РАЗВИТИИ

Борщов Александр Сергеевич –

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, Саратовский государственный технический университет им. Гагарина Ю. А.
E-mail: borshov@sstu.ru

В статье раскрыты место и роль неопределенности в развитии в качестве фундаментальной характеристики бытия, в том числе бытия человека, связь с категориями случайности, хаоса. С позиций обобщенной концепции детерминизма подчеркивается объективный характер неопределенности, связанной с неустойчивостью динамических систем. Показываются роль неопределенности на различных структурных уровнях действительности и на разных этапах развития, ее фундаментальный характер. В качестве методологических оснований неопределенности полагаются противоречивость движения, единство изменчивости и устойчивости объектов, континуум материального и идеального, связи и обособленности. Выделенные сущностные характеристики бытия, в свою очередь, предстают в качестве различных проекций первоосновы, единого.

Ключевые слова: неопределенность, определенность, случайность, изменения, отношения, объективность, детерминация.

DOI: 10.18500/1819-7671-2015-15-4-9-13

Категория неопределенности тесно связана с другими, среди них, например, категории риска, нечеткости и др., одной из таких является категория случайности. Часто события с неопределенным исходом считаются случайными. Однако если случайность есть неопределенность, то неопределенность не обязательно является случайностью. Она представляет собой форму неопределенности, характеризующей массовые события. Другая особенность случайности со-

стоит в том, что это – фундаментальная объективная характеристика природных процессов и должна допускать измерение, а в случае неопределенности такая мера отсутствует. Доминирующей является точка зрения, согласно которой неопределенность является следствием неосведомленности, недостатка знаний. Вопрос в том, означает ли эта ситуация отсутствие детерминированности? Отсюда следует необходимость исследований данного феномена с позиций принципа детерминизма, через призму которого в основном изучался феномен случайности. Учитывая связь и пересечение вышеназванных категорий, представляется продуктивным использование детерминистских подходов и выводов в отношении случайности и по отношению к неопределенности.

Следует иметь в виду многозначность и историчность термина «детерминизм». Он часто употребляется для обозначения лапласовского детерминизма, исходящего из представлений о Вселенной как гигантской машине, функционирующей по законам механики. Поведение этой «машины» считалось однозначным и предсказуемым. Всякая случайность, а соответственно, и неопределенность принципиально отрицались: «Мы должны рассматривать настоящее состо-

яние Вселенной как следствие ее предыдущего состояния и как причину последующего» [1, с. 9]. В дальнейшем подобная детерминация получила название динамической.

Отождествление детерминизма с однозначной причинно-следственной зависимостью привело к индетерминизму, абсолютизовавшему случайность и отрицавшему необходимость. Возникновение вероятности объявлялось нашим незнанием. В действительности же, случайность имеет объективные основания и статистическое описание событий столь же правомерно, как и динамическое. Данная точка зрения в настоящее время доминирует. Следует отметить, что ряд ученых, среди которых Н. Бор, В. Гейзенберг, М. Борн, П. Дирак и др., объявили статистическое, вероятностное описание и детерминизм несовместимыми. Здесь, однако, происходит подмена понятий. Вероятностное описание событий несовместимо не с детерминизмом вообще, а с лапласовским детерминизмом. Случайность как неотъемлемый элемент квантомеханической теории не делает эту теорию индетерминистской. Случайность и детерминизм совместимы [2, с. 146]. Неопределенность оказывается детерминированной не только нашим незнанием, но и объективными факторами.

В обобщенной концепции детерминизма признается наличие как динамической, так и статистической детерминации. Первая характерна для простых, классических систем, вторая – для больших микроскопических систем, подчиняющихся статистическим закономерностям. Однако оказалось, что даже простые физические системы, описываемые динамическими уравнениями, могут вести себя непредсказуемо. Неопределенность оказывается объективно, имманентно присущей бытию. Здесь речь идет о непредсказуемости иного типа, связанной не с числом элементов, а с неустойчивостью самих динамических систем.

Все системы содержат в себе постоянно флуктуирующие подсистемы. Отдельные изменения или их комбинации под действием положительной обратной связи становятся настолько мощными, что данные структуры разрушаются. В этой точке (бифуркации) принципиально невозможно определить вектор дальнейшей эволюции системы. Неопределенность оказывается не результатом недостатка информации, а природой самой реальности. Если в данной критической точке нельзя предсказать, в каком состоянии окажется система, то после того, как траектория (одна из многих возможных) выбрана, снова продолжает действовать необходимость [3, с. 17–18, с. 28–29]. Неопределенность и определенность

оказываются последовательно связанными друг с другом. Очевидно, данная закономерность будет общей для эволюционирующих систем. Появление новой информации в системе, что, собственно, и делает ее развивающейся, возможно лишь в случае сочетания неопределенного и определенного. Это ярко проявляется в социальной сфере, где динамическая стабильность конкретной социальной структуры как целого детерминирована вероятностно-статистическим разбросом и неупорядоченностью на уровне отдельных элементов – индивидов, противоположный характер интересов и действий которых обуславливает эту эволюционирующую структуру. Лишь стохастичность, связанная с разнонаправленностью индивидуальных векторов поведения, приводит к прогрессивному развитию.

Это справедливо, в том числе для социального познания, где также нельзя предложить жестко детерминированную модель, программу достижения желанной цели, элиминирующую элементы неопределенности и случайности [4, с. 138]. В социальную модель следует изначально закладывать гибкую стратегию, исходящую из нескольких линий развития, возможности выбора и постоянной корректировки поведения.

Здесь можно выделять неопределенности двух видов. Прежде всего следует подчеркнуть роль субъективных факторов, которые наряду с объективными обуславливают социальную динамику. Но результаты любой деятельности могут не соответствовать намерениям и в силу ряда объективных причин, относящихся к самой действительности. Каузальные и некаузальные детерминанты не существуют изолированно, в результате средства, используемые для достижения целей, воздействуют на многочисленные факторы, а не только на единственное причинно-следственное отношение. Это связано и с нашим незнанием, ограниченностью познавательных способностей, и с онтологическими основаниями бытия. Это подчеркивает Р. Акофф: «“Неудача” той или иной акции, поступка не обязательно есть результат ошибочных действий человека. Она бывает и результатом объективных “отклонений”» [5, с. 18]. Разумеется, избавиться от стереотипа предопределенности, однозначности оказывается не просто, но непредсказуемость и неопределенность являются не только помехами прогрессивному развитию, но и его условием.

Неопределенность, хаос являются существенными элементами действительности. Они присутствуют на всех структурных уровнях действительности, являясь существенными моментами порождения, возникновения нового. Например, в неживой природе неопределенно то,

что было до Большого взрыва, из которого возникла Вселенная. Причем дело не в современных теориях, не работающих. И дело не только в том, что современные теории не работают в данной сингулярной области. Мы не можем получить знание о том, что было до Большого взрыва, так как определенность, информация (в том числе и вероятностного характера) – то, что подлежит изучению, появляется лишь в результате этого взрыва, вместе с возникновением и эволюцией самой Вселенной. Для структурного уровня, характеризующего небесные тела, продолжает быть актуальной гипотеза Лапласа и Канта об их возникновении из материнской неопределенной туманности.

Неопределенность в неживой природе описывается принципом неопределенностей Гейзенберга, из которого вытекает, что для частицы невозможно одновременно точно измерить ее координату и импульс. Чем точнее измеряется координата, тем менее точно – импульс. Этому принципу эвристически продуктивно придать расширительное толкование в отношении макромира: увеличение определенности, точности конкретных параметров, описывающих каждую макросистему, возможно лишь за счет возрастания неточности, неопределенности иных. Подчеркнем, что подобная неопределенность не является следствием познавательных процедур, а свойственна имманентно самому объекту.

В живых системах неопределенность характеризует их возникновение в виде неопределенных мутаций, следствием которых является многообразие видов. В сфере познания, по Т. Куну, любая научная революция сменяет концептуальный хаос, являющийся неэлиминируемым элементом гносеологических процедур. Древние картины мира оказываются наполненными мифологемами неопределенности и хаоса. Так, Платон считал, что первоначальным является Хаос, превращающийся затем в гармоничный Космос. Секст Эмпирик исходил из того, что хаос такое место, которое вмещает в себя целое. Если бы его не было в основании, то элементы (земля, вода, космос) не возникли бы. Если устранить все, то не устраняется место, в котором это все было [6].

Что касается финальных стадий процессов, то любые материальные системы вырождаются и распадаются, а неопределенность, сменяющая определенность, вырождается в хаос. О таком превращении, например, упоминается в египетской Книге мертвых, где говорится о том, что Ра угрожает богам разрушить все созданное и превратить, как вначале, мир в хаос и бесконечность [6]. Следствием второго начала термоди-

намики является вывод о том, любые замкнутые системы необратимо деградируют с ростом энтропии, характеризующей беспорядок, хаос. Системы распадаются, переходя от более к менее упорядоченному состоянию. Удивительно то обстоятельство, что, казалось бы, частная закономерность является доминирующим принципом постмодернистской философии, постулирующим финальность любых систем, доминирование упадка, нестабильности, несохранения [7, с. 22, 23]. Неопределенность, хаос характеризуют не только начальные и финальные стадии всякого процесса, но и любой его этап. Всегда существует такая система, в рамках которой всякий объект будет неопределенным и неупорядоченным.

Неопределенность – всеобщая, фундаментальная характеристика бытия, и, следовательно, она является категориальной формой действительности и может быть описана соответствующей философской категорией. Неопределенность амбивалентна определенности сущего, которая заключается в возможности того, чтобы о нем можно было (категориальная определенность) сказать [8, с. 424]. Определенность отражает существование некоторой материальной или логической упорядоченности, поэтому неопределенность – категория, отражающая отсутствие всякой (материальной или логической) упорядоченности. Здесь рассматривается конкретная неопределенность. Абсолютная, чистая неопределенность, являющаяся не только первоосновой действительности, но и основанием системы категорий, неопределяема (так же, как множество в метаматематике). Ее можно лишь интуитивно угадать и чувственно пережить, прочувствовать.

Важная роль принадлежит неопределенности в человеческом бытии. Они двусторонне связаны. По мнению Б. Н. Пойзнера, в большинстве мифов последним этапом движения от хаоса к космосу является человек. В жизни человека доминирующим оказывается порядок, Логос. Действия человека направлены на космизацию, переход хаоса в космос [9, с. 104]. Такой подход доминирует. Здесь неопределенность, хаос полагаются чуждыми, требующими преодоления. Такая сторона в бытии человека, конечно, присутствует, но она не является единственной и преобладающей.

Надо отметить, что неопределенность играет не только отрицательную, но и положительную роль, являясь неэлиминируемым, конструктивным элементом бытия человека. Она тревожит человека (хаос – «зев», «бездна») и одновременно манит его (риск). Этика, несмотря на существующие нравственные законы, наполнена неопре-

деленностью. Этические нормы изменчивы и историчны. Существуют вечные вопросы: морально жертвовать одной жизнью, чтобы спасти другие, жизнью старика для спасения молодого и т.д. Тайна – сторона неопределенности, которая заставляет исследователя искать истину.

Что является причинами неопределенности? В качестве таковых, как правило, выделяются субъективные факторы. Действительно, в силу относительности нашего знания в ходе познания имеет место преодоление неопределенности. Но полного преодоления при познавательных процедурах не происходит. В значительной степени неопределенность принадлежит к объективным качествам исследуемого объекта и значит не абсолютно зависит от гносеологических процедур. Существует поле многообразных неопределенностей, которые мы в процессе деятельности (в том числе познавательной) принципиально не способны исключить [10, с. 121].

В качестве метафизических оснований неопределенности выделяется противоречивость движения, отраженная еще Апориями Зенона [11, с. 16]. Вещь покоится и движется, одновременно в данное время и данном месте существует и не существует. Подобное относится и к любому движению – изменению. Современная научная парадигма исходит из тотальности изменений и их спонтанности. Изменчивость является фундаментальным свойством универсума. Д. Бом подчеркивает, что в основании реальности находится порождающее мир «холодвижение» [12, с. 56]. Изменения являются основой существования самих объектов на любых структурных уровнях материи и ярко проявляются в социальных системах и по отношению к человеку. Их процессуальность – условие саморазвития, вхождения в другие социальные системы, взаимодействия. Неопределенность оказывается не навязанной объекту извне, а вытекающей из присущей ему имманентно процессуальности, проистекающей, в свою очередь, из противоречивости движения. Следует подчеркнуть, что изменения неразрывно связаны с устойчивостью. Всегда существует некое состояние, представляющее собой неразрывное единство и взаимообусловленность изменчивости и устойчивости – сущностные основания мира и человека.

Можно выделить и другие атрибутивные свойства человека. Кроме процессуальности, континуума устойчивости и изменчивости человек предстает как неразрывность материального и идеального. Наконец, как социальное существо человек возможен лишь как некая совокупность отношений связи с другими людьми и одновременно обособленности в своей идентичности.

Выделенные амбивалентные сущностные характеристики человека, в свою очередь, предстают в качестве некоей единой сущности человека, единого, являясь его различными проекциями. Они взаимодействуют, оказывают влияние друг на друга, порождая неопределенности бытия человека, являющиеся необходимыми условиями его существования и развития.

Список литературы

1. Лаплас П. Опыт философии теории вероятностей. М., 1908. 206 с.
2. Бунге М. Философия физики. М., 1975. 347 с.
3. Пригожин И. Н., Стенгер И. Порядок из хаоса. М., 1986. 432 с.
4. Ярская В. Н. Научное предвидение. Саратов, 1980. 181 с.
5. Акофф Р. Искусство решения проблем. М., 1982. 224 с.
6. Мифы народов мира. Энциклопедия : в 2 т. / под ред. С. А. Токарева. М., 1980. Т. 1. 654 с.
7. Козловски П. Культура постмодерна. М., 1997. 240 с.
8. Философский словарь / под ред. Г. Шмидта. М., 1961. 718 с.
9. Поизнер Б. Н. Хаос, порядок, время в древних картинах мира // Прикладная нелинейная динамика. 1993. № 3–4. С. 97–109.
10. Шульце Д. Теория нечетких множеств и многозначные логики // Философские науки. 1983. № 6. С. 121.
11. Гречанова В. А. Неопределенность и противоречивость в концепции детерминизма. Л., 1990. 136 с.
12. Капра Ф. Уроки мудрости / под ред. В. И. Аршинова, М. П. Папуша, В. В. Самойлова, В. Н. Цапкина. М., 1996. 318 с.

Role of Uncertainty in the Development

A. S. Borshov

Technical University of Saratov,
77, Politechnicheskaya str., Saratov, 410054, Russia
E-mail: borshov@sstu.ru

Showing the place and role of uncertainty in the development as the fundamental characteristics of existence, including human existence; connection with the categories of randomness and chaos. From the standpoint of the generalized concept of determinism emphasizes the objective nature of the uncertainty associated with the instability of dynamical systems. It shows the role of uncertainty in the different structural levels of reality, and at different stages of development, its fundamental character. As methodological bases uncertainty rely contradictory movement, unity and stability of the variability of objects, the continuum of material and ideal, communication and isolation. Dedicated essential characteristics of being, in turn, appear as different projections primordial, single.

Key words: uncertainty, certainty, happenstance, changes, relationship, determination.

References

1. Laplace P. A. *Philosophical essay on probabilities*. London, 1902. 164 p. (Russ. ed.: Laplace P. A. *Opyt filosofii teorii veroyatnostei*. Moscow, 1908. 206 p.).
2. Bunge M. *Philosophy of physics*. Dordrecht, 1973. 330 p. (Russ. ed.: Bunge M. *Filosofiya fiziki*. Moscow, 1975. 347 p.).
3. Prigogine I. N., Stengers I. *Poryadok iz khaosa* (Order out of chaos). Moscow, 1986. 432 p.
4. Yarskaya V. N. *Nauchnoe predvidenie* (Scientific prediction). Saratov, 1980. 181 p.
5. Akoff R. *The art of problem solving*. New York; Chichester; Brisbane; Toronto, 1978. 160 p. (Russ. ed.: Akoff R. *Iskusstvo resheniya problem*. Moscow, 1982. 224 p.).
6. *Mify narodov mira. Entsikl.: v 2 t.* (Myths of the peoples of the World. Encyclopedia: in 2 vol.). Ed. by S. A. Tokarev. Moscow, 1980. Vol. 1. 654 p.
7. Kozlowski P. *Die postmoderne Kultur: Gesellschaftlich-kulturelle Konsequenzen der technischen Entwicklung*. Munchen, 1988. 210 p. (Russ. ed.: Kozlovsky P. *Kultura postmoderna*. Moscow, 1997. 240 p.).
8. *Filosovfskiy slovar* (Philosophical Dictionary). Ed. by G. Schmidt. Moscow, 1961. 718 p.
9. Poyzner B. N. *Haos, poryadok, vremya v drevnikh kartinakh mira* (Chaos, order, time in the world of ancient paintings). *Prikladnaya nelineynaya dinamika* (The applied social dynamics), 1993, no. 3–4, pp. 97–109.
10. Shults D. *Teoriya nechetkikh mnozhestv i mnogoznachnye logiki* (The theory of fuzzy sets and many-valued logic). *Filosofskie nauki* (The Philosophical Sciences), 1983, no. 6, pp. 119–124.
11. Grechanova V. A. *Neopredelennost i protevorechivost v kontseptsii determinizma* (The uncertainty and inconsistency in the concept of determinism). Leningrad, 1990. 136 p.
12. Kapra F. *Uncommon wisdom*. New York, 1988. 210 p. (Russ. ed.: Kapra F. *Uroki mudrosti*. Pod red. V. I. Arshinova, M. P. Papusha, V. V. Samoilova, V. N. Tsapkina. Moscow, 1996. 318 p.).

УДК 123.1

КАТЕГОРИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ПРОБЛЕМЫ СВОБОДЫ

Бусов Сергей Васильевич –

кандидат философских наук, доцент кафедры социальных и гуманитарных наук, Санкт-Петербургский университет информационных технологий, механики и оптики
E-mail: swbusoff@mail.ru

Статья посвящена анализу соотношений свободы и необходимости, возможности и действительности, выбора и отбора, свободы и ответственности. Определяются основные закономерности (тенденции), управляющие социальными процессами, в рамках которых проявляется свобода, а именно механизмы отбора и суперотбора. Описываются эссенциология, феноменология и аксиология свободы. Определяется понятие свободы в социуме, которая реализуется лишь в условиях суперотбора (отбора самих факторов отбора), т.е. в условиях контроля за социальным отбором со стороны субъекта. Свобода есть процесс самоорганизации, и в рамках этого процесса вырастает новый уровень – ответственность, организационно достраивающий свободу до уровня «познанной случайности в рамках данной закономерности». Свобода и ответственность представляют собой соотношение двух аспектов социальной реальности – самоорганизации и организации. Ставится проблема возможности гармонии свободы и ответственности.

Ключевые слова: свобода, необходимость, случайность, возможность, действительность, отбор, выбор, суперотбор, социальная синергетика, нелинейность, неопределенность, бифуркация, факторы отбора.

DOI: 10.18500/1819-7671-2015-15-4-13-18

В истории философии исследования понятия свободы связаны с мировоззрением, философской традицией, школой, методами изложения. Свобо-

да сводилась нередко к воле, выбору, свобода воли отождествлялась с субъектом, а сознание – с волей и свободой, воля – с деятельностью, выбором, ответственность – с необходимостью, с высшей божественной волей или даже – с наказанием. Процессы, лежащие в основании свободы, воли и выбора, часто относились к сфере трансцендентного (божественного) или, наоборот, полагались имманентными субъекту. В представлении людей функцию отбора (селекции возможностей и их реализации) выполняли скрытые сущности: демиург, бог (боги), природа (природные силы, стихии) и пр. В условиях государства существует политический отбор, распределяющий функции прав и обязанностей среди классов, сословий, групп и индивидов.

Социальный отбор контролируется субъектом через процесс выбора. При этом уровень выбора детерминирован двояко: действием социального отбора (реальностью общественного бытия) и действием воли субъекта (реальностью субъективного, личностного бытия). Итак, с одной стороны, существует объективный закон – отбор, а с другой – субъективный закон (воля). Субъективный закон по форме соответствует объективному:

имеется множество мысленных вариантов поведения, виртуальных возможностей, идет отбор мотивов-желаний, побеждает одна возможность-желание, человек приступает к ее реализации. Объективный отбор осуществляется среди объективных возможностей, причем одной из таких возможностей становится деятельность субъекта в направлении реализации избранного желания.

Возможность впервые определил Аристотель, возведя ее в ранг категории, как сущее и одновременно не-сущее, что есть и чего еще нет. На философском уровне – как потенциальное бытие внутри актуального бытия (наличного бытия), а на обыденном – как будущее в рамках настоящего. То, что квантовая физика и синергетика добавляют в содержание возможности в виде принципа *неопределенности*, делает ее весьма значимой в современной (философской и общенаучной) картине мира. Категории возможности и действительности определяют природу процессов эволюции во Вселенной вообще и в обществе в частности.

Античность толковала свободу как частное дело. Свобода не могла вписаться в структуру космоса, где господствовал строгий порядок, необходимость. Однако за частным усматривалось и общее. Этого положения придерживался Аристотель, которому был не чужд эмпиризм. На уровне единичного происходит реальный отбор, существуют альтернативы, возможности, например, в повседневной жизни. По Аристотелю, необходимость, возможность и действительность – это логические понятия в *нусе* (др.-греч. νοῦς – мысль, разум, ум). Возможность – это одновременно и бытие, и небытие, или то, что можно считать одновременно и существующим, и несуществующим. Чистую возможность следует рассматривать применительно к материи, не подвергшейся воздействию формы. Чистая действительность, по Аристотелю, это идея или форма, которая, реализуясь в материи, образует *вещь*. Глина есть горшок в возможности: «Так, например, ящик не земляной и не земля, а деревянный, ибо дерево есть ящик в возможности, и оно материя ящика: дерево вообще есть ящик в возможности вообще, а материя этого вот ящика – вот это дерево» [1, с. 243–244]. Аристотель полагал *необходимость* перехода возможности в действительность, а также логически обосновывал такой переход при наличии соответствующих условий и отсутствия препятствий для него. Возможностей может быть несколько, и должен иметь место *случай*, осуществляющий выбор из них. Так, из глины может появиться кирпич, дом, горшок, игрушка и многое другое: «То, что из сущего в возможности становится действи-

тельным через замысел, можно определить так: оно то, что возникает по воле [действующего], если нет каких-либо внешних препятствий; а там, у выздоравливающего [возможность переходит в действительность], когда нет никаких препятствий в нем самом; точно так же дом в возможности: если ничто из того, что относится к нему, т.е. в материале, не мешает этому материалу стать домом и нет ничего, что надо было бы прибавить или убавить, или изменить, – то это дом в возможности; и одинаково обстоит дело со всем остальным, у чего начало возникновения находится вовне. А там, где начало возникновения имеется в самом [возникающем], в возможности есть то, что при отсутствии каких-либо внешних препятствий станет сущим в действительности через себя; например, семя еще не есть человек в возможности (ему надо попасть во что-то другое и преобразоваться)» [1, с. 243]. Рассуждая о свободном выборе, Аристотель относит его к действию [2, с. 314]. Поскольку беспричинных действий нет, то и любой выбор имеет причину и совершается по необходимости.

Перейдем к аналогичным рассуждениям Гегеля. *Действительность* для него составляет единство сущности и явления. От непосредственного существования действительность отличается двумя признаками, которые делают ее конкретной и содержательной категорией: она включает в себя, во-первых, *возможность*, как нечто существенное и, во-вторых, *необходимость*, как ограничитель возможного, т.е. как *закономерность*. Действительность – не только осуществленная возможность, но и реальная возможность дальнейшего развития. Реальную возможность следует отличать от возможности абстрактной, считает Гегель: «Далее следует сказать, что с таким же правом, с каким все рассматривается как возможное, мы можем рассматривать все как невозможное <...> Можно сказать: материя невозможна <...> Возможно ли нечто или невозможно, это зависит от содержания, т.е. от тотальности моментов действительности, которая в своем раскрытии обнаруживает себя как необходимость» [3, с. 316–317]. Необходимость – компонент действительности, ограничивающий область возможного, сводящий ее к реальной возможности. Действительно только то, что неотвратимо и вызвано существенными, закономерными факторами. Как и сущность, необходимость не предстает перед нами непосредственно, она всегда облачена в форму своей противоположности – *случайности*. Случайность есть форма проявления необходимости, а потому случайное есть нечто такое, что может быть, а может и не быть; его бытие или небытие имеет

основание не в нем самом, а в другом: «Возможность и случайность суть моменты действительности, суть внутреннее и внешнее, положенные лишь как формы, которые составляют *внешность* действительного» [3, с. 318]. Таким образом, случайность так же как необходимость сводит сферу возможностей к единственной, или реальной возможности. В отличие от Аристотеля, Гегель, пожалуй, впервые возвел случайность в ранг категории. Однако Гегель неоправданно зауживает *неопределенность* развития как в его основании, так и в его следствиях.

Современная синергетика (в частности социальная) занимается исследованием сущности процессов *самоорганизации*, а именно того, что, в частности, входит в категориальное содержание понятия свободы. Проявление этих процессов в виде непосредственно наблюдаемых социальных феноменов, а также логику их дальнейшего существования во времени – все это отнесем к разделам эссенциологии, феноменологии и эсхатологии свободы. Соотношение категорий возможности и действительности онтологически выражается в таком внутреннем механизме эволюции, как *отбор*. Поскольку источником нашего сознания, нашей воли и желаний является объективный мир, который представлен соответствующей системой объективных законов и тенденций, то онтологический аспект проблемы свободы будет определяться соотношением категорий возможности и действительности, а также необходимости и случайности, закономерности, сущности и явления, простого и сложного, порядка и хаоса и т.д. Аспект интерпретаций, а также проблема истины в столь сложном исследовании требуют развитой эпистемологической установки (*гносеологический* аспект). *Аксиологический* аспект исследования в том, что свобода выступает как *культурная* норма, предполагающая определенный критерий – *идеал*. Поэтому она исследуется как ценность, познается ее ценностное содержание, что весьма сложно, потому что ценность «пропускается» через эмоциональное переживание.

Свобода как этическая (политическая и юридическая) норма должна быть дополнена адекватной ей нормой ответственности (право и обязанность, преступление и наказание и т.д.). Возникает проблема реального и идеального (морального) соотношения свободы и ответственности. Категориальная пара «свобода и ответственность» не ограничивается сферой морали и юриспруденции, ее, прежде всего, следует рассматривать в аспекте онтологии (философии истории и социальной философии). Ответственность выступает как система норм и правил,

определяющих ее конкретно-историческую форму. Существует своеобразная норма ответственности, так же как определенная социально-историческая норма свободы. Если свобода – «дитя самоорганизации», то ответственность – «дитя организации», и для того чтобы контролировать процесс самоорганизации, в рамках свободы необходимо выстроить систему (иерархию, порядок, *организацию*) ответственности.

В категориальной структуре *модели* свободы обнаруживается уровень сущности (уровень эссенциологии исследования), выражающий процесс отбора. Он включает соответствующий механизм, предполагающий действие определенных факторов (законов, устойчивых тенденций) социального отбора, которые обозначим как тезаурус, детектор и селектор [4, с. 69]. «Тезаурус составляет множество возможных диссипативных структур, возникающих потенциально в недрах данной актуально существующей структуры как результат соответствующей бифуркации. В роли детектора, выбирающего из тезауруса определенную бифуркационную структуру и тем самым превращающего ее из возможности в действительность, выступает внутреннее взаимодействие элементов социальной системы» [5, с. 120]. Селектор – это закон, налагающий ограничения на действие детектора или тот принцип, которым детектор «руководствуется» при отборе и реализации той или иной возможности. При этом, согласно В. П. Бранскому, «закон отношений внутреннего взаимодействия в системе с ее внешним взаимодействием со средой определяет тот принцип устойчивости, на основании которого детектор должен выбирать из множества возможных бифуркационных структур наиболее устойчивую в данной среде <...> Только взаимодействие всех трех факторов – тезауруса, детектора и селектора – делает понятной творческую силу социального отбора и его способность творить “чудеса”» [5, с. 121].

Сущность такого широко распространенного социального явления, как *выбор* (который в литературе часто признается аналогом свободы, ее синонимом, что не совсем верно) предстает, с одной стороны, в виде обезличенного (надличностного) всеобщего (интерсубъективного) механизма социального отбора, а с другой – как сугубо интимный процесс волевой деятельности индивида (группы), связанный с борьбой внутренних мотивов, привязанностью к определенной системе ценностей, верой в идеалы, стремлением к истине, т.е. с множеством психологических факторов. В проблеме свободы чаще всего речь идет о выборе субъектом возможностей своей дальнейшей эволюции (в социуме, в

мире). Проницательность Аристотеля привела его в свое время к разграничению истины и идеала, а именно, что истина одна и выбора по отношению к ней у человека нет, а идеалов (вкусовых предпочтений) много.

Великие открытия И. Пригожина, Г. Хакена, М. Эйгена, Э. Янча, С. П. Курдюмова и многих других в развитии принципов нелинейного мышления позволили понять, что «порядок», действительно, может реализоваться только «через флуктуацию», только «через хаос». Это означает, что своим «выбором» люди запускают некий механизм «отбора». Если представить социальный отбор как производственный процесс, то общественное производство предстанет в виде пудинга, где в качестве изюма окажется момент выбора. Однако следует подчеркнуть, что механизм социального отбора «заводится» не только от свободного выбора субъектов социальной практики, но и от любого другого резонансного импульса, будь то природная катастрофа или богатый урожай хлеба. Разница в том, что в случае свободного (автономного и осознанного) выбора субъекта механизм социального отбора работает как суперотбор (отбор самих факторов отбора), а в других случаях – как простой отбор или даже как естественный отбор. На самом деле в социуме проявляется множество видов отбора. Суперотбор включается, когда к свободе «добавляется» такая важная качественная характеристика, как *ответственность*.

Самоорганизация осуществляется на основе сложной системы отборов. В отборе проявляется не только функция хаоса (элиминации, уничтожение неустойчивых ветвей эволюции, рост мутабельности, разрушительные воздействия среды и на среду), но и порядка (совершенствования гомеостазиса, минимизации ошибок при воспроизводстве и оптимизации метаболических процессов). При этом необходимо помнить, что отбор сам «отбирается», присутствует отбор факторов отбора, т.е. суперотбор, который всегда осуществляется на конечном тезаурусе возможностей и проходит «узкий коридор в сложное» (Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов).

Суперотбор не управляется целевой причиной. Более того, если бы существовала подобная телеологическая зависимость, то не было бы, например, особой необходимости сложному субстрату функционировать по простой схеме, а «давление среды» не имело бы существенного значения. Простота функционирования прямо зависит от факторов отбора и влияния среды: сложные системы «с излишествами» отбраковываются (принцип Ле Шателье), тогда как сложные системы с простым функционированием

метастабильны. Еще один важный фактор делает понятным наличие богатого тезауруса возможностей – это касается фактора «воспроизводства с шумом» (М. Эйген) [6, с. 17]: сложные системы воспроизводятся с большим числом ошибок, чем простые, а потому у них появляется больше эволюционных перспектив. При этом минимизация проявлений сложности – закон устойчивости системы, что, прежде всего, проявляется в способе ее сосуществования с другими аналогичными системами. Согласованное (кооперативное) поведение таких систем делает их в аспекте функционирования относительно односторонними и простыми; так формируется целая культура, основанная на их коллективной жизнедеятельности (например, общественное производство у людей или муравейник у насекомых) [7, с. 19]. Именно здесь отбор и суперотбор, так же, как свобода и ответственность, распределяют свое влияние на эволюцию системы наиболее явно: простой отбор действует на иерархическую структуру «по горизонтали», а суперотбор – «по вертикали»; отбору присущ один масштаб изменений, менее значительный и на короткое время, а суперотбору – другой масштаб, более значительный и на длительное время (долгосрочная перспектива «выпрямляет» многочисленные зигзаги краткосрочной). Простой отбор действует на базе действительных предпосылок, но его деятельность неизбежно оказывает влияние на суперотбор, иными словами, простой отбор становится суперотбором, когда его действия затрагивают структуру глубинных *возможностей* эволюции системы. Свобода возникает лишь в условиях суперотбора, т.е. в условиях контроля за социальным отбором со стороны субъекта, а это уже уровень *метавозможностей*. И поскольку отбор «производит» случайность, то в условиях суперотбора субъект может воспользоваться этой случайностью, «сыграть роль детектора».

Свобода есть процесс самоорганизации, но в рамках этого процесса вырастает новый организационный уровень – ответственность, которая в рамках социума достраивает свободу до уровня «познанной случайности в рамках данной закономерности». Создать метавозможности самоорганизации и метавозможности можно, лишь всякий раз подвергая систему новому распаду, создавая новый хаос. Такая *организационная* деятельность субъекта носит характер *ответственности*.

Из сказанного ясно, что эволюция социальной реальности не сводится ни к одностороннему увеличению порядка, ни к одностороннему возрастанию хаоса. Развитие диссипативной структуры, по словам В. П. Бранского, есть рост степени синтеза порядка и хаоса, обусловленный

стремлением к максимальной устойчивости [8, с. 22]. Диалектика свободы предстает уже не как противоречие между произволом и ответственностью, а как противоречие между познанной необходимостью и познанной случайностью, что, впрочем, также соответствует гегелевской трактовке диалектики мирового духа, а именно – как противоречию между сущим и должным. Поднимаясь до «вертикального» уровня суперотбора (супервозможностей), мы можем контролировать «горизонтальный» уровень отбора. Известно методологическое высказывание Маркса, согласно которому «анатомия человека – ключ к анатомии обезьяны» (простое – через сложное, а прошлое – через настоящее). Ценность именно такой «качественной» свободы должна затмевать свободу «количественную». Свобода как познанная необходимость на уровне суперотбора предстает свободой как познанной случайностью на уровне простого отбора. Ответственной свободой, просто ответственностью, становится «познанная случайность в рамках данной закономерности» (В. П. Бранский), поскольку именно такая свобода требует сложной (высшей) организации социума. Появление феномена ответственности в разных его исторических формах обозначило мощный водораздел между популяцией животных и человеческим обществом.

Одной из главных задач социальной синергетики является обоснование возможности гармонии свободы и ответственности – через *политическую* гармонию прав и обязанностей, *экономическую* гармонию труда и капитала и т.д. Как уже говорилось, свобода и ответственность представляют собой соотношение двух важнейших аспектов реальности – самоорганизации и организации, тесно взаимосвязанных. При переходе к более высокому уровню организационной политики, сложной организации капитала (речь идет об исторически ограниченном периоде – капитализме, который у нас еще далеко не закончился), а также к более высокому уровню культурного развития индивидов произойдет и качественный скачок свободы в обществе, когда возникнет и распространится «свобода как познанная случайность в рамках закономерности». Это позволит снять парадоксальные аспекты феномена свободы (речь о соотношении крайностей – порядка и хаоса, ответственности и произвола, тоталитаризма и анархизма и т.д.). Но все эти моменты, как нам кажется, должны подчиниться общей глобальной тенденции – движению к социальной гармонии. Для более детального анализа столь важной и сложной проблемы (свободы и ответственности) требуется больше усилий и журнальных полос. Философская полемика могла бы быть здесь как нельзя кстати.

Список литературы

1. *Аристотель*. Метафизика // Соч. : в 4 т. М., 1976. Т. 1. 550 с.
2. *Аристотель*. Большая этика // Соч. : в 4 т. М., 1983. Т. 4. 830 с.
3. *Гегель Г. В. Ф.* Наука логики // Энциклопедия философских наук : в 3 т. М., 1970. Т. 1. 503 с.
4. *Бранский В. П.* Философия физики XX века. Итоги и перспективы. СПб., 2003. 253 с.
5. *Бранский В. П.* Социальная синергетика как постмодернистская философия истории // Общественные науки и современность. 1999. № 6. С. 117–127.
6. *Эйген М., Шустер П.* Гиперцикл : Принцип самоорганизации макромолекул / пер. с нем. В. И. Андреева ; ред. М. В. Волькенштейн, Д. С. Чернавский. М., 1982. 270 с.
7. *Пригожин И.* Кость еще не брошена // Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве. М., 2002. С. 15–21.
8. Синергетическая философия истории / под ред. В. П. Бранского и С. Д. Пожарского. Рязань, 2009. 314 с.

Categorical Structure of the Problem of Freedom

S. V. Busov

University of Information Technologies, St.-Petersburg
49, Kronverksky ave., St.-Petersburg, 197101, Russia
E-mail: swbusoff@mail.ru

This article analyzes the relations between freedom and necessity, possibility and reality, choice and selection, freedom and responsibility. The basic laws (trends) that govern the social processes in which freedom is manifested, namely, selection mechanisms and super-selection are determined. It describes essentiology, phenomenology and axiology freedom. The notion of freedom in society, which is implemented only in the super-selection (the selection of the factors of the selection themselves), that is, in the conditions of the control over social selection by the subject is defined. Freedom is a process of self-organization and in the frames of this process grows up a new level – the level of responsibility which finishes building the freedom to the level of «known chance in the framework of the given regularity». Freedom and responsibility are representing the correlation of two aspects of social reality – self-organization and organization. The problem of possibility of harmony of freedom and responsibility is posited.

Key words: freedom, necessity, chance, possibility, reality, selection, choice, super-selection, social synergy, nonlinearity, uncertainty, bifurcation, selection factors.

References

1. Aristotle. *Metafizika* (Metaphysics). Aristotle. *Soch.*: v 4 t. (Works: in 4 vol.) Moscow, 1976, vol. 1. 550 p.
2. Aristotle. *Quae feruntur Magna moralia*. New York, 1883. 126 p. (Russ.ed.: Aristotel. *Bolshaya etika* (Great ethics). *Soch.*: v 4 t. Moscow, 1984, vol. 4. 830 p.).

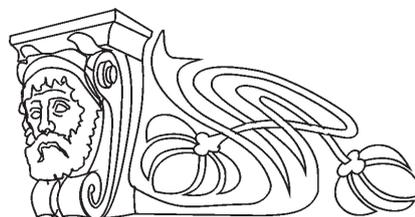
3. Hegel G. W. F. *Encyclopädie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse*. Mit Einleitung und Erläuterungen von K. Rosenkranz. Berlin, 1870, VII + 456 S. (Russ. ed.: Gegel G. V. F. *Nauka logiki. Entsiklopediya filosofskikh nauk*: v 3 t. Moscow, 1970, vol. 1. 503 p.).
4. Branskiy V. P. *Filosofiya fiziki XX veka. Itogi i perspektivy* (Philosophy of physics of the twentieth century. Results and prospects). St.-Petersburg, 2003. 253 p.
5. Branskiy V. P. *Sotsialnaya sinergetika kak postmodernistskaya filosofiya istorii* (Social synergetic as postmodern philosophy of history). *Obshchestvennye nauki i sovremennost* (Social sciences and the present). 1999, no. 6, pp. 117–127.
6. Eigen M., Schuster P. *The hypercycle. A principle of natural self-organization*. Berlin; Heidelberg; New York, 1979. 321 p. (Russ. ed.: Eygen M., Shuster P. *Gipertsikl: printsipy samoorganizatsii makromolekul*. Moscow, 1982. 270 p.).
7. Prigogine I. The die is not cast. *Futures. Bulletin of the World Futures Studies Federation*, January 2000, vol. 25, no. 4, pp. 17–19 (Russ. ed.: Prigozhin I. *Kost eshche ne broshena. Sinergeticheskaya paradigma. Nelineynoe myshlenie v nauke i iskusstve*. Moscow, 2002, pp. 15–21).
8. *Sinergeticheskaya filosofiya istorii* (The synergetic philosophy of history). Ed. by V. P. Branskiy, S. D. Pozharskiy. Ryazan, 2009. 314 p.

УДК 316.334

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРЯДОК И ДОВЕРИЕ: РИСКИ ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКОГО ТРАНЗИТА

Данилов Сергей Александрович –

кандидат философских наук,
доцент кафедры теоретической и социальной философии
Саратовский государственный университет
E-mail: danilovsa@info.sgu.ru

В статье исследуется транзитивное состояние политического порядка и риск-тенденций доверия на примере посткоммунистических обществ. Порядок и доверие являются взаимообусловленными явлениями, вне которых невозможно стабильное функционирование социальных систем и процессов. Выделяются вертикальная и горизонтальная оси доверия в обществе, фундированные идеологией. Деформация коммунистических режимов и кризис политических институтов определили трансформацию идеологии и доверия, когда доверие, основанное на идеологии, не смогло выступить институциональной защитой. Выделяются риск-тенденции доверия: деформализация как замещение формальных норм неформальными правилами, девальвация ценностно-институциональной системы и деградация как значительное снижение уровня доверия в «обществе транзита».

Ключевые слова: порядок, власть, риск, посткоммунистический транзит, институты, ценности.

DOI: 10.18500/1819-7671-2015-15-4-18-23

Посткоммунистическое общество традиционно является объектом внимания социально-гуманитарной науки. Процессы трансформации, которыми характеризуются государства и общественные системы с характеристикой «пост», можно обнаружить в экономическом, политическом, культурном измерениях. Среди множества подобных ракурсов особого внимания заслуживает проблематика доверия к политическим явлениям и процессам. В центре исследования находится тема доверия как явления, претерпе-

вающего значительные изменения в контексте социально-политической динамики транзитивных обществ.

Посткоммунистическое общество попадает под категорию транзитивного и характеризуется изменениями, свойственными для подобного рода систем. В соответствии с теорией множественных модернизаций, а посткоммунистический транзит является вариацией модернизационного транзита, следует говорить о множестве траекторий развития стран. Так А. Ю. Мельвиль отмечает множественность траекторий, которые разнонаправлены: «В одних завершается консолидация либеральных демократий, закрепляются демократические институты и практики, в других – такие институты и практики сочетаются с недемократическими, авторитарными, в третьих – формальные демократические процедуры используются в качестве фасада, за которым скрываются новые разновидности автократического правления» [1].

Уникальность траекторий посткоммунистического пути определяется различными причинами и проявлениями. Ментальность общества, образы и структуры исторической памяти, зависимость настоящего от прошлого, социокультурные факторы формируют уникальный ландшафт посткоммунистического транзита. С другой стороны, трансформирующиеся общества обнаруживают общую проблематику:

переоценка ценностей, активизм молодежных групп, становящихся агентами изменений, и консерватизм старшего поколения, внедрение новых институтов общества.

Сущность и функционирование политического порядка определяется самим существом такого явления, как политическое. В одном из своих значений порядок понимается как соотношение элементов, иерархия субъектов, т.е. как система организованных взаимодействий. Например, согласно П. В. Панову, регулярность, повторяемость политических взаимодействий выступают базовыми характеристиками политического порядка. В дефинициях учитывается, что политический порядок направлен на гармонизацию политических действий и процессов, согласование общественных интересов. Отдельной функцией политического порядка является преодоление возникающих противоречий и рассогласований социально-политических процессов. В этом смысле порядок предстает как эффективное взаимодействие элементов, приносящее такие качества, согласно А. И. Демидову, как эффективность ресурсов, безопасность функционирования.

Методологическую ясность вносит В. Б. Устьянцев, сравнивая и различая понятия «порядок» и «строй». Им отмечается, что «политический порядок как форма общественного порядка выражает особый способ взаимосвязи власти и общества, возникший в результате совпадения основных потребностей и интересов субъектов политической власти и населения в достижении политического суверенитета» [2]. В версии социально-конструктивистского подхода результатом социальных взаимодействий являются коллективные смыслы, нормы. Возникающие в ходе повторяющихся социальных интеракций, они формируют институциональную основу социального порядка. Постоянное воспроизводство практик и взаимодействия обеспечивает устойчивость, стабильность и предсказуемость системы социальных отношений. Институционализация порядка происходит вследствие воспроизводства взаимодействий.

Доверие как социальное явление оказывается взаимообусловленным политическим порядком. Доверяя, человек или социальная группа делает мир более предсказуемым, полагаясь на поведение Другого. Доверие представлено и как институциональное явление, будучи основанным на социальных нормах, культурных ценностях. Так, характеризуя посткоммунистический транзит, П. Штомпка отмечает определяющую роль факторов культуры с их потенциалом, которые способны блокировать изменения. В работе «Доверие – основа общества» польский иссле-

дователь утверждает, что «значение культурного измерения в трансформации посткоммунистических государств проявилось, в первую очередь, в виде вездесущих препятствий, блокад, барьеров, тормозов, щитов и поворотов на пути к демократии и рынку» [3, с. 52].

Распространено утверждение, что политико-идеологические институты фундировали социальное доверие в советском обществе. Анализ практики доверия в историческом развитии советского социума позволяет выделить так называемые *оси доверия: вертикальную и горизонтальную*. Политический порядок коммунистических обществ вертикально выстроен через харизматичного лидера, главенство ведущей массовой политической партии, авторитарную организацию политического процесса, директивный порядок политической коммуникации между властью и обществом.

Вертикальный горизонт формируется в контексте отношений власть – общество, где генератором политического решения и действия выступает институт государства. Идея вертикальности в социально-экономических исследованиях не является новой. Так, Д. Нейсбит в своей книге «Китайские мегатренды: 8 столпов нового общества» говорит о «вертикальной демократии» в Китае. П. Штомпка также выделяет вертикальное и горизонтальное доверие. Доверие к институтам государства определяется им как вертикальное, которое отличается от горизонтального, «существующего между гражданами» [3]. У польского исследователя вертикальное доверие характеризует отношения между участниками на разных уровнях иерархии в обществе.

Исследование проблематики доверия в многочисленных работах позволяет выделить три ключевых профиля доверия: межличностное, институциональное, обобщенное (генерализированное) [4]. Наше утверждение заключается в том, что вертикальная ось доверия в коммунистическом обществе фундировала институциональное доверие, а горизонтальное – межличностный его уровень. Вертикальная ось, обеспеченная идеологическим основанием, идеологической общностью, интегрировала ценности коллективизма, определяя всеобщее доверие граждан к власти, режиму, курсу страны.

Политическая идеология выступала той идейной основой, которой были объективированы институциональные практики. Они, выходя за рамки персональных отношений, основывались на общем знании (*common knowledge*). Каждый член общества был уверен в поведении других членов социального образования, «как ведет себя любой член данного коллектива, оказавшись в со-

ответствующей ситуации и занимающий соответствующую позицию» [5, с. 93]. В условиях единой и обязательной для всех идеологии члены общества одинаково осмысливали реальность, что делало «возможным стабильные, повторяющиеся и кооперативные социальные взаимодействия» [6, с. 5]. Это обеспечивало функционирование так называемого коллективного доверия.

Межличностное доверие как доверие к представителям ближнего круга – родным и близким, друзьям – было интегрировано с институциональным. В данном случае мы оспариваем позицию, согласно которой высокий уровень доверия был детерминирован лишь чувством идеологической общности, продуцируемым политико-государственными институтами. Доверие в российском измерении было детерминировано социокультурными факторами, среди которых ценности коллективизма, религиозности, традиционности выступают генераторами доверия как на индивидуальном, так и общесоциальном уровнях. Полагаем, что именно вышеобозначенные интеграции придавали устойчивость конструкции доверия.

В процессе социальной динамики происходит деформация политического порядка. Исследуя социальный транзит, В. Г. Федотова выделяет две, назовем их генеральными, модели социального порядка – демократическую и тоталитарную, которые являются значимыми для оценки трансформаций посткоммунистического общества. Первая подразумевает наличие непреложных принципов организации, обеспечивающей основные права граждан, их центральное регулятивное значение без особого интереса к многообразию флуктуаций, существующих в обществе. Второй тип, тоталитарный, предполагает унификацию содержаний и действий, запланированность событий и подавляет то, что препятствует реализации избранных идеалов порядка. Период социально-политического транзита характеризуется хаотизацией социального пространства, дестабилизацией социальных основ, трансформацией и, следовательно, дисфункцией институтов. В условиях социальной хаотизации формируются различные вариации упорядочивания и, по мнению В. Г. Федотовой, возникают «два типа порядка – анархический и апатический», а также оформляется «новый тип порядка низшего уровня, который мы назовем формально-рациональным (по типу макдональдизации)» [7].

Действительно, деформация коммунистических режимов и кризис политических институтов определили и кризис идеологии, и доверия. Трансформация института государства и его выход из идеологической сферы повлекли за собой

кризис доверия, который до сих пор ощущает на себе общество. Демонтаж вертикальной оси, характеризуемой нами как институциональная, «вытеснил» доверие с уровня «власть–общество» на горизонтальный уровень. В период социально-экономического и политического транзита пространство доверия оказывается ограниченным ближним кругом.

Ранее доминированное вертикальное доверие, основанное на идеологии, вследствие трансформаций не смогло выступить институциональной защитой. В период институционального транзита формируются особые механизмы институализации, когда бытие человека нуждается в выходе на институциональный уровень, из сферы индивидуального бытия в пространство коллективных взаимодействий, когда субъекту «требуется институциональное закрепление соответствующих новых функций и типов действий» [8, с. 82].

Как уже отмечалось, институционализация политических практик осуществляется через постоянное воспроизводство их людьми в условиях воздействия формальных и неформальных факторов. Например, проблема институционального порядка получает дополнительный горизонт понимания через проблему соотношения формальных и неформальных институтов. Нормативная реальность, поддержанная и обеспеченная действием формальных институтов, подвергается критическому анализу, в ходе которого и зарождаются риск-тенденции по отношению к социальному порядку. Трансформация сознания, вызванная пересмотром отношения к институциональной структуре, ценностным основам общества, приводит к делигитимизации прежних форм порядка, и она одновременно рискованно открыта для новых норм и идеалов. Исследование социального транзита на примере посткоммунистических трансформаций позволяет выделить следующие риск-тенденции.

Деформализация: обращение к неформальным институтам, рост их популярности среди общества отражает процесс утраты формальными институтами своих функций. Неформальная институциональность генерируется в транзитивные периоды, она замещает официально-формальные структуры. В ходе транзитивных процессов проявляются дисфункции формальных институтов, их неспособность снизить неопределенность, упорядочить транзитивный процесс. Ранее установленные правила, структурные компоненты политического порядка (государство, закон, суд и др.) оказываются несостоятельными перед социальными трансформациями. Как отмечают Г. Хелмке, С. Левитски, история посткоммуни-

стических стран показывает, что «многие “правила игры”, структурирующие политическую жизнь, являются неформальными, т.е. создаются, становятся известными и насаждаются вне официально санкционированных каналов» [9, с. 188–189]. Такие образования, как этнические кланы, мафия, коррупция внедряются и сосуществуют наравне с официальными институтами, а отношения блата (неформальные сети обмена товарами и статусом) были полностью основаны на доверии. Более того, институциональная ситуация начала 1990-х гг. в России характеризовалась созданием «в ускоренном режиме» демократических институтов, таких как демократические выборы, суд, рынок.

Девальвация: транзитивные состояния социально-политической динамики характеризуются пересмотром ценностных основ. Человек выбирает стратегию уклонения от неэффективных институтов, критически переосмысливает политическую реальность. Например, резкое снижение авторитета КПСС было характерно для посткоммунистического транзита нашей страны. Отметим также, что, описывая посткоммунистические трансформации, Штомпка формулирует концепцию социального изменения как травмы. Общество, травмированное кризисными состояниями транзита, характеризуется, как и сама травма, синдромом недоверия, мрачным взглядом на будущее, ностальгией по прошлому, политической апатией, травмой коллективной памяти и др. [10, 11]. Девальвация ценностно-институциональной системы взаимозависит от процессов идеализации новых ценностей и идеалов, и капитализация образа «идеального государства» возрастает на фоне девальвации прежнего порядка, его основ и элементов. Этот период характеризуется стремлением к центрам силы – политическим лидерам, институтам, которые определяются в общественном сознании как выразители стабильности. Но транзитивный процесс девальвирует авторитет политических лидеров, оказывающихся неспособными к минимизации социальной рискогенности.

Деградация: безусловно, процессы трансформации оказывают влияние на состояние доверия, которое меняется вместе с социальными отношениями. Транзитивное состояние также характеризуется аномией как отсутствием норм, кризисом нормативного порядка общества. Рост аномичного состояния является результатом утраты доверия к происходящим изменениям. Аномия мыслится как разрушение социального порядка с присущими ему ценностями, утрата социальных ограничений в жизни человека, рассогласование норм, нормативных стандартов поведения.

Отметим, что в условиях кризисной динамики постсоветского транзита, деградации общего уровня генерализированного (обобщенного) и институционального доверия возрастала роль персонифицированного доверия. Это, к примеру, проявилось в возрастании доверия к политическим лидерам. Вспомним эволюцию политического пути Б. Н. Ельцина, от его конфликта с партийной системой до лидера бунтующей улицы 1991 г. П. Штомпка определил потенциал персонального доверия через его способность повысить доверие к социальной институции в целом. В российском обществе, сознание которого персонифицирует политику, политический лидер наделен большим кредитом доверия, причем он увеличивается вместе с повышением уровня власти.

Дж. Хоскинг, изучая проблемы доверия последних десятилетий Советского Союза [12] и анализируя 1930-е гг., отмечает невероятно низкий уровень доверия в тотально фрагментированном советском обществе. Атмосфера недоверия фундаментализировалась внутренним террором, образом врага (врагов), создавая опасную среду. В то же время людьми создавались ниши доверия, ограниченные ближним кругом. Это справедливо относится к кругу семьи и ближних родственников для обычного человека. Высшей властью также формировались закрытые сообщества, защищавшие обладателей власти и привилегий от риска извне. Сформированные таким образом ближние среды представляли собой жизненные ниши доверия. Коллективистская основа среды доверия имеет базовые основания в сообществах, которые осуществляли обмен доверия на безопасность еще в досоветской России. Примером служит сельская община, или «мир» и им подобные, поддерживающие социальные образования в структуре политического порядка.

Описанные процессы в сфере доверия можно обозначить как локализацию доверия в нишах фрагментированного общества, где идеологическая ось связывала горизонтальное (друг другу в семье, коллективе) и вертикальное (институту). Неудивительно, что в эпоху постсоветских трансформаций разрушение идеологической оси оставило доверие локализованным в дифференцированных группах. В период посткоммунистического транзита власть и общество оказались недоверительно раздельны. Это привело к катастрофическим формам социальной динамики [13].

Исторические реалии российского общества в состоянии посткоммунистического транзита характеризовались, по сути, состоянием крайнего раскола, как следствия поляризации общества, идеологическими разногласиями, сопровожда-

емыми утратой представлений о ценностях и идеалах, ценностной дезинтеграцией и институциональной дисфункцией.

Как отмечалось ранее, в условиях коммунистического общества доверие было локализовано либо «внизу» в семейном круге, круге близких, кому можно быть преданным, чтобы не быть преданным, либо «наверху», где оно тоже было локализовано номенклатурой, блатом, круговой порукой, как это было отмечено ранее. Идеологическая составляющая доверия, трансформированная в ходе посткоммунистического транзита, не смогла удержать общество от эскалации раскола и фрагментации. Опыт выживания рядового человека в конце 1980 – начале 1990-х гг. в России и активация ресурсов самосохранения политико-бюрократической элиты показывают сходные тенденции. Кризис доверия, охвативший транзитивное российское общество, привел к локализации доверия внутри автономных групп – властной элиты и российской семьи. Проявлениями периода социально-политического транзита выступают дифференциация и сегментирование общества на отдельные группы, где доверие максимально локализовано. Возникновение криминальных группировок, этнических групп там, где радиус доверия определяется принципом родства, этнической идентичностью, выступило основной последующих эффектов дестабилизации.

Работа выполнена в рамках проекта «Политический порядок и институт доверия в современной России: риски легитимности и институциональный транзит» гранта Президента РФ (МК-84.2014.6).

Список литературы

1. Мельвил А. Ю. Демократические транзиты // Политология : лексикон / под ред. А. И. Соловьева. М., 2007. С. 123–134.
2. Устьянцев В. Б. Порядок и человек : горизонты амбивалентности // Философия, общество, культура: сб. науч. ст., посвященных 70-летию проф. В. А. Конева. Самара, 2007. С. 145–158.
3. Штомпка П. Доверие – основа общества. М., 2012. 440 с.
4. Иванов А. В., Данилов С. А. Социальное доверие и институциональный порядок общества в социокультурном контексте западных и восточных культур : сравнительный анализ // Фундаментальные исследования. 2014. № 11–8. С. 1852–1859.
5. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности : трактат по социологии знания. М., 1995. 323 с.
6. Wrong D. The problem of order: what unites and divides society. N.Y., 1994. 354 p.
7. Федотова В. Г. Апатия и три типа порядка в посткоммунистической России. URL: <http://davaiknam.ru/text/apatiya-i-tri-tipa-poryadka-v-postkommunisticheskoy-rossii> (дата обращения: 06.06.2015).
8. Homo institutus – Человек институциональный / под ред. О. В. Иншакова. Волгоград, 2005. 854 с.
9. Хелмке Г., Левитски С. Неформальные институты и сравнительная политика : основные направления исследований // Прогнозис. 2007. № 2 (10). С. 188–211.
10. Штомпка П. Социальное изменение как травма : ст. первая // Социс. 2001. № 1. С. 6–16.
11. Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе // Социс. 2001. № 2. С. 3–12.
12. Хоскинг Дж. Структуры доверия в последние десятилетия Советского Союза. URL: http://sbiblio.com/BIBLIO/archive/hoking_s/ (дата обращения: 04.06.2015).
13. Орлов М. О. Социальная динамика : философско-методологические основания дискурсивного управления в условиях глобализации : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Саратов, 2009. 44 с.

Political Order and Trust: the Risks of Post-communist Transit

S. A. Danilov

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410002, Russia
E-mail: danilovsa@info.sgu.ru

Transitive state of political order and risk trends of trust are analyzed in the context of post-communist societies. Order and trust are interdependent phenomena. Social systems and processes are not able to operate stably without them. There are vertical and horizontal axes of trust in society which are based on ideology. The deformation of the communist regime and the crisis of political institutions determined transformation of ideology and trust. So the trust based on ideology could not provide institutional protection. Risk trends of trust are allocated: de-formalization as substitution of formal norms with informal rules, the devaluation of the value-institutional system and degradation as a significant reduction in the level of trust in the «transit society».

Key words: order, power, risk, postcommunist transit, institutions, values.

References

1. Melvil A. Yu. Demokraticheskie tranzity (Democratic transition). Melvil A. Yu. *Politologiya: leksikon*. Pod red. A. I. Soloveva (Politics: Lexicon. Ed. by A. I. Solovev). Moscow, 2007, pp. 123–134 p.
2. Ustyantsev V. B. Poryadok i chelovek: gorizonty ambivalentnosti (The order and the person: the horizons of ambivalence). *Filosofiya, obshchestvo, kultura: sb. nauch. st., posvyashchennykh 70-letiyu prof. V. A. Koneva* (Philosophy, society, culture: articles devoted to the 70th anniversary of prof. V. A. Konev). Samara, 2007, pp. 145–158.

3. Sztompka P. *Zaufanie. Fundament społeczeństwa*. Krakow, 2007. 424 p. (Russ. ed.: Shtompka P. *Doverie – osnova obshchestva*. Moscow, 2012. 440 p.).
4. Ivanov A. V., Danilov S. A. Sotsialnoe doverie i institucionalnyy poryadok obshchestva v sotsiokulturnom kontekste zapadnykh i vostochnykh kultur: sravnitelnyy analiz (Social trust and institutional order of society in the social and cultural context of western and eastern cultures: a comparative analysis). *Fundamentalnye issledovaniya* (Fundamental Research), 2014, no. 11, pt. 8, pp. 1852–1859.
5. Berger P., Luckmann T. *The social construction of reality. A treatise on sociology of knowledge*. New York, 1966. 249 p. (Russ. ed.: Berger P., Lukman T. *Sotsialnoe konstruirovaniye realnosti: traktat po sotsiologii znaniya*. Moscow, 1995. 323 p.).
6. Wrong D. *The problem of order: what unites and divides society*. New York, 1994. 354 p.
7. Fedotova V. G. *Apatiya i tri tipa poryadka v postkommunisticheskoy Rossii* (Apathy and three types of order in post-communist Russia). Available at: <http://davaiknam.ru/text/apatiya-i-tri-tipa-poryadka-v-postkommunisticheskoy-rossii> (accessed 6 June 2015).
8. *Homo institutus – Chelovek institutsionalnyy*. Pod red. O.V. Inshakova (Homo institutus – Man institutional. Ed. by O. V. Inshakov). Volgograd, 2005. 854 p.
9. Helmke G., Levitsky S. Informal institutions and comparative politics: a research agenda. *Perspectives on Politics*, December 2004, vol. 2, no. 4, pp. 725–740. (Russ. ed.: Khelmke G., Levitski S. *Neformalnye instituty i sravnitel'naya politika: osnovnye napravleniya issledovaniy*. *Prognosis*, 2007, no. 2 (10), pp. 188–211).
10. Sztompka P. Sotsialnoe izmeneniye kak travma: st. pervaya (Social change as trauma: article one). *Sotsis* (Socis), 2001, no. 1, pp. 6–16.
11. Sztompka P. Cultural trauma of social change. A case postcommunist societies. *Cultural Trauma and Collective Identity*. Berkley, 2004, pp. 155–195 (Russ. ed.: Shtompka P. *Kulturnaya travma v postkommunisticheskoy obshchestve*. *Sotsis*, 2001, no. 2, pp. 3–12).
12. Khosking Dzh. *Struktury doveriya v poslednie desyatiletiya Sovetskogo Soyuz* (Structures of confidence in the last decades of the Soviet Union). Available at: http://sbiblio.com/BIBLIO/archive/hoking_s/ (accessed 4 June 2015).
13. Orlov M. O. *Sotsialnaya dinamika: filosofsko-metodologicheskie osnovaniya diskursivnogo upravleniya v usloviyakh globalizatsii*: avtoref. dis. ... d-ra filos. nauk (Social dynamics: philosophical and methodological foundations of discursive control in the context of globalization: author. dis. ... dr. philosophy sciences). Saratov, 2009. 44 p.

УДК 141.1

ПОЯВЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА ВО ВСЕЛЕННОЙ КАК РЕЗУЛЬТАТ САМООРГАНИЗАЦИИ (НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА ПРОБЛЕМЫ АНТРОПНОГО ПРИНЦИПА)

Зобова Мария Романовна –

кандидат философских наук, доцент кафедры социально-политических наук, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича
E-mail: swbusoff@mail.ru

Статья посвящена проблеме антропного принципа, его предыстории и современным формулировкам. Связь глобальных свойств Универсума с появлением и существованием человека отмечали на протяжении веков – с античности до наших дней (Аристотель, Д. Бруно, Б. Паскаль, А. Уоллес, А. Л. Зельманов, Г. М. Идлис и др.). Современные формулировки антропного принципа и его модификаций предложены Б. Картером (сильный, слабый, самоотбора), Дж. Уилером (участия), Ф. Типлером (финальный), И. Л. Розенталем (целесообразности). Анализируется отношение к антропному принципу разных ученых, философов и религиозных мыслителей. Подчеркивается, что появление человека во Вселенной есть результат ее самоорганизации (Н. Н. Моисеев, Э. Янч, В. В. Казютинский, В. П. Бранский). На основе теории и методологии синергетической философии истории делается прогноз будущего человечества во Вселенной.

Ключевые слова: антропный принцип, Вселенная, множественность вселенных, человек, эволюция, фундаментальные физические константы, самоорганизация, бифуркация, аттрактор.

DOI: 10.18500/1819-7671-2015-15-4-23-28

В конце 90-х гг. XX в. большую популярность приобрел *антропный принцип* (АП), который широко обсуждался не только учеными, но и философами. Содержание его оценивалось по-разному – от естественно-научного и материалистического до теологического и идеалистического; справедливо считали его и метафорическим, т.е. стоящим вне или над наукой и философией. Сейчас же, когда интерес к этому принципу несколько остыл, предпринимаются попытки

связать его с теорией самоорганизации (синергетикой), в частности с теорией социальной самоорганизации (социальной синергетикой).

В классической науке в конце XIX в. А. Уоллес предпринял попытку заново пересмотреть проблему места человека во Вселенной, но уже с антикоперниканских позиций. Он заново, по сути, обосновывает существовавшую ранее концепцию астрономического антропоцентризма, ищет аргументы в ее пользу. Он делает выводы, в которых легко усматривается основная идея антропного принципа: «Человек – это венец сознательной органической жизни – мог развиться здесь на Земле только при наличии всей этой чудовищно обширной материальной Вселенной, которую мы видим вокруг нас» [1, с. 286].

С возникновением релятивистской космологии в 50-е гг. XX в. в исследованиях русских ученых А. Л. Зельманова и Г. М. Иддиса появляется современный вариант АП. Отличительной чертой их подхода явилось обнаружение ряда глобальных свойств Универсума, без которых появление человека было бы невозможным. Смысл *антропного* аргумента, выдвинутого Зельмановым, сводится к тому, что если бы наша Метагалактика не расширялась, наблюдатель не мог бы в ней существовать, но он существует, следовательно, Метагалактика должна расширяться [2, с. 77]. Одновременно с Зельмановым похожие идеи разрабатывал Иддис [3].

Однако рассматриваемая ими проблема, по-видимому, еще не успела заинтересовать научное сообщество. И только в начале 70-х гг. XX в. с появлением трудов Р. Дикке и Б. Картера начинается возрождение антропного принципа. Сам термин «антропный принцип» был введен английским астрофизиком Б. Картером в 1973 г. в противовес принципу Коперника – Бруно. Картер обратил внимание на *выделенность* нашего существования во Вселенной как сложных физико-химических существ. Мы, наблюдатели, смогли возникнуть только в определенном месте Вселенной и только на определенной стадии ее эволюции, считает он. Наше существование напрямую зависит от свойств Вселенной и от хода ее эволюции. Если бы эти свойства Вселенной были иными, нас в такой Вселенной просто бы не было [4, с. 369–379]. В свою очередь, Р. Дикке первым указал на то, что *коперниканская* догма несостоятельна, если принять во внимание, что необходимой предпосылкой нашего существования служат специальные условия (температура, химический состав окружающей среды и т.д.), а также то, что Вселенная эволюционирует (в астрофизике

существует понятие возраста Вселенной) и не является при этом локально пространственно однородной [5, с. 440–441].

Антропный принцип выдвинут для решения следующих проблем: 1) почему в рамках релятивистской космологии, где можно построить ряд моделей вселенных с самыми разными свойствами, реализовалась именно наша Вселенная? 2) обнаружение «тонкой подстройки» фундаментальных физических констант, которыми жестко, с точки зрения науки, определяется наблюдаемая структура Вселенной; 3) проблема совпадения больших чисел (БЧ).

Антропный принцип включает в себя следующие модификации: *слабый* АП и *сильный* АП. Они предложены Картером, который сформулировал также *принцип самоотбора*. Сюда же можно отнести *принцип целесообразности* И. Л. Розенталя.

Вышеперечисленные модификации антропного принципа относятся к физическому и космологическому направлению. В философско-мировоззренческом направлении выделяется АП *участия* Дж. Уилера и *финальный* АП Ф. Типлера. С точки зрения синергетической философии истории (теория и методология синергетической философии истории – основа петербургской школы социальной синергетики, школы В. П. Бранского, принципов которой придерживается и автор статьи), *слабый* антропный принцип можно интерпретировать как возможность появления человека во Вселенной; *сильный* антропный принцип – как необходимость возникновения во Вселенной определенной тенденции формирования полноты условий для появления человека; *финальный* антропный принцип – как необходимость появления сверхчеловека и сверхцивилизации; АП *участия* является несостоятельным, поскольку вообще не согласуется с принципом объективности научного мировоззрения.

Определяя содержание *слабого* АП, Б. Картер пишет: «То, что мы ожидаем наблюдать, должно быть ограничено условиями нашего существования как наблюдателей». *Слабый* вариант предполагает такую стратегию нашего пути к истинному знанию о Вселенной, которая связана с особыми условиями существования наблюдателя (в частности человека); таковы температурный, радиационный режимы, давление и пр. Очевидно, что речь идет о космологических и астрофизических условиях, в которых в позднюю эпоху эволюции Вселенной создаются возможности для появления наблюдателей, познающих обстоятельства своего бытия; эти *особые* условия выделяют нашу Вселенную среди множества

других, в которых возникновение жизни в их отсутствие *невозможно*. Если человек рассматривается как один из этапов самоорганизации Вселенной, то можно сказать, что существование человека есть следствие того, что наша Вселенная каким-то образом обрела необходимые для этого свойства. При этом неверно рассматривать антропный принцип в духе целевой причинности Аристотеля (человек как цель Вселенной) или в духе высказываний С. Хокинга, что «...изотропия Вселенной есть следствие нашего существования» [6, с. 364]. С онтологических позиций такого рода высказывания абсурдны. Наоборот, очевидно, что мы суть конечный результат реализации тех возможностей, которые возникли когда-то во Вселенной.

Можно выделить два уровня организации *слабого* антропного принципа.

1. Уровень научной картины мира: наблюдатель мог появиться во Вселенной в ходе процессов ее эволюции (астрофизических, химических, геологических, биологических) лишь после того, как были созданы предпосылки его возникновения (это произошло в эпоху совпадения больших чисел).

2. Философско-мировоззренческий уровень: с точки зрения слабого АП, возникновение разума определяется особой конфигурацией начальных условий нашей Вселенной, выделенной из области множества других возможных (фридмановских) вселенных. Разумное существование (будь то социум или какая-либо иная форма) является аттрактором, «предзаданным в данной среде» [7, с. 98–101]. Новые факты, полученные в космологии, позволяют предположить, что объективные свойства Вселенной как целого создают возможность возникновения жизни и разума на определенных этапах ее эволюции [8, с. 641]. Академик Н. Н. Моисеев формулирует положение, согласно которому среди возможных форм кооперативного сообщества наблюдаются лишь те, которым соответствует *минимум рассеивания энергии* (принцип минимума диссипации) [9, с. 192]. С точки зрения теории самоорганизации, такие *устойчивые* формы (диссипативные структуры, по И. Пригожину) отбираются (здесь имеет место стохастика процесса) на основе бифуркационных возможностей глобальной системы (Вселенной).

Такие видные ученые, как Н. Н. Моисеев, Э. Янч и др. считают, что эволюция природы связана с нарушениями симметрии, например, с переходом природных систем из одного состояния в другое, из энергетически невыгодного состояния в энергетически более выгодное при меняющихся условиях окружающей среды [9, 10]. В соответствии с концепцией синергетической

философии истории развитие любой системы в мире включает так называемый «каскад бифуркаций», где в каждой критической точке отбирается вариант пути их дальнейшего развития. Здесь отбирается не только новая структура, но и новый набор (тезаурус) возможностей, характерный для следующей точки бифуркации.

Австрийский ученый Э. Янч выделил основные этапы становления живого вещества вследствие спонтанного нарушения симметрии (неравновесность) и образования соответствующих точек бифуркации [10, с. 99–181]. Первая бифуркация – это аутокаталитический цикл; образование биополимеров из мономеров – полимеризация *полинуклотидов*. Вторая бифуркация – возникновение первой клетки – *прокариоты* как более высокой ступени самостабилизации в аутопоэтических структурах и циклической организованности. Третья бифуркация – появление *эукариоты*, клетки с оформленным ядром, в котором объединен генетический материал, организованный в хромосомы. Четвертая бифуркация – *гетеротрофность* как способность организмов жить за счет других организмов. Пятая бифуркация – появление многоклеточных организмов, дифференциация клеток и органов. Шестая бифуркация – половой диморфизм. Седьмая – формирование центральной нервной системы и мозга (*цефализация*). Восьмая – появление *homo sapiens*. Девятая бифуркация – *социокультурное* развитие. Десятая – *коэволюция* человека (общества) и природы. Все бифуркации характеризуются общими свойствами – нарушением симметрии (неравновесность), расширением спектра возможностей дальнейшей эволюции, на основе которых отобраны варианты структур, соответствующие ограниченному набору точных численных значений фундаментальных физических констант, а также соответствующие энергетически выгодным состояниям, связанным с изменениями среды.

В. П. Бранский в контексте теории самоорганизации предлагает концепцию бифуркационного каскада. Условно – первая бифуркационная точка определяет набор возможных диссипативных структур для последующих бифуркаций. На первом этапе отбирается один из множества вариантов, который определяет набор возможностей уже в следующей точке бифуркации (на втором этапе), затем последующий отбор детерминирует спектр вариантов в точке бифуркации третьего этапа и т.д. Хотя отбор в каждой точке бифуркации однозначно не предопределен, а носит случайный характер, тем не менее общая тенденция самоорганизации, обусловленная серией отборов, носит в целом *направленный* характер

[11, с. 119]. Это – во-первых, во-вторых, необходимо учитывать открытость систем и механизмы самоорганизации, выраженные структурами различных, часто довольно специфических, отборов. В-третьих, соотношение отбора и суперотбора: современный этап эволюции предполагает действие социального отбора, включающего искусственный отбор (иначе говоря, управление как способ достижения определенной цели) в системе биосферы. Социальный отбор – это коэволюционный фактор, параллельный действию естественного отбора, но одновременно и постэволюционный, *управляющий* действием естественного отбора с помощью рычагов искусственной природы (сферы общественного производства). Социальный отбор во взаимодействии с разными типами биологического, химического отбора и т.д. формирует рамки суперотбора – отбора самих факторов отбора.

Как уже говорилось, антропный принцип служит формированию представлений об атрибутивных свойствах Вселенной и не может ограничиваться выражением ее преходящих свойств. Чтобы утвердить статус именно принципа, следует обнаружить как в *слабом*, так и в *сильном* АП нечто такое, без чего любое иное представление о нашей Вселенной было бы внутренне противоречивым и софистическим. Пользуясь методологией синергетической философии истории, мы попытались обосновать корреляцию между *слабым* антропным принципом (наблюдатель видит лишь те условия, при которых он может существовать) и теми возможностями, реализация которых привела в конце концов к появлению во Вселенной наблюдателей. Эти возможности описаны нами выше в виде численных констант, сформировавшихся на начальных этапах эволюции Вселенной, в виде принципа минимума диссипации, позволяющего существовать энергетически выгодным структурам и т.п. АП выступает в качестве «посоха для слабовидящего», поскольку придает уверенность в том, что он как наблюдатель не лишен перспективы истинного знания, а именно знания о подлинных условиях своего существования. Наша задача, следовательно, в том, чтобы прояснить позицию наблюдателя за счет исследования характеристик самоорганизации Вселенной.

Для *сильного* АП характерно присутствие во Вселенной тенденции формирования полноты условий для возникновения наблюдателя. Картеровская формулировка (Вселенная с ее фундаментальными параметрами должна быть такой, чтобы в ней на некоем этапе эволюции допускалось существование наблюдателей) привела в свое время к «антропному буму». Теолог

Дж. Лесли увидел в антропном принципе доказательство существования Творца («аргумент от замысла») [12, с. 141–151]. Согласно Ф. Хойлу, здравая интерпретация фактов дает возможность предположить, что в физике, а также химии и биологии экспериментировал «сверхинтеллект» [13, с. 220].

Материалистическую интерпретацию *сильного* АП предложил И. С. Шкловский: «Вселенная не есть нечто внешнее по отношению к жизни; с полным основанием можно сказать: “Вселенная – это мы”. Поэтому не надо удивляться, что она так прекрасно приспособлена для жизни» [14, с. 245–246].

Почему, однако, Вселенная такова, какой мы ее наблюдаем?

Многозначность отмеченной формулировки *сильного* АП создает логическую противоречивость, которую попытался преодолеть И. Л. Розенталь. Он переименовал *сильный* АП в принцип *целесообразности*, который является констатацией факта существования основных устойчивых состояний, обусловленных всей совокупностью физических закономерностей, включая размерность пространства и прочие численные значения фундаментальных постоянных [15, с. 240]. Специфика принципа *целесообразности*, по мнению видного исследователя философских проблем космологии В. В. Казютинского, в том, что проблема изменений численных значений фундаментальных констант в физике рассматривается в единстве с существованием основных физических закономерностей [16, с. 168]. Этим же автором была сформулирована идея о возможности объяснить, почему наша Вселенная такова, какой мы ее наблюдаем, с точки зрения теории *самоорганизации* [17, с. 61–84].

Вариант *финального* антропного принципа является не совсем удачной попыткой согласовать релятивистскую космологию с идеей «вечности жизни» [18, с. 23], поскольку в концепции Ф. Типлера слабо представлена бифуркационная модель эволюции Вселенной. Более того, предсказание сценарного поведения Вселенной в будущем при современном (весьма ограниченном) уровне знаний крайне проблематично, а предсказание отсутствия внеземных цивилизаций, по-видимому, все-таки ошибочно. Отнесемся к *финальному* АП не как к сложившемуся научному принципу, а как к прогнозу самых отдаленных перспектив человечества.

С точки зрения социальной синергетики, *финальный* антропный принцип – это движение к суперменезу: самоорганизация Вселенной, общества, человека (как гармоничное единство науки и этики) предельно устойчива по отноше-

нию к любым изменениям окружающей среды (идея «суператтрактора» В. П. Бранского [11, с. 23–31]).

Эвристическая роль антропного принципа в синергетическом его истолковании, по мнению В. П. Бранского, состоит в том, чтобы из возможных космологических моделей выбрать ту, которая допускает не только возможность, но и необходимость возникновения живого существа, способного преобразовывать изначальную противоположность между хаосом и порядком в природе в противоположность между свободой и ответственностью в культуре и в потенциально бесконечном процессе совершенствования этой культуры достичь абсолютной гармонии между этими гранями культуры [19, с. 28]. Полностью присоединяясь к этим высказываниям, отметим, что никто никогда не поднимал роль антропного принципа на такую (философскую) высоту. Действительно, этот принцип не может быть полностью понят отдельно ни как чисто естественно-научный принцип, ни как чисто гуманитарный. Потому здесь не обойтись без диалектического единства естественно-научного и гуманитарного мышления.

Список литературы

1. Уоллес А. Р. Место человека во Вселенной / пер. с англ. Л. Лакиера. СПб., 1904. 292 с.
2. Зельманов А. Л. К постановке космологической проблемы // Тр. Второго конгресса Всесоюзной астрономической и геодезической ассоциации. М., 1960. С. 395–400.
3. Идлис Г. М. Основные черты наблюдаемой астрономической Вселенной как характерные свойства обитаемой космической системы // Изв. Астрофиз. ин-та АН КазССР. М., 1970. № 7. С. 39–54.
4. Картер Б. Совпадения больших чисел и антропологический принцип в космологии // Космология : Теории и наблюдения / пер. с англ. А. Г. Полнарера, С. Ф. Шандарина ; под ред. Я. Б. Зельдовича, И. Д. Новикова. М., 1978. С. 369–379.
5. Dicke R. H. Dirac's cosmology and mach's principle // Nature. 1961. Vol. 192, № 4801. P. 291–298.
6. Хокинг С. В. Анизотропия Вселенной на больших временах // Космология : Теории и наблюдения // пер. с англ. А. Г. Полнарера, С. Ф. Шандарина ; под ред. Я. Б. Зельдовича, И. Д. Новикова. М., 1978. С. 360–365.
7. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры. СПб., 2002. 414 с.
8. Степин В. С. Теоретическое знание. М., 2003. 744 с.
9. Моисеев Н. Н. Судьба цивилизации. Путь разума. М., 2000. 224 с.
10. Jantsch E. The self-organizing universe. scientific and human implications of the emerging paradigm of evolution. N.Y., 1980. 343 p.
11. Синергетическая философия истории / под ред. В. П. Бранского и С. Д. Пожарского. Рязань, 2009. 314 с.
12. Leslie J. Anthropic Principle, World Annsemlе, Design // American Philosophical Quaterly. 1989. Vol. 19, № 2. P. 141–151.
13. Hoyle F. The Intelligent Universe. L., 1983. 255 p.
14. Шкловский И. С. Проблемы современной астрофизики : сб. ст. 2-е изд., доп. М., 1988. 223 с.
15. Розенталь И. Л. Физические закономерности и численные значения фундаментальных постоянных // Успехи физических наук. 1980. Т.131, вып. 2. С. 239–256.
16. Казютинский В. В. Антропный принцип и мир постнеклассической науки // Астрономия и современная картина мира. М., 1996. С. 144–182.
17. Казютинский В. В. Концепция глобального эволюционизма в научной картине мира // О современном статусе идеи глобального эволюционизма. М., 1986. С. 61–84.
18. Barrow J. D., Tipler F. J. The anthropic cosmological principle. With the foreword by John A. Wheeler. Oxford, 1986. 706 p.
19. Бранский В. П. Синергетика и космология (Философские основания космологической модели Вселенной) // Вестн. С.-Петербур. гос. ун-та. Сер. 17. Декабрь 2014. Вып. 4. С. 12–29.

The Appearance of Man in the Universe as a Result of the Self-Organization (on the Basis of Analysis of the Problem of the Anthropic Principle)

M. R. Zobova

St.-Petersburg State University of Telecommunications
named after prof. M. A. Bonch-Bruевич
61, Moyka emb., St.-Petersburg, 191186, Russia
E-mail: swbusoff@mail.ru

The article deals with the anthropic principle, its history and its modern formulation. The connection of the global properties of the Universe with the emergence and existence of man was fixed for centuries – beginning from antiquity to nowadays (Aristotle, D. Bruno, B. Paskal', A. Wallace, A. L. Zel'manov, G. M. Idlis). Modern interpretations of the anthropic principle and its modifications have been suggested by B. Carter (strong modification, weak modification, self-selection modification), John Wheeler (participation modification), F. Tipler (final modification) I. L. Rosental' (modification of expediency). The relation to the anthropic principle by the different scientists, philosophers and religious thinkers is analyzes. It is emphasized that the appearance of man in the Universe is the result of self-organization processes in it (N. N. Moiseev, E. Jantsch, V. V. Kazyutinsky and V. P. Bransky). Based on the theory and methodology of the synergistic philosophy of history is predicted the future of mankind in the Universe.
Key words: anthropic principle, the universe, multiverse, man, evolution, fundamental physical constants, self-organization, bifurcation, attractor.

References

1. Wallace A.R. *Man's place in the Universe a study of the results of scientific research in relation to the unity*

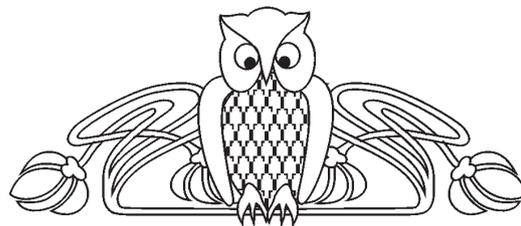
- or plurality of worlds. 3rd. ed. London, 1904. 330 p. (Russ. ed.: Uoles A. R *Mesto cheloveka vo Vselennoy*. St.-Petersburg, 1904. 292 p.).
- Zelmanov A. L. K postanovke kosmologicheskoy problemy (By setting the cosmological problem). *Trudy Vtorogo kongressa Vsesouznoy astronomicheskoy i geodezicheskoy assotsiatsii* (Proceedings of the Second Congress of all-union astronomical and geodetic association). Moscow, 1960, pp. 395–400.
  - Idlis G. M. Osnovnye cherty nabludaemoy astronomicheskoy Vselennoy kak kharakternye svoystva obitaemoy kosmicheskoy sistemy (The main features of the observed astronomical universe as characteristic properties of habitable space system). *Isv. Astrofizicheskogo in-ta Kasakhskoy SSR* (Bulletin of Astrophysical Institute of the Kazakh SSR), 1970, no. 7, pp. 39–54.
  - Carter B. Large number coincidences and the Anthropic principle in cosmology. *IAU Symposium 63: Confrontation of Cosmological Theories with Observational Data*. Dordrecht, 1974, pp. 291–298 (Russ.ed.: Karter B. Sovpadeniya bolshikh chisel i antropnyy printsip v kosmologii. *Kosmologiya: teorii i nablyudeniya*. Pod red. Ya. B. Zeldovicha, I. D. Novikova. Moscow, 1978, pp. 369–379).
  - Dicke R. H. Dirac's cosmology and Mach's principle. *Nature*, 1961, vol. 192, no. 4801, pp. 291–298.
  - Hawking S. W. The anisotropy of the universe at large times. *IAU Symposium 63: Confrontation of Cosmological Theories with Observational Data*. Dordrecht, 1974, pp. 283–286 (Russ. ed.: Hawking S. W. Anisotropiya vselennoy na bolshikh vremenakh. *Kosmologiya: teorii i nablyudeniya*. Pod red. Ya. B. Zeldovicha, I. D. Novikova. Moscow, 1978, pp. 360–365).
  - Knyazeva E. N., Kurdyumov S. P. *Osnovaniya sinergetiki. Rezhimy s obostreniem, samoorganizatsiya, tempomiry* (The Grounds of synergy. The sharpening regimes, self-organization, tempoworlds). St.-Petersburg, 2002. 414 p.
  - Stepin V. S. *Teoreticheskoe znanie* (Theoretical knowledge). Moscow, 2003. 744 p.
  - Moiseev N. N. *Sudba tsivilizatsii. Put rasuma* (The fate of civilization. The path of mind). Moscow, 2000. 224 p.
  - Jantsch E. *The self-organizing Universe. Scientific and human implications of the emerging paradigm of evolution*. New York, 1980. 343 p.
  - Sinergeticheskaya filosofiya istorii* (The synergistic philosophy of history). Ed. by V. P. Branskiy, S. D. Pozharskiy. Ryazan, 2009. 314 p.
  - Leslie J. Anthropic principle, world ensemble, design. *American Philosophical Quarterly*, 1989, vol. 19, no. 2, pp. 141–151.
  - Hoyle F. *The intelligent Universe*. London, 1983. 255 p.
  - Shklovskiy I. S. *Problemy sovremennoy astrofiziki: sb. st.* (The problems of modern astrophysics: Collection of papers). Moscow, 1988. 223 p.
  - Rosental I. L. Fizicheskie zakonomernosti i chislennye znacheniya fundamentalnykh postoyannykh (The Physical laws and the numerical values of the fundamental constants). *Uspekhi fizicheskikh nauk* (Advances in physical sciences), 1980, vol. 131, iss. 2, pp. 239–256.
  - Kazyutinskiy V. V. Antropny printsip i mir postneklasicheskoy nauki (The anthropic principle and the world of the postnonclassical science). *Astronomiya i sovremennaya kartina mira* (Astronomy and the modern picture of the world). Moscow, 1996, pp. 144–182.
  - Kazyutinskiy V. V. Kontseptsiya globalnogo evolyutsionizma v nauchnoy kartine mira (The concept of global evolutionism in the scientific world picture). *O sovremennom statuse idei globalnogo evolyutsionizma* (About the current status of the idea of global evolutionism). Moscow, 1986. pp. 61–84.
  - Barrow J. D., Tipler F. J. *The anthropic cosmological principle*. With the foreword by J. A. Wheeler. Oxford, 1986. 706 p.
  - Branskiy V. P. Sinergetika i kosmologiya. Filosofskie osnovaniya kosmologicheskoy modeli Vselennoy (Synergetic and cosmology. Philosophical foundations of the cosmological model of the Universe). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gos. un-ta* (Vestnik of Saint-Petersburg University). Ser 17. December 2014, iss. 4, pp. 12–29.

УДК 164.02

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ЗНАКА—ВЕЩИ В ВОЗЗРЕНИЯХ ДЖ. ЛОККА

Кузьмичева Ирина Юрьевна —
аспирант кафедры теоретической и социальной философии,
Саратовский государственный университет
E-mail: irinasharcckova@yandex.ru

Статья посвящена соотношению знака с онтологическим полем вещи, выявлению структур языка. Дж. Локк рассматривает данную проблему, уделяя внимание коммуникативной и познавательной стороне. Слово как знак, по его мнению, является отражением вещи, выражением первичных и вторичных качеств. Локк подчеркивает важность эмпирической стороны в познании

единичных вещей, так как это влияет на формирование простых идей. Знак при этом выражает единичное. Ошибки в общении, согласно Локку, происходят в процессе формирования сложных идей, которые являются продуктами разума. Данные идеи выражают множество предметов в их совокупности. Это может приводить к неясности смысла и ошибкам в познании. Выявление

истинного значения происходит в процессе узнавания и сопоставления. При этом подчеркивается роль субъекта в выражении и формировании общих знаков.

Ключевые слова: вещь, знак, язык, структура, слово, идея, первичные и вторичные качества.

DOI: 10.18500/1819-7671-2015-15-4-28-31

Исследование различных знаковых систем, их соотношение с реальностью позволяет изучить специфику человеческого существования. Возможность выделения поверхностных и глубинных структур, а также выявление данного функционирования показывает наличие неограниченных возможностей комбинаций знаков в языке. Особый взгляд на проблемы знака возникает в философии Нового времени. В соответствии с задачами этого времени большое внимание стали уделять соотношению слов и понятий; слова соотносились с обозначенными мыслями и чувствами. Для философии Нового времени характерно обращение к проблемам научного познания, к представлению мира во всех возможных измерениях. Поэтому в этот период проблема языка рассматривается с фундаментальных и логоцентристских позиций, философия возвращается к пониманию языка как инструмента познания истины. На первый план вновь выходят проблемы правильного использования языка, риторических эффектов [1, с. 15–16]. Таким образом, язык становится структурой материальных знаков, выполняющих коммуникативную функцию.

Дж. Локк в постановке и разрешении языковой проблематики также главное значение отдает коммуникативной стороне, что связано с теорией познания. Кроме того, важно рассмотреть концепцию Дж. Локка, касающуюся соотношения вещи, идеи и знака, как наиболее значимую и актуальную.

Опираясь на положение Т. Гоббса, что знаки – это чувственно воспринимаемые вещи, с помощью которых можно оживлять в памяти объекты [2], Локк подчеркивает значение слов-знаков в познании как одного из важных элементов научного познания. В книге «Опыт о человеческом разумении» [3] учение о словах он рассматривает в качестве важнейшего раздела научного знания, которое следует сразу после учения об идеях. Необходимо отметить, что существует четкая связь между второй книгой, где рассматриваются простые и сложные идеи, возникающие из чувственной данности, и третьей – о словах-знаках и языке вообще. Порядок расположения книг свидетельствует о том, что между знаком и идеей существует эмпирическая зависимость.

Однако в отличие от Августина [4], Дж. Локк ограничивает сферу рассмотрения знаков словами. Так как одна из основных функций знака по Локку – познавательная, то задача философии и логики – рассмотреть природу знаков, которыми ум пользуется для познания вещей и для передачи информации. Ввиду того, что для Локка знак – слово естественного языка, актуализируется проблема правильных и неправильных имен. Наилучшим образом будет выполнять эту функцию знак, в котором полностью симметричны взаимоотношения между предметом, идеей и формой ее выражения. Это прежде всего слова, выражающие реальную сущность вещи, простые идеи.

Локк признавал существования только единичных вещей. Представления и понятия создаются разумом из тех элементов, которыми его снабжают чувства. Но сами чувства дают нам адекватное знание только о первичных качествах предметов и явлений: о пространственных, временных материальных сторонах реальности. Вторичные качества – субъективные и не всегда отвечают объективному состоянию вещей и явлений. Данное восприятие единичного дает нам простые идеи, следовательно, и простые имена. Эти положения не могут быть ложными, так как напрямую зависят от чувств, что, по мнению Локка, не вызывает сомнений. Но все многообразие реального мира нельзя выразить простыми именами. Таким образом, простые имена соотносятся с простыми идеями, возникающими посредством чувственного опыта.

Знак совершенен в том случае, если один знак употребляется для выражения одной идеи. Наиболее совершенные слова выражают простые идеи: «имена простых идей всего менее сомнительны <...> Так как они обозначают только одно простое восприятие, то люди по большей части легко приходят к полному согласию относительно их значения, и для ошибки и споров об их смысле остается мало места» [3, с. 484].

В познании веществ существует период появления абстрактных общих идей, которые могут охватывать множество взятых предметов, затем происходит именование общей идеи, а только потом введение в язык. Сам язык при этом становится инструментом для достижения прозаических целей и практик повседневной жизни. Так, сложные или общие идеи, состоящие из нескольких простых, можно пояснить путем определения. Данное пояснение имеет значение в том случае, если человек обладает простыми идеями.

По Локку, общие идеи не имеют отношения к вещам, так как являются продуктом ума. Слова,

обозначающие общие идеи, являются знаками этих идей. Но слова не могут обозначать каждую отдельную вещь, так как это привело бы к бесконечному множеству знаков, следовательно, к невозможности коммуникации. Сложные идеи, в отличие от простых, не имеют, согласно Локку, непосредственного отношения к действительным вещам и их существованию. Он утверждает, что общее – это понятия, которые не имеют отношения к действительному существованию вещей, поэтому абстрактные идеи созданы разумом для его собственного употребления и касаются только знаков – слов или идей, поэтому всеобщему приписывается лишь знаково-символическая природа. Таким образом, слово-знак расширяет границу своего значения.

Однако расширяя эту границу, слово-знак не теряет свою связь с вещью. Выявление знака происходит на основании единичных вещей, но это не готовый знак: смысл сопоставляется с процессом узнавания и понимания реальных качеств вещей. Все это говорит о постепенном возникновении слова как чувственного знака. С этой точки зрения человек только субъект познания, причем в большей степени, чем творец смыслов. В понимании Локка, мы способны создавать новые знаки, но только на основе чувственных данных, при этом имея ограничения в компонентах знака.

Общее, по мнению Локка, есть производное ума, так как вещь по природе всегда единична. Знак объединяет в себе некое множество. Путь объединения и схожесть черт – это продукт нашего разума, той избранности, что мы производим, употребляя то или иной слово: «Люди на основании качеств, которые они находят соединенными в вещах и в которых различные отдельные предметы, как замечено, совпадают, распределяют вещи на виды с целью их наименования, ради удобства получения знаков, охватывающих собой значительное количество предметов; отдельные предметы сообразно с той или другой отвлеченной идеей ставятся под эти знаки, как под знамена» [3, с. 520].

Большая часть слов – это общие понятия, т.е. знаки, имеющие в себе множество составляющих или объединяющие множество предметов. Это необходимость, а не результат какой-либо ошибки, так как обозначение идеи зависит от связи слова и идеи. Именованье разных вещей, а также их связь с идеями требуют от человека запоминания всех различий. Мы отделяем одну вещь от другой, а удержание в памяти всех различий – выше человеческих сил, как утверждает Локк. Это было бы бесполезно, так как требует такого же опыта у другого человека.

Таким образом, по мнению Локка, знак соотносится не только с идеей и вещью, но и с восприятием во времени и пространстве: «В классическом мышлении знак не уничтожает расстояний и не упраздняет время; напротив, он позволяет их развертывать и постепенно обозревать. Вещи при посредстве знака становятся различными, сохраняются в своем тождестве, разведываются и соединяются» [5, с. 111–112].

Слова – материальный знак, который содержит в себе простые понятия, они употребляются для закрепления общих идей. Это делает знак субъективным и недоступным для передачи точной информации, использовании его в познании. Общее представление или общий знак должны абстрагироваться от всех субъективных черт и не представлять собой отличительные черты. Но в конечном итоге, согласно Локку, общие, отвлеченные идеи, будучи продуктом разума, «имеют своим основанием сходство вещей». Правда, движение от сложных, отвлеченных идей и их имен к самим вещам – процесс весьма трудный. Он порождает многочисленные ошибки и заблуждения, чреватые серьезными последствиями для познания. Очень часто это связано с неверным употреблением слов. Локк уделяет огромное внимание связи идей со словами, терминами и именами, создавая философию языка.

Позиция Локка открывала возможность для субъективистского истолкования коммуникации вообще и в искусстве в частности. Такая возможность усугублялась и мыслью Локка о том, что субъект в процессе познания имеет дело не с внешней действительностью, а с собственными идеями как таковыми, т.е. со своими ощущениями, представлениями, с внутренней рефлексией.

Важно отметить, что субъективность или употребление слова для собственной идеи обладает некоторыми особенностями. Употребление общих понятий человеком приводит к возникновению у него собственной сложной идеи, которая в деталях может отличаться от таковой у другого человека. Мы не можем, по мнению Локка, говорить о том, о чем не имеем представления: «Слова – чувственные знаки идей того человека, который ими пользуется» [3, с. 462]. Таким образом, можно говорить о влиянии субъекта на процесс появления и формирования знака. Слово является знаком именно говорящего, так как употребление слов должно служить для выражения идей, собственных понятий. Слово-знак не может употребляться для обозначения вещи, которой человек не знает или не представляет, в противном случае это было бы пустым звуком, словом ни для чего.

Значение слов и языка зависит от установленных соотношений и от субъективной

стороны интерпретации, т.е. от идей, понятий, событий, от всего чувственного опыта, поэтому интерпретация, прочтение знаков становятся неопределенными. Эта неопределенность наибольшее затруднение может вызвать в вопросах о правах, религии, нравственности, поскольку у слушателя всегда могут возникать сомнения и недопонимание. В данных вопросах мы должны искать все множество компонентов сложной идеи и рассматривать чувственный опыт.

По мнению Локка, исходное, т.е. самое первичное значение слова берет свое начало от чувственных идей, либо внешних, либо внутренних, даже если мы не можем сегодня проследить путь его возникновения. Связь между идеей и способом ее выражения в слове условна, конвенциональна не только в силу несоответствия звука и значения, но и в силу случайности выбора названия из многообразных идей, связанных с вещью: «Здесь мы должны следовать природе, сообразовывать свои сложные идеи с реально существующими вещами и регулировать значение их имен в соответствии с самими вещами, если мы хотим, чтобы наши имена были их знаками и обозначали их» [3, с. 540]. Значение слова, по мнению Локка, ограничено, оно не может передать того, что не входит в представление человека, в его идею о данном предмете, т.е. употребление знака ограничено нашим познанием, следовательно, и самой вещью.

Таким образом, Локк утверждает, что в языке должны быть закреплены значения слов, установлены связи и структуры этого мира. Слово в качестве знака должно соотноситься с вещью, ее качествами и с восприятием во времени и пространстве. Это позволяет говорить об устойчивости понятий и вещей, наличия возможности для истинного познания. Несмотря на наличие абстрактных идей, общих понятий, которые являются продуктом разума, следует помнить об эмпирической связи простых идей и вещей. Это соотношение не должно нас увести от истинного познания. Для достижения целей коммуникации необходимо наличие идеи, умение ее выразить в знаках и закрепить данное значение, чтобы этот смысл был понятен во всем множестве компонентов. Если мы не достигаем нужных целей в коммуникации, а именно передачи необходимой информации, то следует искать ошибки в образовании знаков, т.е. обратиться к чувственному опыту, к реальности. Данную структуру, образование идеи и выражение знаков нельзя изменить. По мнению Локка, мы должны исследовать и искать ошибки в формировании сложных идей: именно таким путём необходимо идти в познании и выражении мыслей, так как в этом проявляется четкая структура мира.

Список литературы

1. Вдовина Г. А. Язык неочевидного, М., 2009. 648 с.
2. Гоббс Т. Человеческая природа или о теле // Гоббс Т. Сочинения : в 2 т. / под ред. В. В. Соколова. М., 1989. Т. 1. 622 с.
3. Локк Дж. Соч. : в 3 т. / под ред. И. С. Нарского, А. А. Субботина. М., 1985. Т. 1. 621 с.
4. Августин. Об учителе // Августин. Об истинной религии. Теологические трактаты. Минск, 1999. С. 300–351.
5. Фуко М. Слова и вещи / под ред. В. П. Визгина, Н. С. Автономовой. М., 1977. 408 с.

The Problem of Correlation Sign-things in the Views of John Locke

I. Y. Kuzmicheva

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410002, Russia
E-mail: irinasharckova@yandex.ru

The article is devoted to the correlation of the sign with the ontological field things, the identification of the structures of language. J. Locke considers this issue, paying attention to the communicative and cognitive side. The word as a sign is a reflection of things, the expression of primary and secondary qualities. Locke emphasizes the importance of empirical cognition of singular things, as this will impact on the formation of simple ideas. It expresses a single. Errors in communication, according to Locke, are in the process of formation of complex ideas that are products of the mind. These ideas express a variety of items in their entirety. This can lead to ambiguities of meaning and errors in cognition. Identifying the true value is in the process of learning and mapping. It highlights the role of the subject in the expression and formation of common characters.

Key words: thing, a sign, language structure, word, idea, primary and secondary qualities.

References

1. Vdovina G. A. *Yazyk neochevidnogo* (Language unobvious). Moscow, 2009. 648 p.
2. Gobbs T. *De Corpore*. New York, 1981. 449 p. (Russ.ed.: Gobbs T. *Chelovecheskaya priroda ili o tele*. Gobbs T. *Soch.*: v 2 t. Pod red. V. V. Sokolova. Moscow, 1989, vol. 1. 622 p.).
3. Locke J. *An Essay Concerning Human Understanding*, New York, 1997. 307 p. (Russ. ed.: Lokk Dzh. *Soch.*: v 3 t. Pod red. I. S. Narskogo, A. A. Subbotina, Moscow, 1985, vol. 1. 621 p.).
4. Saint Augustine. *Soliloquies*. New York, 2008. 104 p. (Russ.ed.: Avgustin. *Ob uchitele*. Avgustin. *Ob istinnoi religii*. *Teologicheskie traktaty*. Minsk, 1999, pp. 300–351).
5. Foucault M. *Les Mots et les Choses*. Paris, 1996. 400 p. (Russ. ed.: Fuko M. *Slova i veshchi*. Pod red. V. P. Vizgina N. S. Avtonomovoy. Moscow, 1977. 408 p.).

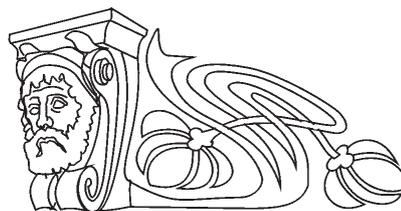

УДК 008:37

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И ВЗАИМОСВЯЗИ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ

Лысикова Наталья Павловна –

кандидат философских наук, доцент кафедры философии культуры
и культурологии, Саратовский государственный университет
E-mail: 450885@list.ru

Статья посвящена анализу основных характеристик и взаимосвязей народной культуры. В условиях возрастания социальных и культурных рисков, активного продвижения электронно-компьютерной культуры нарушается связь между поколениями, ослабевают национальная и культурная идентичность человека. Народная культура обладает следующими основными характеристиками: неоднородностью и открытостью, динамизмом и синкретизмом, стабильностью и диалогизмом, взаимосвязью и дополнителем. Благодаря народной культуре формируются групповая солидарность, доверительная непосредственная коммуникация, создаются условия для творческой самореализации и самоутверждения человека, регулирующие и нормирующие стиль поведения, традиционные виды деятельности, формы общения. Благодаря освоению народной культуры носитель осознает свою принадлежность к конкретной социокультурной среде, идентифицирует себя с ней.

Ключевые слова: народная культура, принципы народной культуры, образование, креативный ресурс, ментальность, традиции, нормы, обычаи.

DOI: 10.18500/1819-7671-2015-15-4-32-37

Рассматривая общество как единство культуры и социальности, образуемых и преобразуемых всей повседневной и творческой деятельностью человека, П. А. Сорокин при анализе характеристик социальных явлений руководствуется принципом взаимосвязи общества, культуры, человека: «Структура социокультурного взаимодействия имеет три аспекта, неотделимых друг от друга: 1) *личность* как субъект взаимодействия, 2) *общество* как совокупность взаимодействующих индивидов с его социокультурными отношениями и процессами и 3) *культура* как совокупность значений, ценностей и норм, которыми владеют взаимодействующие лица, и совокупность носителей, которые объективируют, социализируют и раскрывают эти значения» [1, с. 218]. Полагаем, что данный принцип можно использовать в качестве основополагающего при исследовании основных характеристик и взаимосвязей феномена народной культуры.

В современном обществе риска возрастает реальная потребность в креативной молодежи со сформированным социально-волевым и интеллектуальным началом, ответственной за слова и действия, способной снизить риски противостояния культур, возрастания социальных

и культурных конфликтов. Человека активного, являющегося инициатором последовательного ряда жизненных событий и ситуаций, М. М. Бахтин определяет как «субъекта поступания», подчеркивая тем самым его безграничные возможности и мотивации. Однако самореализация человека определяется не только тем, чего он в жизни достиг, но и тем, что вменяет себе в обязанность и ради чего идет на риск, потому что без риска, взятой на себя ответственности, сложно самореализоваться, это подтверждается удивительной восприимчивостью, адаптацией человека, способностью «к вариативности, гибкости. Это не удивительно, так как личность – не столько состояние, сколько процесс» [2, с. 66].

В настоящее время активно развивается электронно-компьютерная культура или сетевая культура, основанная не на знании традиционных ценностей, а на виртуально-мифологическом сознании, и ориентирована она, прежде всего, на пользователей современными информационными системами. Созданный во имя прогресса из благих побуждений данный тип культуры инсценирует новую мифологическую реальность, которая постепенно отодвигает самого человека-творца с его потенциями и смыслами, идеями и практиками на второй план, манипулируя им при принятии ответственных решений, навязывая иные стандарты и ценности. Поэтому для сохранения своей культурной идентичности ее носителям необходимо сохранять традиции народной культуры.

Считаем, что анализ основных характеристик и взаимосвязей народной культуры позволит определить ее особое место в иерархии культуры, а также раскрыть потенциальные возможности в снижении социальных рисков и зависимости от электронно-компьютерной культуры, которая провоцирует ослабление национальной идентичности и разрыв иерархической связи между поколениями.

Народная (корневая) культура представляет устойчивую совокупность обычаев, верований, миропониманий, мировоззрений, правовых, этических и эстетических норм, сложившуюся в ходе исторического развития человеческих от-

ношений, от первобытно-общинного уровня до формирования наций и национальной культуры, и востребованную в своих устойчивых образцах. Данный тип культуры является результатом народного творчества, вырастает из повседневной трудовой деятельности и обыденной жизни. Для нее характерны пластичность, узнаваемость, импровизация, анонимность, синкретические, недифференцированные формы взаимоотношения с миром, которые передаются в процессе непосредственной коммуникации.

В настоящее время народная культура становится одним из укорененных и определяющих элементов современной многослойной культуры, занимая свою социальную нишу, заполняя близкое и привычное для человека пространство. Являясь стабильной и относительно устойчивой органической частью повседневной жизни, она не остается абсолютно неизменной, а постоянно пополняется, обогащается, модифицирует, вбирает в себя стереотипы, традиции и нормы современной повседневной жизни и передает их от поколения к поколению.

Носитель народной культуры осознает свою принадлежность к конкретной социокультурной среде, идентифицирует себя с ней: «Специфика народной культуры состоит в том, что ее базовые элементы, ее “онтология”, заключены, прежде всего, в реальном *действии*. В генезисе духовной культуры первичен ритуал, в котором человек повторяет, тиражирует поступки обожествленного предка, демиурга и тем самым поддерживает существование мира» [3, с. 69]. Народной культуре соответствуют определенная картина мира, символика, стереотипы, через призму которых человек воспринимает окружающее социально-природное пространство и соответственно относится к нему. Ценности, составляющие основу народной культуры, способны приобрести мировое значение при наличии, как минимум, трех условий:

во-первых, если становятся достоянием не одного народа, но получают определенное распространение вследствие своей уникальности и неповторимости,

во-вторых, если являются стратегическим ресурсом культурного развития носителей,

в-третьих, если сохраняются, поддерживаются, распространяются на уровне региона, страны, мира.

Выделим и проанализируем основные характеристики народной культуры, к которым относятся неоднородность и открытость, динамизм и синкретизм, стабильность и диалогизм, взаимосвязь и нормативность, являющиеся предпосылкой и источником ее развития и единства носителей.

Благодаря её целостности и органичности формируются групповая солидарность, доверительная непосредственная коммуникация, в результате которых приобретаются знания и информация, создаются условия для творческой самореализации и самоутверждения человека, регулирующие и нормирующие надбиологические программы человеческой жизнедеятельности, а именно: стиль поведения, традиционные виды деятельности, виды и формы общения. Вместе с тем целостность народной культуры не исключает ее неоднородности, например, существования таких противоположностей, как: народное православие и магия, народная этика и православные обряды. «Говоря о целостности, необходимо подчеркнуть, что самое важное здесь – внутренняя взаимосвязь всего со всем, главное – это наше целостное мировоззрение, оказывающее влияние на ценностные представления» [4, с. 13]. Развитие целостной народной культуры осуществляется не только благодаря внутренней динамике ее базовых компонентов, но и под внешним воздействием самых разнообразных социальных и природных явлений. Как справедливо отмечал Ю. М. Лотман, «Имманентное развитие культуры не может осуществляться без постоянного притока текстов извне» [5, с. 116], в качестве них могут быть представлены самые разнообразные образцы культуры и виды информации.

Народная культура дает носителям определенную стабильность и защищенность, которые актуализируют их «встроенность» в культурный мир, личностную реализацию в культурных и образовательных практиках. В силу своей открытости народная культура подвержена изменениям, что свидетельствует о ее динамике: носитель культуры может, пусть очень медленно, постепенно, но уходить от некоторых, явно устаревших, традиций, привычек, ритуалов, норм и форм общения и поведения, приобретать новые, сформированные под влиянием современных общественных трансформаций. Важно учитывать хрупкость и уязвимость элементов народной культуры, а также негативное влияние на нее современных культурных образцов. Однако в ней вырабатываются и механизмы, в частности язык, речевое мышление, блокирующие проникновение явно диссонирующих, несовместимых с народной культурой образцов иных культур. Любой контакт сопровождается мощным креативным импульсом, направляющим духовные и практические действия носителя, обеспечивающим определенное смысловое постижение информации. Проходя через призму народной культуры, эта информация становится более доступной,

легче воспринимается и усваивается. Диалогичность народной культуры реализуется не только внутри ее базового содержательного ядра, но и за его пределами, через взаимодействие с чужими культурами; благодаря диалогу культур не только лучше понимается и усваивается своя культура, но и осуществляется культурное приращение и интерпретация иных культурных смыслов.

Синкретизм определяет слитность и нерасчлененность, диффузное существование в связанном виде базового ядра народной культуры на протяжении всего исторического развития, что объясняется, с одной стороны, неререфлексируемостью внутренних компонентов культуры, с другой стороны, их взаимодополнительностью, при которой отдельный компонент трудно вычленивается и осмысливается. До сих пор остается дискуссионным вопрос о происхождении первичных форм культуры. Считается, что именно человеческий организм с его физиологическими ритмами в единстве с ритмами природной среды структурно членит окружающий мир на различные оппозиции мифа, ритуала, ритуальных изображений, пластики обрядовых танцев, ритмы речений [6, 7]. Так, ритм, основанный на закономерной повторяемости в пространстве или во времени аналогичных элементов и отношений через соизмеримые интервалы, одновременно выполняет функции расчленения и интеграции впечатлений человека, полученных от взаимодействия с окружающим миром. Кроме того, он включает стадии: начало, кульминационный центр, завершение и сам процесс развития. Именно благодаря ритму осуществляется упорядоченность элементов культуры, в основе которых лежит соблюдение меры. При этом в каждой народной культуре превалирует свой ритм, который образует основу домифологического способа освоения действительности и предвосхищения ее будущего развития, когда символическая форма жеста, пластики, изображения определяет взаимоотношения человека, взаимосвязь и взаимозаменяемость природного и культурного. Народная культура, ориентированная на ритмические закономерности, существующие как в носителе, так и в окружающем его мире, облегчает восприятие, понимание и взаимоотношения между ними.

В народной культуре всегда присутствует некоторая аксиологическая доминанта – парадигма, «которая являет собой размытое поле ценностных представлений, разные участки которого имеют разные вероятностные веса. Наряду с доминирующей парадигмой существуют субпарадигмы, находящиеся “в подполье культуры” и заключающие в себе ростки будущей

культуры. Не все они могут реализоваться, но при определенных конкретных условиях спонтанно создается такой фильтр выбора, который запускает в рост одни идеи и ценностные представления и блокирует либо тормозит другие» [2, с. 59]. Не вызывает сомнения взаимосвязь народной культуры и ментальности, которые не просто дополняют друг друга, а составляют целостность, представленную, с одной стороны, традициями, обычаями, нравами данного народа, а с другой стороны, определенной направленностью индивидуального и группового сознания. Ментальность аккумулирует надындивидуальное в народном сознании, обусловленное его культурой, в ней откладываются исторический опыт народа, перипетии его формирования и развития. В ситуациях риска реализуется ее основная миссия: выступать как инвариант бытия, как «своеобразная память народа о прошлом, психологическая детерминанта поведения миллионов людей, верных своему исторически сложившемуся “коду” в любых обстоятельствах, не исключая катастрофические» [8, с. 134].

Любые новые социальные формы, которые в последнее время активно заимствуются (рыночная экономика, правовое государство, двухуровневая система высшего образования, информационные образовательные технологии), не являются культурно нейтральными, они имеют глубинную основу. Ментальности как социально-историческому конструкту справедливо придается функция интерпретационной модели, выражающей одну из сторон бытия социальных общностей, одновременно сохраняющей «свое» в народной культуре и отделяющей его от «чужого». Поэтому так важно оберегать устойчивые (инерционные) элементы культурного опыта, воплощенные в научных, религиозных, национальных, трудовых, профессиональных традициях, идеях, ценностях, обычаях, обрядах, способах мировосприятия, нормах поведения, передаваемых от поколения к поколению и придающих целостность, системность, завершенность, устойчивость индивидуальному сознанию носителей народной культуры.

Ценностная константа народной культуры нуждается в поддержке, распространении, изучении, только тогда она становится креативным ресурсом развития человека. Этнос обречен на вымирание, полагал Л. Н. Гумилев, если в своем поступательном развитии он не опирается на лучшее из своего наследия. Данная идея в развернутом виде представлена в Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия, принятой в 1972 г. на 17-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО. Там настоятельно реко-

мендуется «проводить общую политику, направленную на придание культурному и природному наследию определенных функций в общественной жизни и на включение охраны этого наследия в программу общего планирования» [9].

В народной культуре есть и собственные способы социальной передачи информации, и механизмы поддержания традиции, которые могут отличаться целым рядом обстоятельств:

во-первых, различной ролью непосредственного (устного) и опосредованного (письменного, электронного и др.) взаимодействия между носителями,

во-вторых, большей или меньшей ролью обрядовости, ритуалов, обычаев,

в-третьих, разным уровнем доступности освоения народной культуры для носителей других культур,

в-четвертых, процедурой закрепления и истолкования значений символов в ритуалах и обычаях.

Овладевая существующими в обществе традициями, ценностями, нормами, обычаями, приемами и способами деятельности, человек осваивает, достраивает и развивает свой культурный мир. Он идентифицирует себя как личность в непрерывности времени и способности справляться с внутренними конфликтами [10, 11], что актуально в обществе риска, когда в условиях кризиса индивидуальной и коллективной идентичности человек испытывает затруднения при соотнесении себя с конкретной культурой, языком, социальной группой. Особенно это ощутимо при размытости, нечеткости идеалов, привычек, социально значимых моделей и норм поведения и речевого общения, рода занятий.

В народной культуре существуют свои эстетические, моральные, религиозные, политические, правовые нормы. Они представляют структуру, организующую культурный мир народа в единое целое, являются системой поведенческих, коммуникативных ожиданий, культурным образом того, как должно осуществляться конкретное действие, и утверждаются вначале в обыденном сознании человека, а затем в его реальных поступках, продуктах деятельности. Их можно классифицировать по степени повышения общественной значимости на обычаи, нравственные нормы, законы.

Обычаи и способы восприятия складываются тысячелетиями и передаются от поколения к поколению. К ним традиционно относят повторяющиеся, привычные способы поведения людей в определенных ситуациях: общепринятые приемы в труде, распространенные формы взаимоотношений людей в быту и семье, ритуалы,

отражающие особенности жизни народа. В обычаях находят свое проявление и нравы. Они имеют силу общественной привычки и влияют на поведение людей. Например, у каждого народа существуют своя смысловая ценность основных цветов, запахов, звуков, движений, своя специфическая слуховая, кинетическая, парфюмерная чувствительность: с помощью цвета, звука, движения, запаха передаются значимость события, эмоциональное состояние человека.

Нравственные нормы возникают в самой практике массового взаимного общения, воспитываются ежедневно силой привычки, общественного мнения, оценок близких людей. Даже маленький ребенок по реакции взрослых достаточно точно определяет границы своего возможного и реального поведения. Значительную роль в формировании норм народной культуры играют одобрение и осуждение окружающих, сила личного и коллективного примера, наглядные образцы поведения, представленные в реальной жизни, научной, учебной, художественной литературе, народном творчестве.

Нормативность народной культуры подерживается не только в ходе межличностных отношений, но и в функционировании различных социальных институтов. В переработанном виде нормы народной культуры воплощаются в идеологии, этических и педагогических учениях, образовательных и религиозных концепциях. Огромную роль в передаче духовного опыта от поколения к поколению играет система образования, потому что вступающий в социальную жизнь человек усваивает не только знания, но и принципы, нормы поведения и восприятия, понимания и отношения к окружающему миру. Традиционные нормы народной культуры становятся способом наследования, предполагая в качестве основы: во-первых, связь поколений посредством обучения, во-вторых, хранение и распространение элементов наследия, в-третьих, расшифровку и осмысление элементов наследия применительно к нуждам жизненной практики.

Из этого следует, что нормы культуры достаточно практичны, хотя бы уже потому, что, поступая определенным образом, их носитель ожидает ответного поступка, действия, слова, дара и т. д. со стороны видимых и невидимых «других». Отсюда понятно, как опасен разрыв между доминантами народной культуры и приоритетами образования. Первые проявления феномена ненаследования народной культуры проявляются в распаде связи времен, потере социальной памяти, которые постепенно приобретают глобальный характер и которые невозможно объяснить только всеобщей компьютеризацией, использованием

интернет-технологий, дистанционным образованием и другими феноменами информационной цивилизации. Каналами культурной диффузии могут являться такие социальные явления, как: миграция, туризм, миссионерская деятельность, торговля, война, конференции, стажировки и иные научные контакты, торгово-промышленные, художественные выставки и ярмарки, обмен студентами и специалистами, повышение квалификации за рубежом. Именно в результате подобных контактов становится объективно необходимой изменение отдельных норм и правил, которые перестают удовлетворять потребности человека, становятся неудобными, бесполезными, тормозящими дальнейшее развитие межличностных и межкультурных отношений.

В современной префигуративной культуре отражаются время и проблемы поколений. Молодежь различных стран, говорящая на разных языках, принадлежащая разным конфессиям, но объединенная электронной коммуникативной сетью, приобретает такой опыт деятельности, поведения, общения, которого никогда не было и уже не будет у старшего поколения, а взрослые никогда не увидят в жизни молодежи повторения своего беспрецедентного опыта. Большая часть представителей старшего поколения не знают, не понимают, не осмысливают ценности, символику и атрибутику молодых, что провоцирует «запланированные» противоречия и риски, потому что отсутствует преемственность народной культуры. Становится понятным и обратный процесс: почему так трудно воспринимаются и усваиваются народная культура, классическое музыкальное искусство, литература, фольклор, этикет и, одновременно, почему так рьяно молодежь отстаивает право на субкультуру, отличающуюся иным ценностным строем, иными обычаями и нормами.

По мере исторического продвижения народов медленно изменяются смысл и набор универсалий, позволяющие осмысливать мир, организованный в целостную систему, возникают новые виды деятельности, поведения, общения, какое-то время существующие параллельно с общепринятыми традиционными нормами культуры. Элитные сферы культуры, с одной стороны, становятся объектом рыночных отношений, инновационных поисков, с другой стороны, остаются образцом профессионального творчества. Агрессивная массовая культура преобразует повседневную жизнь, видоизменяет взаимоотношения между людьми, распространяет не всегда бесспорные знания и информацию, стандартизирует поведение, различные виды деятельности и постепенно может занять лидерское положение в культурном мире современного человека.

Взрослые у нас и за рубежом выражают обеспокоенность тем, что молодежь забывает родной язык, традиции, обычаи [12], что она все сильнее дистанцируется от народной культуры [13]. Они создают на общественных началах и при поддержке местной администрации центры национальных культур, национальные деревни, этнокультурные центры, фольклорные ансамбли, музеи. Полагаем, что усвоение доминант народной культуры должно осуществляться на всех этапах современного непрерывного образования, тем более что народная культура постоянно развивается, открыта, отражает трансформации, которые претерпевают человек и общество, она готова к диалогу, международным культурным контактам.

Таким образом, традиционные и современные формы народной культуры занимают свою социальную нишу, заполняя наиболее близкое и привычное для человека культурное пространство. Основные характеристики и взаимосвязи народной культуры являются важным ресурсом сохранения человеком своей идентичности, взаимосвязи и преемственности поколений, противостояния тотальности электронно-компьютерной культуры в обществе риска, в условиях глобальной транскulturации, всеобщего смешения нравов и традиций.

Список литературы

1. *Сорокин П. А.* Структурная социология // Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 218.
2. *Золотухина-Аболина Е. В.* В. В. Нахимов. М., 2005. 128 с.
3. *Власов В. Г.* Онтология народной медицины // Человек. 2001. № 3. С. 67–79.
4. *Бом Д.* Наука и духовность : необходимость изменений в культуре // Человек. 1993. № 1. С. 7–17.
5. *Лотман Ю. М.* К построению теории взаимодействия культур (семиотический аспект) // Лотман Ю. М. Избр. ст. : в 3 т. Таллин, 1992. Т. 1. С. 110–120.
6. *Эйзенштейн С. М.* Психологические вопросы искусства. М., 2002. 335 с.
7. *Тэрнер В.* Символ и ритуал / сост. и автор предисл. В. А. Бейлис. М., 1983. 277 с.
8. *Кусов В. Г.* Категория ментальности в социологическом измерении // Социс. 2000. № 9. С. 132–136.
9. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО. URL: <http://ppt.ru/newstext.phtml?id=7077> (дата обращения: 03. 04. 2015).
10. *Эриксон Э.* Идентичность : юность и кризис. М., 2006. 352 с.
11. *Эриксон Э.* Детство и общество. СПб., 2000. 416 с.
12. *Фортье А. М.* Язык и идентичность квебекцев итальянского происхождения // Логос. 2005. № 4. С. 173–184.

13. Глухова А. В. Социокультурный конфликт как фактор современного политического процесса // Логос. 2005. № 4. С. 185–199.

The Main Characteristics and the Relationship of Popular Culture

N. P. Lysikova

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: 450885@list.ru

This article analyzes the main characteristics and relationships of popular culture. In the context of increasing social and cultural risks of active promotion of electronic-computer culture, the communication between the generations, weakening the national and cultural identity of the person. Popular culture has the following main characteristics: heterogeneity and openness, dynamism and syncretism, stability and dialogism, interconnection and complementarity. Due to popular culture formed group solidarity, trust direct communication, the conditions for creative self-realization and self-affirmation, regulating and normalizing behavior style, traditional activities, forms of communication. Thanks to the development of popular culture media aware of belonging to a particular socio-cultural environment, identifies himself with it.

Key words: popular culture, the principles of popular culture, education, creative life, mentality, traditions, norms and customs.

References

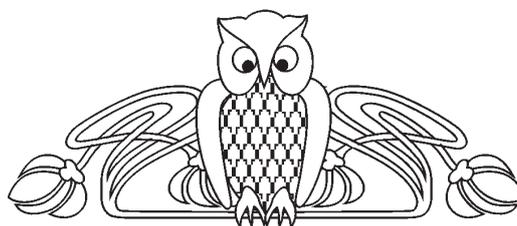
1. Sorokin P. A. *Society, culture, and personality: their structure and dynamics*. New York, 1969. 742 p. (Russ. ed.: Sorokin P. A. *Strukturная sotsiologiya. Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo*. Moscow, 1992. P. 218).
2. Zolotukhina-Abolina E. V. *V. V. Nalimov (V. V. Nalimov)*. Moscow, 2005. 128 p.
3. Vlasov V. G. *Ontologiya narodnoy meditsiny (Ontology of contemporary medicine)*. *Chelovek (Human)*, 2001, vol. 3, pp. 67–79.
4. Bom D. *Nauka i dukhovnost: neobhodimost izmeneniy v culture (Science and spirituality: on changes, that are necessary for our culture)*. *Chelovek (Human)*, 1993, vol. 1, pp. 7–17.
5. Lotman Yu. M. *K postroeniyu teorii vzaimodeystviya kultur (semioticheskiy aspekt) (Towards a theory of interaction of cultures {semiotic aspect})*. Lotman Yu. *Izbrannye stati: v 3 t. (Featured articles: in 3 vol)*. Tallinn, 1992, vol. 1, pp. 110–120.
6. Eyzenshteyn S. M. *Psikhologicheskie voprosy iskusstva (Psychological issues art)*. Moscow, 2002. 335 p.
7. Turner V. W. *The forest of symbols: aspects of ndembu ritual*. Ithaca, 1967. 178 p. (Russ.ed.: Turner V. *Simvol i ritual*. Moscow, 1983. 277 p.).
8. Kusov V. G. *Kategoriya mentalnosti v sotsiologicheskom izmerenii (Category mentality in sociological measurement) Sotsiologicheskie issledovaniya (Sociological Studies)*, 2000, vol. 9, pp. 132–136.
9. *Konventsia ob okhrane vseмирного kulturnogo i prirodnogo naslediya UNESCO (Convention for the protection of the world cultural heritage and natural heritage of UNESCO)*. Available at: <http://ppt.ru/newstext.phtml?id=7077> (accessed 3 April 2015).
10. Erikson E. *Identify, youth and crisis*. New York, 1968. 344 p. (Russ. ed.: Erikson E. *Identichnost: yunost i krizis*. Moscow, 2006. 352 p.).
11. Erikson E. *Childhood and society*. New York, 1963. 445 p. (Russ. ed.: Erikson E. *Detstvo i obshchestvo*. St.-Petersburg, 2000. 416 p.).
12. Fortie A. M. *Yazyk i identichnost kvebeksev italyanskogo proiskhozhdeniya (Language and identity of Quebecers of Italian descent)*. *Logos (Logos)*, 2005, vol. 4, pp. 173–184.
13. Glukhova A. V. *Sotsiokulturnyy konflikt kak faktor sovremennogo politicheskogo protsesssa (Social and cultural conflict as a factor in modern political process)*. *Logos (Logos)*, 2005, vol. 4, pp. 185–199.

УДК 7.011

КРИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ

Нехаева Ираида Николаевна –
кандидат философских наук, доцент кафедры
инструментального исполнительства и музыкознания,
Омский государственный университет
E-mail: Ira-Nekhaeva@rambler.ru

В статье предпринимается критический анализ современной интерпретации музыкального искусства как части языковой реальности. Ситуация адаптации музыкальной сферы к области знаково-символического понимания неизбежно приводит к стремлению объяснять музыкальное произведение путем выявления конкретных смыслов, представляющих собой условие прочтения музыки посредством «языковой призм», вовлека-

ющей музыкальное произведение в такую «языковую игру», при которой происходит ускользание музыкальной специфики. Определяется значение нескольких существенных для искусствоведческого анализа терминов, таких как «образ», «смысл», «музыкальная мысль», «музыкальное содержание», «символ», «знак», с целью выявления несостоятельности их традиционной трактовки и применения к художественным произведениям.

Ключевые слова: знак, символ, способность воображения, диалектический образ, музыкальный смысл, музыкальная мысль, гипотипоза, познавательная деятельность.

DOI: 10.18500/1819-7671-2015-15-4-37-42

Очевидно, что рассмотрение музыкального искусства в плоскости его знаково-символической интерпретации является благодатной почвой для исследований искусствоведов и культурологов. Однако нынешнее положение дел, которое связано с глобальными изменениями, произошедшими в области анализа языка, заставляет отнестись не столь поверхностно к поставленному вопросу, но, напротив, критически, начиная с сомнения в непосредственной данности символического характера музыки.

В связи с этим в данной статье понятие «языковая игра» будет интерпретироваться, с одной стороны (в позитивном аспекте), в русле критического подхода в процессе осмысления музыкального пространства, а с другой стороны (в негативном отношении), с учетом современной трактовки музыкальной сферы как части языковой реальности, что позволяет трактовать музыку как область знаково-символического понимания. С самого начала уточним, что символ (в переводе с греческого *σύμβολον* – знак, опознавательная примета) необходимо мыслить в контексте проявления знаково-образной функции *способности воображения* [1, с. 110]. При этом наиболее существенной здесь представляется специфика самой способности воображения, которую, с точки зрения И. Канта, следует относить в равной степени как к чувственной форме, так и к рассудочной, поскольку способность воображения, разворачиваясь в актах созерцания, которые всегда чувственны, «ввиду субъективного условия, единственно при котором она (т.е. способность воображения. – И. Н.) может дать рассудочным понятиям соответствующее созерцание, принадлежит к чувственности...» [1, с. 110]. При этом сама деятельность воображения, осуществляемая в синтезе, в акте определения воспроизводится спонтанно, поскольку не является только определяемым, подобно чувствам. Следовательно, способность воображения, согласно И. Канту, может а priori определять чувство благодаря его форме и сообразно с единством апперцепции, что «есть действие рассудка на чувственность и первое применение его (а также основание всех остальных способов применения) к предметам возможного для нас созерцания» [1, с. 110]. Таким образом, воображение как способность в своем осуществлении обладает неоднородной природой, что также дает основание для акцен-

тирования двойственного характера структуры символа, а именно, с одной стороны, символ есть образ, а с другой стороны – знак. В связи с этим необходимо, во-первых, рассмотреть отдельно феномены «образа» и «знака» как и самостоятельные, но с присущими им противоречиями в установлении онтологических аспектов музыкального искусства, а во-вторых, определить внутренние условия, диктуемые природой этих феноменов и проявляющиеся в процессе саморазрушения символа.

Обратимся, прежде всего, к «образу», но не в его обычной интерпретации – «художественного образа» в различных сферах искусства, а соотносясь с его естественным состоянием, раскрывающимся в процессе становления. В этой связи продуктивно начать с *диалектического образа* [2, с. 148], указывающего на вполне конкретный способ своего разворачивания, а именно: налицо некая действующая структура, которая порождает не оформившиеся, устойчивые, регулярные формы, а схваченные в процессе их формообразования, трансформации и, значит, являющиеся следствием непрерывных *деформаций*. Соответственно, если образ рассматривать в вертикальном и горизонтальном отношениях, то вертикалью будет его диалектичность, а горизонталью – историчность.

Далее следует отметить, что образ в своей диалектичности неоднозначен, поскольку диктует *смысл* символа, иными словами, сквозь образ смысл становится прозрачным. В данном случае необходимо конкретизировать условия, при которых возникает потребность говорить о смысле. Следует признать, что это происходит в момент осуществления так называемого эквивокального акта, в результате которого совершается «накидывание» определенного содержания на тот или иной музыкальный материал. В ходе этого музыкальный смысл очень четко отделяется от самой музыки, так как, когда мы говорим о смысле определенного музыкального произведения, то невозможно не заметить всегда присутствующий зазор между самим музыкальным материалом и тем смыслом (примечательно, что последний при этом может быть любым), который дополнительно накладывается на музыкальное звучание. Как следствие, музыкальным смыслом можно назвать определенный образ или содержание, возникающие в результате осуществления способностью воображения эквивокального акта.

Напротив, часто встречающееся выражение «музыкальная мысль», согласно Б. Асафьеву, необходимо интерпретировать как последовательное (связное) интонирование. Соответственно, интонация является носительницей *музыкаль-*

ного содержания, которое, по-видимому, имеет иное наполнение, нежели «содержание» в обычном его представлении. В этом музыковед видит специфическое отличие музыки и речи, где главная смысловая нагрузка лежит на слове, а интонация при этом играет лишь вспомогательную роль. И тем не менее музыкальную мысль следует определить как чистую форму мысли, поскольку мыслить себе предмет и познавать его не одно и то же. Таким образом, для познания, которое осуществляется скорее в языке, чем в музыкальной материи, нужно, прежде всего, иметь понятие, посредством которого вообще может мыслиться предмет, а также созерцание, через которое, согласно И. Канту, предмет дается. В противном случае понятие без сопутствующего ему созерцания предмета было бы мыслью по форме, но осуществлялось бы без продуцирования знания, что невозможно [1, с. 107]. Следовательно, понятие «музыкальная мысль» есть метафора, поскольку она, во-первых, не имеет интенции на предметы действительности; во-вторых, в связи с отсутствием данной интенции, «музыкальная мысль» не поглощается предметом и, являясь неограниченной, «показывается» в способе своей данности как таковая; в-третьих, она лишена значения, поскольку смысл данной формы мысли (если о таком вообще возможно говорить) не требует определения истинности при переходе в свое значение, упоминание о котором приводит данное положение дел к абсурду. По мнению Г. Фреге, мысль несет определенный смысл и с необходимостью стремится к переходу от смысла к значению. В этом раскрывается принципиальная оппозиция музыки и языка, поскольку любое суждение содержит переход от уровня мыслей к уровню значений, при этом наличие мысли представляется недостаточным исключительно потому, что, согласно Г. Фреге, нас прежде всего интересует ее истинностное значение [3, с. 235]. Вследствие этого вполне очевидным является сам факт отсутствия какого-либо значения в музыке, поскольку музыкальное произведение не может быть истинным или ложным.

Как известно, процесс смыслообразования подчинен определенным правилам, которые не столько даже ограничивают, сколько образуют сам смысл, так как он не имеет такой способности появляться при полной свободе или при полном ее отсутствии. В связи с этим вполне допустимо сказать, что режим смысла – это режим контролируемой свободы [4, с. 197]. Данное представление созвучно с мнением Ю. Кристевой, особо акцентирующей непроизвольный характер символической природы, изучением которой, в свою очередь, занимался Ф. де Соссюр

[5, с. 79]. В частности, ею выделяется широко известная классификация знаков, произведенная Ч. Пирсом, где отчетливо проводится различие между *иконой*, *индексом* и *символом*. При этом подчеркивается, что различие основано на типе отношения между знаком и объектом, а символу дается следующее определение: «...[символ] отсылает к объекту, который он обозначает в соответствии с *законом*, обычно посредством соединения некоторых общих идей» [6, с. 413]. В музыке, напротив, если и возникает «музыкальный образ», то всегда уже после звучания самой музыки, что объясняется обычным функционированием способности воображения при восприятии музыкального материала. При этом, как видится, абсолютно некорректно возводить возникающее уже после звучания в статус некоего музыкального основания, поскольку данный образ мог бы и не возникнуть или возникнуть в ином качестве, т.е. здесь можно сказать, что вот этот образ, возникающий под воздействием некоего музыкального произведения в голове конкретного человека, не обладает предикатом всеобщности и необходимости. В связи с этим вспоминаются слова Х. Эггебрехта – представителя современного западного музыкознания, предостерегающего нас и отмечающего, что «музыкальный смысл можно реально описать лишь музыкальным способом» [7, с. 55]. Таким образом, приписывать музыке не-музыкальные характеристики некорректно, поскольку в противном случае данный подход уничтожает всякую возможность исходить из природы самого музыкального феномена, что приводит к поверхностному и упрощенному взгляду, имеющему, с одной стороны, интенцию вовне, иначе – «опредмечивание» мысли, что вне всяких сомнений рано или поздно ведет к кристаллизации вполне конкретного содержания, которого на самом деле в музыке нет, поскольку она не отсылает к предметам реального мира и не познает их. С другой стороны, это создает все условия для девальвации познавательной способности или ущемления этой способности разворачиваться в нужной для нее плоскости – в плоскости музыкального искусства [2, с. 161].

Суть изложенных выше рассуждений совпадает с представлением И. Канта о «символическом», а вместе с ним и об *изобразительности* [8, с. 133], которая непосредственно связана с символом и является еще одним условием разрушения символической характеристики музыки, поскольку музыкальное искусство не может ничего изображать или отображать, а если последнее и случается, то всему причиной стремление «перевести» [8, с. 201; 9], понять,

объяснить музыкальное произведение путем выявления вполне конкретных смыслов. Однако И. Кант идет еще дальше, он изучает уже не отношение означающего и означаемого, в результате чего возникает символ, а характеризует саму способность представления, которая и вырабатывает данный феномен «символичности». Так, в частности, рассматривается интуитивный способ представления, который им разделяется на *схематический* и *символический*. Оба эти способа представления, согласно И. Канту, являются *гипотипозами*, т.е. изображениями (exhibitions), а не просто *характеристиками* (Charakterismen) или обозначениями понятий посредством сопутствующих чувственных знаков. Последние не содержат ничего, что принадлежало бы к созерцанию объекта, поэтому служат исключительно средством репродуцирования по присущему воображению закону ассоциации, тем самым свидетельствуя о своей принадлежности субъективному намерению. Таковыми являются слова либо зримые (алгебраические, даже мимические) знаки в качестве *выражений* для понятий [10, с. 194–195]. Вместе с тем существует и иная точка зрения, согласно которой «в отличие от обычных знаков символ содержит в себе возможность дальнейшего развертывания (развития) свернутого в нем смыслового содержания» [11, с. 21]. Из этого следует, что наличие акцентированной содержательной стороны, или означаемого, отличает символ от знака, что созвучно мнению Р. Барта о том, что «знаковая система основывается не на отношениях означающего и означаемого (такое отношение может быть основой символа, но не обязательно знака), а на отношениях между означающими; *глубина* знака ничуть не придает ему определенности; важно, какое место он занимает, какую роль играет по отношению к другим знакам, каким образом он систематически походит на них и отличается от них; любой знак существует благодаря своему окружению, а не благодаря своим корням» [4, с. 61].

Без сомнения, данная констатация выявляет иной угол зрения на мышление, согласно которому возможно говорить о разрушении символической природы музыки, а именно – об *историческом* разрушении, на которое в своих работах указывает Ю. Кристева. Так, в частности, ею утверждается, что позднее Средневековье (XII–XV вв.) является переходным периодом в истории европейской культуры, поскольку на смену символическому мышлению приходит мышление знаковое. Вплоть до XII в. символическая модель присутствует в общественной жизни Европы и находит яркое проявление в литературе и живописи. К тому же семиоти-

ческая практика этого периода космогонична, поскольку ее элементы (символы) отсылают к одной или нескольким универсальным, трансцендентным сущностям, не репрезентируемым и не познаваемым. Здесь трансцендентные сущности связаны однозначными отношениями с намекающими на них единицами, и символ не «похож» на символизируемый им предмет. При этом оба пространства – символизируемое и символизирующее – отделены друг от друга и не сообщаются между собой. Вместе с тем одной из особенностей символической семиотической практики, согласно Ю. Кристевой, становится своего рода «ключ» символического дискурса, который дается уже в самом начале, и поэтому траектория семиотического развертывания предстает в виде кольца, конец которого запрограммирован, как бы дан в зародыше уже в самом начале, свидетельствуя о том, что конец одновременно есть начало. Таким образом, функция символа предшествует самому символическому высказыванию. Отсюда проистекают общие особенности символической семиотической практики, а именно – количественное ограничение символов, их повторение и обобщенный характер.

Начиная с XII по XV в. понятие символа оспаривается и размывается. При этом символ не исчезает вовсе, но его трансформация неумолимо следует условиям, складывающимся для его перехода в знак. С этого момента представление о трансцендентной сущности подвергается сомнению. Соответственно, безмятежность символа уступает место напряженной амбивалентности знаковой связи, которая стремится достичь сходства и даже отождествления соединяемых ею элементов (несмотря на то, что в самом начале утверждается их радикальное различие). Отсюда следует характерное для данного переходного периода стабильное присутствие темы диалога между двумя несводимыми друг к другу, но сходными элементами. Таким образом, тип мышления, характерный для перехода от символа к знаку, характеризуется, прежде всего, способностью означающей единицы сочленяться не только с самой собой, но и с другими, часто противопоставленными ей единицами, что приводит к замене моновалентной структуры (символической) гетеровалентной (разорванной и двойственной). Рассмотренный в отношении семантического уровня данный переход знаменуется заменой дискурса, проповедующего доброту, нежность, любовь, который преобладал в XIII в., иным дискурсом, вращающимся вокруг страдания, боли, смерти. Наконец, решающим этапом при

переходе от символа к знаку в средневековом дискурсе является *номинализм*, который свое наиболее законченное воплощение получил в учении У. Оккама.

Данный тезис свидетельствует о выступлении против символического мышления, представленного как в реализме, – речь идет об учении платоновского толка, в котором универсалии, или абстрактные единицы, рассматриваются как существующие независимо от интеллекта, – так и в концептуализме, в котором универсалии признаются существующими, но производными от разума. Основопологающим для номинализма является момент отрицания всякого реального существования универсалий. Вследствие этого система символов выводится из равновесия, лишаясь своей опоры, поскольку единичное не может быть универсальным, а потому упор делается на единичности каждой вещи, что позволяет рассматривать данную систему символов как автономную по отношению к ее трансцендентному фону, поскольку ложно, что при одном понимании одна и та же вещь может быть единичной и одновременно (при другом понимании) универсальной, так как единичная вещь никоим образом не может быть универсальной ни при каком понимании. Следовательно, любая реальность единична, а универсальное существует лишь в понятии. В итоге, проведя различие между «понятием» и «термином» и придав больший вес второму, а не первому, номинализм открывает дорогу такому типу мышления, которое оперирует «терминами» (именами) как «знаками», а не символами. Таким образом, знаки, означающие сами по себе, т.е. без опоры на репрезентируемую ими идею или на свойства смысла (атрибуты), которыми они могли бы обладать независимо от повествовательной комбинаторики, куда они входят, указывают на отход от «эпохи символа» и наступление новой «эры знака». Это специфическое свойство знака является поразительным, олицетворяющим переход от символа к знаку [6, с. 413–420].

Резюмируя сказанное выше, необходимо отметить, что определением основных причин разрушения символической интерпретации природы музыки являются, отчасти, причины внешние, касающиеся исключительно процесса развития самой символической формы. Однако продолжающаяся в ходе этого элиминация музыки языковым пространством требует иного, мета-символов прочтения, поскольку в процессе созревания символическая форма, во-первых, приходит к своему историческому разрушению, т.е. возникает естественный переход от сим-

волического способа мышления к знаковому; во-вторых, непосредственная соотнесенность символа с предметностью (содержательной наполненностью), а также присутствие означающего и означаемого способствуют определению конкретики образа, что является чуждым музыкальной природе; в-третьих, диалектичность образа и лежащая в его основе деконструкция символа, казалось бы, содействуют и отвечают музыкальной специфике, однако по своей структуре образ всегда имеет привязку к слову или предмету, некую соотнесенность с чем-то вне его существующим или не существующим [12, с. 297]. Это сразу его опредмечивает и тем самым противопоставляет музыке. И, наконец, в-четвертых, исходя из третьей посылки, следует особо отметить ассоциативную природу символа, его гипотипозичность (изображение *sub adspcetum* – наглядное изображение). Таким образом, музыкальное искусство, лишаясь возможности обладать символическостью, освобождается от «языковой призмы», сквозь которую оно вынуждено влачить не-свое существование, т.е. играть в такую языковую игру, при которой происходит ускользание самой музыкальной специфики. Напротив, в результате своего рода очищения путем не-символической интерпретации музыкальной области появляется надежда на возможность иного взгляда на музыку, с учетом ее индивидуальной природы, специфики и особенностей.

Список литературы

1. Кант И. Критика чистого разума / под ред. Ц. Г. Арзаканяна. М., 1994. 591 с.
2. Диди-Юберман Ж. То, что мы видим, то, что смотрит на нас / под ред. Т. В. Глушковой. СПб., 2001. 263 с.
3. Фреге Г. О смысле и значении // Логика и логическая семантика / под ред. З. А. Кузичевой. М., 2000. С. 230–246.
4. Барт Р. Система моды // Система моды : статьи по семиотике культуры / под ред. С. Н. Зенкина. М., 2003. С. 29–356.
5. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики / под ред. Р. И. Шор. М., 2006. 256 с.
6. Кристева Ю. Избр. тр. Разрушение поэтики / под ред. Г. К. Кошкова. М., 2004. 656 с.
7. Чередниченко Т. В. Тенденции современной западной музыкальной эстетики. К анализу методологических парадоксов науки о музыке. М., 1989. 223 с.
8. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка. М., 2006. 248 с.
9. Беньямин В. Задача переводчика // Деррида Ж. Вокруг вавилонских башен / под ред. Б. В. Останина. СПб., 2002. С. 85–111.

10. Кант И. Критика способности суждения // Соч. : в 8 т. / под ред. А. В. Гулыги. М., 1994. Т. 5. 414 с.
11. Щербинин М. Н. Искусство и философия в генезисе смыслообразования (опыт эстетической антропологии) / под ред. Н. П. Деметьевой. Тюмень, 2005. 312 с.
12. Барт Р. Избр. работы // Семиотика. Поэтика / под ред. Г. К. Косикова. М., 1989. 616 с.

Critical Aspect of Language Game in Musical Culture

I. N. Nekhaeva

Omsk State University
36, Krasnyy Put str., Omsk, 644043, Russia
E-mail: Ira-Nekhaeva@rambler.ru

In article is undertaken the critical analysis of modern interpretation of musical art, as parts of a language reality. Thus it is proved, that the situation of adaptation of musical sphere to area of sign-symbolical understanding inevitably results in aspiration to explain a piece of music by revealing the concrete senses representing a condition of perusal of music by means of «a language prism», involving a piece of music in such «language game» at which occurs disappearance the most musical specificity. It defines the meaning of several essential of terms for art analysis such as «image», «sense», «musical thought», «musical content», «symbol», «sign» in order to identify the insolvency of their traditional interpretation and application to the works of art.

Key words: sign, symbol, ability of imagination, dialectic image, musical sense, musical idea, hypotypouse, cognitive activity.

References

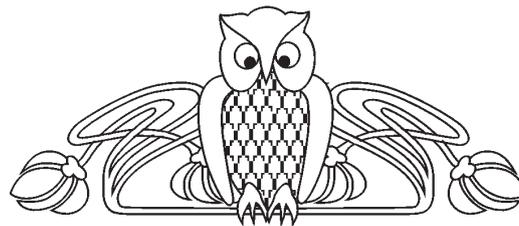
1. Kant I. *The critique of pure reason*. Cambridge, 1998. 785 p. (Russ.ed.: Kant I. *Kritika chistogo razuma*. Pod red. C. G. Arzakanyana. Moscow, 1994. 591 p.).
2. Didi-Huberman G. *Ce que nous voyons, ce qui nous regarde*. Paris, 2004. 208 p. (Russ. ed.: Didi-Yuberman Zh. *To, chto my vidim, to, chto smotrit na nas*. Pod red. T. V. Glushenkovoy. St.-Petersburg, 2001. 263 p.).
3. Frege G. On the meaning and significance. *Collected Papers on mathematics, logic, and philosophy*. Oxford, 1984. 412 p. (Russ.ed.: Frege G. O smysle i znachenii. *Logika i logicheskaya semantika*. Pod red. Z. A. Kuzichevoy. Moscow, 2000, pp. 230–246.).
4. Barthes R. The Fashion system. *Fashion system. Articles on the semiotics of culture*. New York, 1983. 303 p. (Russ.ed.: Bart R. *Sistema mody. Sistema mody. Stati po semiotike kultury*. Pod red. S. N. Zenkina. Moscow, 2003, pp. 29–356.).
5. Saussure F. *The course in general linguistics*. Chicago, 1998. 236 p. (Russ.ed.: Sossyur F. *Kurs obshhey lingvistiki*. Pod red. R. I. Shor. Moscow, 2006. 256 p.).
6. Kristeva Yu. *Desire in language: A semiotic approach to literature and art*. New York, 1980. 305 p. (Russ. ed.: Kristeva Yu. *Izbr. tr.: razrushenie poetiki*. Pod red. G. K. Kosikova. Moscow, 2004. 656 p.).
7. Cherednichenko T. V. *Tendentsii sovremennoy zapadnoy muzykalnoy estetiki. K analizu metodologicheskikh paradoksov nauki o muzyke* (The trends in contemporary Western musical aesthetics. By the analysis of methodological paradoxes science of music). Moscow, 1989. 223 p.
8. Hjelmslev L. *The prolegomena to a theory of language*. Madison; Milwaukee; London, 1969. 144 p. (Russ.ed.: Elmslev L. *Prolegomeny k teorii yazyka*. Moscow, 2006. 248 p.).
9. Benyamin W. The task of the translator. *Selected writings: in 4 vol. Vol. 1. 1913–1926*. Cambridge, MA, 1996. 528 p. (Russ.ed.: Benyamin V. *Zadacha perevodchika. Derrida Zh. Vokrug vavilonskikh bashen*. Pod red. B. V. Ostanina. St.-Petersburg, 2002. pp. 85–111.).
10. Kant I. *The critique of oudgment*. Oxford, 2007. 405 p. (Russ.ed.: Kant I. *Kritika sposobnosti suzhdeniya. Soch.: v 8 t. Pod red. A. V. Gulygi*. Moscow, 1994. Vol. 5. 414 p.).
11. Shherbinin M. N. *Iskusstvo i filosofija v genезise smysloobrazovaniya (Opyt esteticheskoy antropologii)* (The art and philosophy in the genesis of meaning {aesthetic experience of anthropology}). Pod red. N. P. Dementevoy. Tyumen, 2005. 312 p..
12. Barthes R. Rhetoric of the image. *Image. Music. Text*. London, 1977. 220 p. (Russ.ed.: Bart R. *Ritorika obraza. Bart R. Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika*. Pod red. G. K. Kosikova. Moscow, 1989. 616 p.).

УДК 316.277.5

«СЕКСУАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» М. ФУКО, ИЛИ ПРАКТИКА «ЭФФЕКТИВНОГО ТЕЛА»

Панкова Екатерина Сергеевна –
аспирант кафедры социальной философии,
Казанский федеральный университет
E-mail: katerin.pankova@gmail.com

Статья посвящена анализу проблемы сексуальности и телесности в философии М. Фуко. Подчеркивается, что артикуляция сексуальности связана с артикуляцией субъектности, а воздействие на субъект осуществляется репрессивными телесными практиками, такими как семья, школа, церковь. Сексуальность как социальный феномен оказывается такой внутренней силой субъекта, которая конструируется извне и связана с необходимостью следить за жизнью человека: предотвратить детскую смертность, продлить жизнь индивида, контролировать его здоровье, чтобы максимально завладеть его эффективным телом. Этот процесс может быть представлен в качестве своеобразного капиталистического бума и назван «сексуальной революцией».

Ключевые слова: диспозитив, субъектность, сексуальность, эффективное тело.

DOI: 10.18500/1819-7671-2015-15-4-43-46

Интерес М. Фуко к проблеме сексуальности и телесности лежит в плоскости изучения им проблемы субъекта. И хотя автор был далеко не новатором в изучении столь провокационных, на первый взгляд, вопросов, результаты его изысканий представляются уникальными как с точки зрения методологии структурализма, так и с точки зрения социальной теории в целом. Пытаясь уйти от категориальных пар сознание–непрерывность, свобода–причинность, знак–структура, Фуко выдвигает понятия «событие» и «серия», на которых строит свой специфический метод «внешнего» исследования. Его не интересует внутреннее скрытое ядро дискурса, якобы проявляющегося в мысли, или значения, его интересует сам дискурс и условия его внешнего проявления, его регулярность, т.е. серия событий, которая эксплицирует то или иное общественное явление/процесс. Таким образом, субъект предстает перед Фуко как явление, вызванное определенными историческими событиями. М. Фуко не анализирует историческую природу субъекта, он не ищет его истоки и генезис. Опираясь на субъект как на факт эпохи модерна (XVI–XIX вв.), он выстраивает определенную матрицу событий, которая повлияла на его становление [1, с. 57].

Одним из главных таких событий была экспликация тела и сексуальности как атрибута этого тела. Сексуальность как факт сознания по-

явилась только в конце XVII в., а само понятие возникло лишь в XIX в. Ранними эквивалентами этого феномена являются древнегреческий концепт эроса и христианский – плоть. Плоть – то, что противопоставлено духу, земное начало в человеке. Особенностью христианских воззрений является убеждение в наличии у плоти особого хотения (от лат. *voluntas*) сексуального характера, т.е. в ее греховной сущности. В отличие от плоти, эрос не противопоставлен духу, он заключает диалектическое единство и гармонию земного и небесного. Хотя и здесь могут быть вариации: Платон, к примеру, хотя и признавал существование земного эроса, только небесный эрос считал энергетической силой, мудростью, гармонией, истинной любовью и ценностью [2, с. 307]. Все это подчеркивает, что существовала определенная тенденция (традиция) оценивать сексуальность в негативном ключе и связывать ее именно с низменным, телесным в человеке.

Совсем иной взгляд на сексуальность появляется в Новое время, и именно его анализирует М. Фуко. Автор связывает формирование сексуальности с интериоризацией в сознании субъекта комплекса определенных социальных представлений посредством «диспозитива» [3, с. 149]. Диспозитив – это особая гетерогенная совокупность различных политических, общественных, административных, научных, философских и моральных дискурсов, которые регламентируют и поддерживают определенный общественный процесс (в нашем случае – сексуальность). Институализация сексуальности проводилась определенными практиками. Они не требовали для своего воспроизведения особого волевого усилия субъекта, а управлялись теми социальными структурами, в руках которых сосредоточивалась власть. Сами эти структуры в каком-то роде и выступали в роли субъектов.

До конца XVIII в. сексуальными практиками управляли каноническое право, христианство и гражданские законодательства, доминирующие члены которых осуществляли контроль над дискурсом, создавая и устанавливая определенный порядок, структуру пове-

дения, а также границы, нормы. Они задавали рамки поведения и, фактически, подавляли сексуальность человека. Одним из примеров социального подавления сексуальности можно назвать отношение к людям с нетрадиционной ориентацией. Доминирование христианской догматики повлияло на то, что содомизм был объявлен тяжким грехом, а людей с нетрадиционной ориентацией инквизиция подвергала пыткам [4, с. 20].

В условиях установления диспозитива наблюдалось сразу несколько дискурсивных практик, способствующих экспликации сексуальности человека: исповедание, семья, наука, детское образование.

Практика исповедания: в Средние века священники во время исповеди интересовались исключительно сексуальными поступками, а точнее, проступками людей. Это было связано с тем, что в общественном сознании секс связывался исключительно с телом человека – плотью. Начиная с периода Реформации, исповедь приобрела новую форму: священнику скорее нужно было знать мысли и помыслы человека о сексе. Как пишет Фуко, священники буквально метафоризировали эти темы, вуалировали, пытались сгладить. Была даже разработана определенная стилистика сдержанности в исповеди [5, с. 203]. Таким образом, сексуальность стала определяться в терминах не только плоти, но и ума. Человек, находящийся под гнетом моральных, религиозных и правовых норм, осуждающих всякое проявление сексуальности, оказывался в ситуации покаяния перед собой и другими. Он оказывался вынужденным оправдываться в своих желаниях, т.е. как пишет М. Фуко: «говорить – говорить себе самому и говорить другому и столь часто, насколько возможно, – все, что может касаться игры неисчислимых удовольствий, ощущений и мыслей, которые через душу и тело имеют некоторое сродство с сексом» [3, с.115]. Это говорение и есть проявление индивидуального «дискурса сексуальности», который, в конечном итоге, привел к возникновению истерии и неврозов и, как следствие, способствовал возникновению психоанализа.

Таким образом, возникший дискурс о «греховных помыслах» не только помог сформировать само представление о сексуальности, но и способствовал развитию интроспекции – способности субъекта к наблюдению за содержанием и актами собственного сознания. Формирование аппарата самосознания и самоконтроля личности способствовало повышению уровня его субъектности и самоактуализации.

Семейная практика: узловой точкой роста сексуальности являлась семья. Собственно, именно с этим периодом М. Фуко связывает зарождение субстанциональной семьи как ячейки общества, которая стала общественным надзором над человеком [6, с. 267]. Фуко разделяет два вида семьи и два механизма контроля: буржуазную и народную. Обе эти семьи стояли на страже ребенка в связи с возросшей политической и экономической потребностью в его выживании и вместе с тем с его подготовкой к самостоятельной жизни. Буржуазная семья «выросла» из постели ребенка: все ее силы были направлены на защиту детской сексуальности, детского тела. Угроза в этой форме семьи как будто бы исходила от ребенка, от его желаний быть похожим на взрослого. Главная угроза – мастурбация, борьба с ней приняла форму идеологической кампании. Причем угрозу видели не столько в духовном и этическом растлении малолетних (доля морализаторства в этой кампании была крайне низкая), сколько в медицинском отклонении: «когда детям запрещают мастурбировать, им грозят не растраченной в грехах и разврате, но загубленной болезнями взрослой жизнью» [5, с. 211].

Народная семья была также озабочена проблемой защиты ребенка, однако угроза в ней исходила не от детской сексуальности, а от сексуальности взрослого, от незнания, от неумения сдерживать свои желания. С помощью таких механизмов, как «сберегательные кассы», жилищной политики и т.д. [5, с. 249] продуцировалась семья, направленная против свободного сожителства, т.е. такая, где были бы четко зафиксированы родственные связи и не возникло бы угрозы инцеста.

Таким образом, подчеркивает Фуко, сформировалось «две формы сексуализации семьи, или две формы “фамилизации” сексуальности, два семейных пространства сексуальности и сексуального запрета» [5, с. 254].

Научная практика: к XVIII в. рождается медицинское, политическое, экономическое, техническое побуждение говорить о сексе. И не столько в форме общей теории сексуальности, сколько в качестве анализа, учета, классификации и спецификации, в форме количественных и причинных исследований. С историческим подъемом буржуазии связан не отказ от тела и аскетизм, а наоборот, экспликация тела, стремление к увеличению продолжительности жизни, культ здоровья. Точкой роста этой экспликации Фуко видит появление новой научной дисциплины – демографии, предметом которой стало «население». Появилась необходимость «анализировать процент рождаемости, возраст вступления в

брак, законные и незаконные рождения, преждевременность и частоту половых контактов, способ сделать их продуктивными или стерильными, последствия безбрачия или запретов, последствия применения противозачаточных средств» [3, с. 122]. Таким образом, вокруг тела человека возникает комплекс гуманитарных наук – социология, демография, экономика, призванных изучать это тело для того, чтобы за ним можно было законно политически следовать.

Практика образования детей и подростков: в колледжах, семинариях, школах практически перестают говорить о теле и удовольствии, однако отображают его опасности: «о нем почти не говорят, но все о нем свидетельствует» [5, с. 204]. Политика государства, направленная на просветительское образование детей в области секса, привела к тому, что о нем не говорили прямо, но всегда имели в виду, т.е. «говорили по-другому, говорили другие люди, исходя из других точек зрения и для достижения других результатов» [3, с. 123].

Интенсивный путь развития сексуальности приводит к возникновению сексуальной разнородности и неоднородности, происходит выделение в поле сексуальности особого измерения – «противоестественного». Теперь супружеская измена и содомия, соблазнение монахини и практика садизма, обман жены и насилие становятся существенно разными «типами» поведения, прежде всего, разными в процедурном плане. Одни сексуальные явления рассматриваются как нарушения законодательства (насилие), другие – как нарушение морали (измена), третьи как патология и медицинское отклонение (содомия). Появляются новые социальные типологии – сексуальный маньяк, лесбиянка, ханжа и т.д. Возникает необходимость на всем ставить метки, отпечатки. Эпоха складывается как текст. Так появляется гомосексуалист, о котором пишет М. Фуко: «особый персонаж: с соответствующими прошлым, историей и детством, характером, формой жизни, равно как и морфологией, включая нескромную анатомию, а также, быть может, с загадочной физиологией» [3, с. 142].

М. Фуко рассматривает сексуальный дискурс как определенный буржуазный бунт, особую «сексуальную революцию» XII–XIX вв., хотя этот дискурс возникает постепенно и эволюционно на всем протяжении эпохи Модерна. Как следствие, сексуальность имеет свое логическое завершение. Освобождая сексуальность, общество XX в. (то, что может быть названо эпохой Постмодерна) заменяет её запретом на смерть и начинает подавлять

смерть, т.е. культивировать смерть и вызывать дискурсивный взрыв вокруг неё. М. Фуко считает, что это страшнее, нежели подавление сексуальности, поскольку подавление смерти ведет к уничтожению сексуальности, которая по своей сущности проистекает из желания жизни, а точнее, из желания выжить. Человечеству необходима сила, которая противостояла бы смерти не только в материальном плане, как воспроизводство рода, но и в духовном – как средство общения, разрядки, коммуникации, проявления любви, душевной привязанности. Смерть, проникая во все области жизни, управляя обществом, вытесняет сексуальность, делает её незаметной и ненужной. Именно поэтому в современном обществе так остро встает проблема гендерной идентичности и гендерных различий. Теряя сексуальность, человек теряет многие метафизические смыслы: семейные ценности, потребность в любви, потребность в самоидентификации.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что историзация субъекта, начиная с эпохи Ренессанса, представляет собой латентную экспликацию сексуальности. Сексуальность конструировалась извне потребностями самого капиталистического общества и необходимостью следить за жизнью человека: предотвратить детскую смертность, продлить жизнь индивида, контролировать его здоровье, чтобы максимально завладеть его эффективным телом. Субъектность, таким образом, тоже конструируется извне и выступает определенным механизмом закрепления эффективного тела внутри индивида. Логика дискурса сексуальности такова, что извращенность пуританского общества приводит к полному нивелированию личного, интимного в человеке. А все многообразие сексуальностей оказывается лишь результатом властного механизма (диспозитива), а не осознанным выбором человека.

Список литературы

1. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М., 1977. 488 с.
2. Платон. Пир // Диалоги / пер. с древнегреч. М., 2006. С. 272–320.
3. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / пер. с фр. М., 1996. 448 с.
4. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб., 1997. 576 с.
5. Фуко М. Пылающий разум // Юнг К. Г., Фуко М. Матрица безумия (философский поединок). М., 2013. С. 163–302.

6. Фуко М. Надзирать и наказывать : рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова ; под ред. И. Борисовой. М., 1999. 478 с.

«The Sexual Revolution» of M. Foucault and the Practice of «The Effective Body»

E. S. Pankova

Kazan Federal University
35, Kremlevskaya str., Kazan, 420008, Russia
E-mail: katerin.pankova@gmail.com

This paper is devoted to analysis of problem of sexuality and body in the philosophy of M. Foucault. It is emphasize, that the articulation of sexuality is linked with the articulation of human subjectivity. Influence on the subject is conducted through repressive body practices, such as family, school, Church. Sexuality as a social phenomenon is some internal force of the subject, which is constructed from the outside and is connected with the necessity to monitor the life of a person: to prevent the child mortality, to extend the life of the individual, to control his health in order to get his effective body maximum. This process can be represented as a kind of capitalist boom and can be called «the sexual revolution».

Key words: dispositif, subjectivity, sexuality, the effective body.

УДК: 141.201

МИР-СИСТЕМА В КОНТЕКСТЕ ЛИБЕРАЛИЗМА

Рожков Владимир Петрович –
доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой теологии и религиоведения,
Саратовский государственный университет
E-mail: vladim-rozhkov@yandex.ru

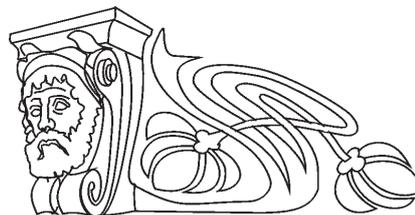
В статье анализируются проблемы теоретического проекта мир-системы, выдвинутого представителями западной социологии в 1970-е гг., и противоречия его реализации в условиях глобализации. Автор доказывает закономерность возникновения этого проекта, апеллируя к «эффекту системности» сознания с рациональной доминантой экстравертивного мышления в парадигме классической философии. В то же время автор обращает внимание на особенности формирования планетарной мир-системы в контексте западного либерализма и неолиберализма. Ключевая из них связана с риском движения к однополярному миру и применения различных вариантов насилия, интенсивность которого явно нарастает в настоящее время. Объясняя причины проявления этого риска, автор анализирует мировоззренческие основания «двух сторон медали» западного либерализма, истоком которого, по его мнению, является возрожденческий «титанизм», выражающий, с одной стороны, стихийный индивидуализм Ренессанса и его самокритику – с другой.

Ключевые слова: мир, система, сознание, экстравертивность, субъект, объект, интровертивность, либерализм, рационализм, антропоцентризм, индивидуализм, радикализм, критицизм.

DOI: 10.18500/1819-7671-2015-15-4-46-51

References

1. Foucault M. *Les Mots et les choses. Une archéologie des sciences humaines*. Paris, 1966. 405 p. (Russ. ed.: Фуко М. *Слова и вещи: Археология гуманитарных наук*. Moscow, 1977. 488 p.).
2. Plato. *The Symposium. Greek text*. Comm. by K. Dover. Cambridge, 1980. 185 p. (Russ. ed.: Платон. *Пир. Диалоги*. Moscow, 2006. pp. 272–320).
3. Foucault M. *Histoire de la sexualite: 3 t. Vol. 1: La volonte de savoir*. Paris, Gallimard, 1976. 224 p. (Russ. ed.: Фуко М. *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности*. Moscow, 1996. 448 p.).
4. Foucault M. *Histoire de la folie a l'âge classique*. Paris, 1972. 583 p. (Russ. ed.: Фуко М. *История безумия в классическую эпоху*. St.-Petersburg, 1997. 576 p.).
5. Фуко М. Пылающий разум (The flaming mind). Yung K.G., Фуко М. *Матрица безумия (философский поединок) (The matrix of insanity {the philosophical duel})*. Moscow, 2013, pp. 163–302).
6. Foucault M. *Surveiller et punir, naissance de la prison*. Paris, 1975. 328 p. (Russ. ed.: Фуко М. *Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы*. Под ред. И. Борисовой. Moscow, 1999. 478 p.).

Сознание человека, живущего в эпоху глобальных перемен, запечатлело крушение мощных социальных систем, локальные войны, всплески терроризма. В нём отразились разочарование в социальных теориях и универсальных либеральных ценностях, переживание религиозного ренессанса и целенаправленного разрушения ресурса социально-гуманитарных наук.

В поисках ответа на эти вызовы исследователи общественных изменений, происходящих на современном этапе истории, естественно обращаются к методологическому потенциалу философского теоретического мировоззрения и рационального познания. Так уже в 1970-е гг. А. Г. Франком, И. М. Валлерстайном, Дж. Арриги и некоторыми другими западными социологами был выдвинут мир-системный подход, расширявший, как они полагали, инструментарий цивилизационного метода. И хотя предшественником этого подхода называется Ф. Бродель, автором

наиболее развёрнутой концепции мир-системы по праву считается И. Валлерстайн, стремившийся, как отмечается, синтезировать идеи общей теории систем, синергетики и несколько современных положений экономической части марксистской теории.

Показательно, что под мир-системой американский социолог подразумевает «систему», являющуюся миром или длительно существующую интегрированную системную целостность. Таким образом, просматриваются основания системного подхода. Исследовавший проблему классической и неклассической рациональности М. К. Мамардашвили определял отмеченную особенность рационально ориентированного сознания как «эффект системы» [1, с. 82]. Объясняя отмеченный «эффект» рационально ориентированного сознания в парадигме классической философии, можно предложить следующую концепцию.

Самореферентное когитальное сознание, зафиксировавшее на перцептивном уровне (в перцепции «Я» ↔ «Мир»), по образному выражению С. Л. Франка, «дурной эмпирический мир» как «надтреснутое единство», обозначает обнаруженную «разорванность» мира в соответствующих универсальных рецепциях: «Я» – «Мир», «Субъект» – «Объект», «Я» – «Другой», «Я» – «не Я».

Понятийное выражение выделенных рецепций на уровне абстрактно-логического познания, универсализированное Г. Гегелем, может быть выведено во вполне определенный ряд следующих категорий: различие – разделение – раздвоение – противоположение – отрицание – противоречие. Последние (противоположение, отрицание, противоречие) аргументируются частицей «не». В ней же, очевидно, выражается нигилизм «Я» по отношению к «Миру», к «не Я». Таким образом, развитие декартовского мотива самореферентности мыслящего «Я» выявляло когнитивную способность сознания к диалектическому мышлению. Не случайно уже в истоках рациональной традиции парадигмы классической философии проявляется «стихийная диалектика» философов Древней Греции, а концептуальным её завершением становится диалектика Г. Гегеля.

Одновременно рассматриваемые рационально конструируемые знаковые и категориальные построения не могут не представлять абстрактное выражение ощущения единства, обусловленного процессом контактного взаимодействия познающего субъекта и познаваемого объекта. И когитальное сознание абстрагирует такое относительное единство на уровне системного

единства. Эти особенности когитального сознания аккумулирует Г. Гегель, выводя законы диалектики и выражая интенцию относительности единства в конституировании тождества *того же и другого*. По сути, К. Маркс трансформировал гегелевскую диалектику в ключе диалектического материализма. Вместе с тем он целенаправленно использовал системный подход, представляя общество в качестве формации или системы, которая состоит из двух подсистем (компонентов): экономического базиса и идеологической надстройки.

Не удивительно, что взаимодействие выделенных подсистем в марксистской теории носит диалектический характер, предполагая объективное причинно-следственное влияние экономического базиса на надстройку и обратное, функциональное воздействие идеологической надстройки на экономический базис.

Приведенные параметральные характеристики такого рода концептуального построения естественно проявляются в экстравертированной направленности мыслительного процесса, протекающего в когнитивной матрице субъект–объект. Философское рациональное сознание, функционирующее в такой матрице, имеет определенные особенности. Прежде всего, оно воспринимает социальную систему (общество в любом измерении, в том числе и в формате мир-системы), как внешний объект, который можно теоретически препарировать. Теоретически это означает разделение данного объекта на части (подсистемы, элементы, социальные группы, классы, страты и т.п.) с применением метода анализа, сопоставления разделенных частей с использованием метода сравнения и, наконец, конструирования из них нечто нового на основе методов синтеза, реконструкции и моделирования. Практически это проявляется в виде реформ, революций и войн. Причем и теоретическая, и практическая препарация общества осуществляются по воле индивидуального и социального субъектов. В первом случае им может оказаться мыслитель – теоретик или группа таковых, во втором – социальная группа и опирающиеся на нее политические движения, партии, государственные институты. В варианте социально-политической препарации общества (по аналогии препарирования лягушек в опытах по биологии) неизбежно проявляется насилие (психологическое, идеологическое, физическое, политическое, экономическое и т.д.) в различных вариациях.

Нельзя не обратить внимания и еще на одну особенность рационального сознания, онтологически обращенного к бытию и ориентированного

на субъектно-объектную матрицу познания. Являясь по векторной направленности экстравертивным, оно преимущественно будет выискивать внешние факторы протекающих процессов, формирующихся тенденций-противоречий, возникающих состояний, протекающих событий и в целом всего, что составляет содержание природной и социальной динамики. А это означает, что для индивидуального и социального субъектов с таким сознанием вопросы «Что делать?» и «Кто виноват?» будут всегда взаимосвязаны. Они мировоззренчески предрасположены к поиску внешнего конкурента, оппонента, врага. В складывающейся для него неблагоприятной ситуации им будут обвиняться прежде всего внешние обстоятельства, силы, противники.

Думается, что действия «игроков» в экономическом, политическом, идеологическом, информационном ареалах современного геополитического пространства позволяют сделать вывод о преобладании среди них субъектов с рассмотренными характеристиками сознания. Но в таком случае возникает естественный вопрос: на утверждение какого варианта регуляции глобальной мир-системы направлены эти действия? Как представляется, отвечая на него, целесообразно исходить из анализа ключевых тенденций, проявляющихся на основных структурных уровнях формирующейся мир-системы, на которых просматривается конкретное содержание интересов «игроков», характеризующихся как геополитические. Если учесть, что основой складывающейся мир-системы является капиталистическая рыночная экономика, то правомерно обратиться к выявлению тенденций-противоречий и содержания интересов «игроков» прежде всего на этом уровне геополитики.

В этом случае следует отметить, что универсализация такой характеристики глобализма в экономике как «откат от производительного принципа к спекулятивно-перераспределительному, ростовщическому», по-видимому, требует уточнения [2]. Действительно, реализация концепции «общества потребления» в условиях глобализации может естественно способствовать проявлению этой тенденции. Однако, как представляется, такая тенденция носит преимущественно внутривидовый характер в параметрах динамики мировой капиталистической экономической системы. Подобный «откат» может происходить в группе стран, регионе, когда производство переводится в другие страны, регионы в силу ряда мотивировок, типичных для капиталистического хозяйства: более дешёвые рабочая сила, сырьевые ресурсы, энергетические источники и т.п. Усиление таких

процессов в связи с нарастанием интеграции в экономике мир-системы вполне возможно.

Но все это в целом не отрицает закономерности, выражающейся в подтвержденном исторической практикой положении: расширение сферы потребления объективно требует расширения производства. Отсюда базовой тенденцией мировой экономики в глобальном формате мир-системы может быть выделено именно количественное и качественное расширение производства. Отраженное еще в XIX в. в марксистской формуле расширенного воспроизводства $T-D-T' \dots D' \dots$, оно интенсифицировалось с каждым десятилетием. По образному выражению Ф. Энгельса, расширение газов представляло «детскую забаву», по сравнению с масштабами расширения капиталистического производства [3, с. 35]. На основе этой мощной тенденции в XX столетии теоретиками марксизма выявляется интернационализация производства, а на рубеже XX–XXI столетий исследователи в области социально-политических наук анализируют процессы, объединяя их понятием глобализации.

Терминологически обозначив такие виды расширения производства, как выход за рамки национальной экономики (транснациональные корпорации), образование региональных экономических объединений, можно предположить в исторической перспективе утверждение планетарно-регулируемой экономической системы, а в дальнейшем выдвижение её за пределы планетарно-земного экономического пространства.

Эта перспектива вполне реальна, если учитывать, что многократное усиление тенденции расширения производства подводит человечество к проблеме ограниченности планетарных сырьевых и энергетических ресурсов. Обострение противоречия между расширением производства и ограниченностью энергетических ресурсов планеты явно ощущается в настоящее время. Производное от него противоречие между стратегиями интенсификации интеграции мирового производства и отстаивания приоритетности национальных интересов катализирует борьбу транснациональных корпораций, олигархических кланов компрадорской ориентации и национально ориентированного бизнеса за реализацию интересов относительно собственности, обмена и управления. В качестве ключевого конкретного интереса в последние десятилетия открыто декларируется доминирование в пользовании энергетическими и сырьевыми ресурсами планеты.

На политическом уровне в масштабе складывающейся мир-системы выделенные экономические противоречия трансформируются в

противоречие между тенденциями движения к однополярному и многополярному вариантам планетарного управления. Это противоречие катализирует борьбу между государствами, военно-политическими блоками и союзами, которая ведется средствами дипломатии, разведки, локальных и региональных войн, государственных переворотов, индивидуального и массового террора. И, естественно, политические силы, действиями которых реализуются выявленные тенденции-противоречия, аргументируют свои устремления апелляцией к определенной философско-политической доктрине. В современной отечественной политологии ряд известных исследователей связывает движение к однополярной модели глобальной мир-системы, прежде всего, с политикой США и стран Евросоюза, опирающихся на военно-политический блок НАТО, и с используемой этим «полюсом» или «центром силы» политической философией либерализма или неолиберализма. Подобный подход развивается, например, в трудах признанного авторитета российской политологии А. С. Панарина, представителей и сторонников его научной школы [4–7]. Думается, что отмечающееся в этом направлении отождествление глобализма и «неолиберализма» в контексте анализа политической стратегии западного центра силы, ориентированной на утверждение планетарного доминирования в качестве единственного неконтролируемого «полюса», определяющего своим «силовым полем» вектор динамики мирового сообщества, вполне обосновано.

Последнее, однако, не означает отсутствия необходимости дальнейшей теоретической разработки как проблемы «либерального варианта» движения к однополярной мир-системе, так и темы других вариантов её формирования вообще, что объясняется сложностью, многогранностью и противоречивостью процесса глобализации. В приведенном политологическом варианте либерального фактора однополярной тенденции, во-первых, требуется выяснение причин «отката» в политике Запада от «плюралистической системы международного равновесия» [2]. Во-вторых, нуждается в дополнении и «либеральный» вариант как таковой, так как в исторической практике обнаруживаются и другие субъекты политических устремлений к доминированию в однополярном мире, опирающемся на иные, нежели либерализм, философские и в целом мировоззренческие основания.

Что касается причин «отката» адептов неолиберальной политики от плюралистической модели мир-системы, то, думается, в первую очередь, необходимо обратиться истоковым

внутренним характеристикам либерализма как философии, политической теории и практики. Следует отметить, что в предыдущих исследованиях автором настоящей статьи развернуто обосновывалась концепция «двух сторон медали» западного либерализма [8]. Проявление этих сторон детерминируется философско-мировоззренческим основанием, составляющими которого являются антропоцентризм и рационализм, а их истоковым субъектом-носителем – возрожденческая личность – титан. В ней, как объёмно показывал знаменитый русский философ А. Ф. Лосев, выражается стихийно-индивидуалистическая сущность Ренессанса в противоречиях стихии «самоутверждения человека» [5, с. 64]. «Прямая» и «обратная» стороны титанизма, согласно его убедительному обоснованию, проявлялись в широком диапазоне от либерального индивидуализма Эразма Роттердамского и других гуманистов Северного Возрождения, выдвигавших идеи прав «свободного индивидуума», до эгоцентрической абсолютизации Никколо Макиавелли в «Государе» индивидуального «Я» в «личности-тиране», использующем «нечеловеческие средства» насилия в целях собственного самоутверждения [9].

Подобные истоки не могли не программировать «две стороны медали» современного либерализма и «неолиберализма». Провозглашение и многократное декларирование в документах ООН, других международных организаций и форумов таких либерально-демократических ценностей, как государственный суверенитет, права человека и право наций на самоопределение с одновременным насильственным попранием международного права путем применения вооруженных сил в военных операциях США и НАТО в Сербии, Ираке, Ливии, Афганистане и военной поддержки западно ориентированных оппозиций, радикальных сил, религиозно-экстремистских организаций на Ближнем Востоке и в Центральной Азии, инициировавших националистов в Восточной Европе и на Украине, возможно для субъекта политики с экстравертивным мышлением и приоритетно индивидуалистическим, прагматическим сознанием с установкой на относительность нравственности ценностей. Политическое сознание таких субъектов допускает аналогичное раздвоение либеральной теории и практики, если оно реализует стремление к доминированию «глобального класса» или «глобальной элиты» в однополярной мир-системе [10].

Возможна ли переориентация либерального политического сознания на плюралистическую

модель мир-системы или на многополярный мир? Если вновь обратиться к внутреннему когнитивному ресурсу в парадигме классической и неклассической рациональности, то эта возможность обнаруживается в интровертивной переориентации мыслительного процесса, связанной с самопознанием самореферентного разума. В этом контексте варианты структурирования (выделения понятий рассудка, разума, интуиции), осмысление форм проявления разума (чистый разум, практический разум и т.п.), по сути, представляют самопознание философского разума.

Логично предположить, что производной от возможности *ratio* к интровертивному перевороту в самопознании может стать способность самопознающего «Я» к самокритичности. Именно такая особенность просматривается в возрожденческих истоках либерализма. Это настойчиво подчеркивается А. Ф. Лосевым, который доказывал, что под Ренессансом необходимо понимать не только эстетику стихийного индивидуализма, т.е. титанизма, но и всю критику такого индивидуализма, которая была результатом его же собственного развития [9, с. 62]. По мнению русского философа, именно «коренная самокритика, самоотрицание и даже самоотречение входят в глубочайшую сущность всей возрожденческой эстетики» [9, с. 62].

Приведенная истоковая посылка означает, что среди субъектов-носителей либерального политического сознания были, есть и будут личности, способные понять несостоятельность и ограниченность претензий «замкнутого международного клуба», «глобального класса», использующего всевозможные формы и способы насилия для утверждения однополярной мир-системы, управляемой псевдолиберальной глобальной элитой.

Критикуя эту «обратную сторону» неолиберализма, они отстаивают его классические демократические ценности и, следовательно, принцип плюрализма в образующейся мир-системе. Жертвы политического террора среди представителей общественности, политических деятелей и журналистов как в прошлом, так и в настоящем свидетельствуют, что такие, способные к самоотречению, личности есть. Может быть, именно они представляют истинно либерально-демократическую элиту или международный клуб, открытый для всего человечества.

Список литературы

1. Мамардашвили М. К. Классический и неклассический идеал рациональности. М., 1991. 90 с.
2. Харин А. Н., Панарин А. С. Традиция versus Глоба-

лизм // Цивилизационная миссия России. XI Панаринские чтения. Пушкино, 2014. С. 244–253.

3. Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения : в 2 т. М., 1955. Т. 2. С. 83–145.
4. Панарин А. С. Искушение глобализмом. М., 2003. 493 с.
5. Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2003, 496 с.
6. Панарин А. С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М., 2003. 560 с.
7. Цивилизационная миссия России. XI Панаринские чтения. Пушкино, 2014. 316 с.
8. Рожков В. П. Духовно-нравственные параметры современного межкультурного диалога России и Китая // Духовно-нравственные основы межкультурного диалога России и Китая в условиях глобализации. Саратов, 2014. С. 6–46.
9. Лосев А. Ф. Эстетики Возрождения. М., 1978. 623 с.
10. Орлов М. О. Социальная динамика глобального мира. Саратов, 2009. 256 с.

The World-System in the Context of Liberalism

V. P. Rozhkov

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., 410012, Saratov, Russia
E-mail: vladim-rozhkov@yandex.ru

In article problems of the theoretical project the world system which is put forward by representatives of the western sociology in the 70th years of the twentieth century and contradiction of its realization in the conditions of globalization are analyzed. The author proves regularity of emergence of this project, appealing to «effect of systemacity» of consciousness with a rational dominant of *ekstraversivny* thinking in a paradigm of classical philosophy. At the same time the author pays attention to features of formation planetary the world system in the context of the western liberalism and neoliberalism. Key from them it is connected with risk of the movement to the unipolar world and applications of various options of violence which intensity obviously increases now. Explaining the reasons of manifestation of these risks, the author analyzes world outlook the main of «two parties of a medal» of the western liberalism which source, in his opinion the *voztrozhdenchesky* «titanizm» expressing on the one hand spontaneous individualism of the Renaissance and its self-criticism with another is.

Key words: world, system, consciousness, *ekstraversivnost*, subject, object, *introvertivnost*, liberalism, rationalism, anthropocentrism, individualism, radicalism, criticism.

References

1. Mamardashvili M. K. *Klassicheskiy i neklassicheskiy ideal ratsionalnosti* (Classic and nonclassical ideal of rationality). Moscow, 1991. 90 p.
2. Kharin A. N., Panarin A. S. Traditsiya versus Globalizm (Tradition versus Globalism). *Tsivilizacionnaya missiya Rossii. XI Panarinskie chteniya* (Civilization mission

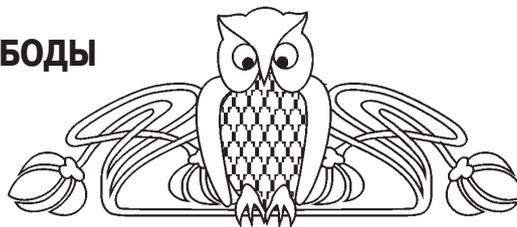
- of Russia. XI Panarinsky readings). Pushkino, 2014, pp. 244–253.
- Engels F. *Die Entwicklung des Sozialismus von der Utopie zur Wissenschaft*. Hottingen; Zürich, 1882. 189 p. (Russ. ed.: Engels F. *Razvitie sotsializma ot utopii k nauke*. Marx K., Engels F. *Izbr. proizv.* : v 2 t. Moscow, 1955. T. 2, pp. 83–145.).
- Panarin A. S. *Iskushenie globalizmom* (Temptation globalism). Moscow, 2003. 493 p.
- Panarin A. S. *Pravoslavnaya tsivilizatsiya v globalnom mire* (Orthodox civilization in the global world). Moscow, 2003. 496 p.
- Panarin A. S. *Strategicheskaya nestabilnost v XXI veke* (Strategic instability in the XXI century). Moscow, 2003. 560 p.
- Tsivilizatsionnaya missiya Rossii. XI Panarinskie chteniya (Civilization mission of Russia. XI Panarinsky readings). Pushkino, 2014. 316 p.
- Rozhkov V. P. *Dukhovno-nravstvennye parametry sovremennogo mezhkulturnogo dialoga Rossii i Kitaya* (Spiritual and moral parameters of modern cross-cultural dialogue of Russia and China). *Duhovno-nravstvennye osnovy mezhkulturnogo dialoga Rossii i Kitaya v usloviyakh globalizatsii* (Spiritual and moral bases of cross-cultural dialogue of Russia and China in the conditions of globalization). Saratov, 2014, pp. 6–46.
- Losev A. F. *Estetiki Vozrozhdeniya* (Renaissance esthetics). Moscow, 1978. 623 p.
- Orlov M. *Sotsialnaya dinamika globalnogo mira* (Social dynamics of the global world). Saratov, 2009. 256 p.

УДК 111

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИСТИНЫ И СВОБОДЫ

Стеклова Ирина Владимировна –

доктор философских наук, профессор кафедры философии,
Саратовский государственный технический университет им. Гагарина Ю. А.
E-mail: filoss@sstu.ru

В статье представлено соотношение истины и интеллектуальной свободы. В центре анализа находятся специфика свободы в контексте эволюции рациональных структур познания, взаимосвязь нормативной коммуникации и свободы, роль разума в развитии форм свободы познания. Познание рассматривается в контексте решения проблем человеческого бытия в мире, при этом раскрывается значение категорий свободы и истины для понимания природы субъекта знания; в частности, исследуются проблема объективности научного знания и вопросы формирования идеалов и норм в научном познании и их трансформации в тип научной рациональности. Одновременно выявляется роль культуры в процессе формирования знаний с учетом оснований истины и свободы.

Ключевые слова: бытие, истина, культура, онтология, познание, разум, рациональность, свобода, философия, человек.

DOI: 10.18500/1819-7671-2015-15-4-51-55

Мир культуры, составляя непосредственное окружение человека, не тождествен всей объективной реальности, но предметы и явления этой реальности обретают для человека то или иное значение только как функционирующие в системе культуры. Индивидуальные стремления человека всегда корректируются культурным сообществом, возводятся к всеобщим, общепринятым нормам. Поэтому только в отношении к некоторой социокультурной общности можно определить меру взаимосвязи истины и свободы как теоретически всеобщего и индивидуально-практического компонентов, в совокупности

определяющих реальное поведение человека. Теоретически всеобщее (истина) находит свое практическое воплощение только в индивидуально-практическом (свобода), осуществляемом всегда в границах определенной социокультурной общности.

Онтологический аспект свободы разнообразно представлен в философской литературе. С. В. Никитин утверждает, что свобода является сущностной характеристикой природы человека, и с изменением социокультурной ситуации возникало новое видение свободы, а термин «свобода» обрел с течением времени статус культурного символа [1, с. 9]. Можно сделать вывод, что философские воззрения по поводу свободы связаны с такими понятиями, как необходимость, случайность, благо, выбор, ответственность, творение, анализируемыми в рамках проблемы сознания, которая предполагает и включает познавательный процесс, что позволяет выйти еще на одно решение проблемы свободы: речь в данном случае может идти не только о разуме, мышлении, самосознании, действии, рефлексии, но и об истине.

Понимание свободы находится в зависимости от источника свободного действия, который можно видеть или в самом человеке, или в определенных структурах его существования, в частности познавательных. Традиционный для европейской философии взгляд на человека как

деятельное существо постоянно обращал внимание на его перспективы познания реальности как условие изменения мира. Одновременно позитивисты отстаивали точку зрения на свободу человека как результат функционирования формальных, в частности научных и правовых, структур. Во внимание, таким образом, принимаются рациональные процедуры и принципы деятельности. Свобода же индивидуального творчества оказывается вне поля зрения, т.е. не изученными остаются экзистенциальные условия.

Символический статус свободы, возникший в связи с изменениями социокультурной ситуации, вызывает затруднения в определении онтологического статуса и способствует появлению проблемы свободы человека по отношению к самим символам.

Онтологический аспект свободы, как правило, связывался с решением вопроса соотношения необходимости и случайности и впервые был представлен у Демокрита – основоположника философии необходимости – и Эпикура, имеющего противоположный взгляд на проблему. Для Эпикура свобода находится в основании природы, она проявляется в желаниях и воле людей. Таким образом, сведение мира к средству, служащему для субъективных целей человека, является первым шагом в онтологизации свободы.

Платон, развивая философское учение о счастье-свободе, разделил целесообразную и разумную деятельность на разумно-целесообразную и безнравственную и разумно-целесообразную и нравственную деятельности. Действительные же основания нравственности открывает Аристотель, обнаружив в человеке не только потребности, но и такую сущность, как назначение. Счастье, по Аристотелю, – реализация назначения, т.е. действия свободного человека характеризуются тем, что он выбирает цель, а также средства ее достижения. Иными словами, свобода – это выбор лучшего, свобода – атрибут нравственности. Свободным решением, таким образом, человек достигает добродетели, а затем и блага или счастья. Следует отметить, что в данном случае обоснование свободы не означает отрицания необходимости, поскольку разум призывает за собой волю, которая берет свое содержание в принципах объективности. Понятие субъекта у Аристотеля расширилось до понятия свободного субъекта.

Синтезировал учения Платона и Аристотеля Плотин, сформулировав идею Единого в качестве трансцендентного первоначала, которое превышает мыслимое и сущее и предшествует всему, лежит вне представлений человека о необходи-

мости, что и является свободной сущностью. Итак, в период Античности было выработано представление обо всем существующем как условии развертывания человеческих сущностных сил, которые через предметное воплощение обретают определенность.

Новоевропейская философия интерпретировала достижения античных философов с учетом требований эпохи. В отношении проблемы свободы формулируется принцип детерминизма.

И. Кант, вслед за Аристотелем, определяет нравственность и свободу в качестве форм всеобщности. Соотношение формы всеобщности и конкретного содержания его проявлений является предметом рассуждений о свободе. Г. Гегель, уходя от субъективистского определения свободы, отмечал, что «необходимость становится свободой не от того, что она исчезает, а от того, что лишь внутреннее ее тождество обнаруживает себя, и это обнаружение себя есть тождественное движение различного внутри себя самого, рефлексия видимости как видимости. В то же время случайность благодаря этому становится свободной» [2, с. 337].

В период Античности была поставлена проблема закономерности, сущности, единства необходимости и бытия и их познания и раскрытия с помощью философской рефлексии. В данный период были заложены основы последующей интерпретации природы познавательной истины в истории философии.

Понятие «истина» применялось в двуедином смысле: во-первых, имелся в виду скрытый принцип существования действительности, сама суть вещей. Во-вторых, истиной называли знание, раскрывающее эти принципы. Обретение такого знания, которое называли истинным, теперь отличали от повседневных приемов получения знания.

Для Гераклита обретение подлинной или истинной мудрости связано с пониманием логоса – принципа, выражающего царящий в природе порядок, и необходимости ее непрерывного развития. К сфере истины относили такие понятия, как бытие, время, движение. У элеатов, которые стремились к «единой истине» в ходе суждений о добром и злом, прекрасном и безобразном, были разногласия: в первом случае они считали ум источником основательности и красоты, во втором – что ум – это душа. При этом философы приписывали уму способность познания [3, с. 314], а неспособность судить об истине связывалась со слабостью ощущений [3, с. 315].

Сложными оказались поиски объективного содержания истины у софистов. По Протагору,

результат познания находится в зависимости от человека. По его мнению, все мнения и все продукты воображения истинны, истина связана с тем, что относительно, «мера всех вещей есть человек, то есть какими вещи являются мне, таковы они и суть для меня, а какими они являются тебе, таковы они для тебя» [3, с. 317]. Это положение означало отрицание объективного наполнения истины.

Сократ выявил «гносеологический примат» и превосходство общего над единичным. По Сократу, предметом знания выступает только то, что может быть доступно целесообразной разумной деятельности человека. Он считал, что деятельность души наиболее доступна человеку. В связи с этим Сократ называет самопознание главной задачей познания, сформулированной в максиме – познай самого себя [4, с. 102].

Платоном был сформулирован способ построения теории, который связан с необходимостью рефлексивного схватывания человеком в себе трансцендирующего его мира. По Платону, ухватить трансцендирующую силу можно только через форму сознания.

Аристотель называет истиной как первоначала, выступающие всеобщей закономерностью, которая определяет развитие бытия, так и познание, которое открывает их в природе [5, с. 346]. Платоновские модели-идеи у него сублимировались в концепцию логики в виде системы правил разумного. Рациональное рассуждение в данном случае гарантирует из истинных посылок получение истинных выводов. Эта идея оказала влияние на все концепции рациональности, появившиеся впоследствии.

Аристотель, как и Платон, считает, что в каждой сфере деятельности существуют различные принципы и требования, которые предъявляются к знаниям, они имеют необходимый и объективный характер. К неуспеху деятельности ведет пренебрежение ими, а их учет способствует получению плодотворных результатов. Оба мыслителя отмечают, что рассмотрение философских проблем ведет к общему, единому и необходимому знанию от многообразных проявлений вещей.

Статус объективной истины стал возвышаться в эпоху Возрождения и период Нового времени. Критикуется средневековый взгляд на «вечные истины в последней инстанции». Здравый смысл сближается с познанием научной истины. По мнению Р. Декарта, «целью научных занятий должно быть направление ума таким образом, чтобы он выносил прочные и истинные суждения о всех встречающихся предметах» [6, с. 79]. Необходимым считалось дисципли-

нировать, воспитывать исследовательский ум, руководством был идеал объективности.

Категорический императив И. Канта – это не только необходимый, общезначимый закон бытия, который обуславливает деятельность трансцендентального субъекта, но и основание познавательной деятельности. С его точки зрения, доброе означает подчинение свободы поступка, причем добровольное, внутренней императивности или должному. И. Кант дает обоснование единства форм целеполагающей (нравственной) и познавательной (чувственной) деятельности. Их связь он видит в способности рассматривать явления по принципу целесообразности, при этом различает понятия целесообразности в живой природе и искусстве. В одном случае мыслитель анализирует суждения вкуса, говорящие о форме предмета, исходя из состояний субъекта. По мнению И. Канта, возвышенное – образ свободы субъекта, а прекрасное – образ идеальной природы субъекта. В суждениях вкуса философ усматривает определенную априорную структуру. Ее выражением служит чувство удовольствия и неудовольствия. Особенность его состоит в отсутствии прагматического подхода к предмету. Оно появляется из непреднамеренной игры воображения, имеет субъективный и вместе с тем общезначимый характер. Таким образом, вкус влияет на эстетическое переживание и придает ему «всеобщую сообщаемость». Эстетическая деятельность трактуется им как область символического воплощения идеала нравственного. В ином случае, имея в виду целесообразность в живой природе, он сводит ее только к критике способности суждения. Таким образом, субъект должен осознавать возможности и границы теоретического разума, в связи с этим возникает необходимость сознательной моральной направленности самого мышления, т.е. интеллектуальной честности.

Трансцендентальный подход к проблеме истины присутствует также в феноменологии Э. Гуссерля, в философии жизни В. Дильтея, взгляды которых оказали существенное влияние на экзистенциализм.

Изменения в учение об истине внес Г. Гегель, который применил принципы историзма и диалектику к пониманию познания. Он развил учение об объективности истины. Определяя истину как соединение объективности и понятия, в качестве последующего звена он ввел практическую деятельность, «хотя участие, которое в общем произведении духа выпадает на долю деятельности индивида, может быть только незначительным» [7, с. 40].

В прагматизме истина превращается в определенную рабочую ценность, снимается про-

блема соотношения ценностного и познавательного из-за отрицания их уникальности. Истина здесь – инструментальная идея, достоинства которой определяются отношением не к действительности, а к полезности.

Серьезной проблемой взаимоотношения и связи рациональности и истинности является признание различных изменчивых форм рациональности. В философской литературе есть точка зрения, что рациональность – автономная ценность, а важна как ступень к более существенным субстанциональным ценностям, среди которых важнейшее место занимает истина [8, с. 133]. Очевидной здесь является связь между целеполаганием и наукой. Истинное знание – это высшая ценность научной деятельности, поэтому стремление к истине и знанию – системообразующий мотив деятельности в области духовного производства.

Существенными способами проблематизации истины выступают прагматическая теория истины, теории когеренции, «корреспонденции» (в частности, подход А. Тарского [9, с. 136–145]). Эти концепции истины комплементарны, не отрицают друг друга и представляют эпистемологический, гносеологический, социокультурный и семантический аспекты истинного знания. Они внесли определенный вклад в развитие проблемы истины. По Тарскому, знание соотносится с вещью, реальностью, должно коррелировать с иным знанием, так как они взаимосвязаны и системны, при этом в системе высказываний возможно соотносить предложения объектного, а также метаязыка. Роль социальной значимости, коммуникативности истины, признанности обществом фиксирует прагматический подход. Данные концепции предлагают определенные критерии истинности, которые, несмотря на свою неравноценность, должны рассматриваться во взаимодействии и единстве, в сочетании предметно-практических, эмпирических и внеэмпирических (методологических, логических, социокультурных) критериев. Каждый подход специфичен, предлагает не универсальные критерии. Например, практика может рассматриваться в данной функции в рамках лишь гносеологической интерпретации истины. В ряде областей, таких как логико-математическое и сферах гуманитарного знания, в которых текст является объектом исследования, практика не может служить критерием истины. Следовательно, необходимо отметить роль практики в выработке истинного знания, однако универсальным основанием оценки ее назвать невозможно, т.е. соотносимость с практикой не выступает необходимым условием познания.

Пути преодоления нормативного представления истины предложил И. Т. Касавин. С его точки зрения, дефиниция совокупного познавательного процесса наиболее полно отражает субъективную нагруженность познания. Фундаментальный принцип конкретности истины следует рассматривать, по его мнению, как положение о наполненности познания и знания формами деятельности субъектов в контексте культуры и общества, а не только как указание на многогранность, конкретность объекта. Он утверждает, что дескриптивное понимание истины – это не предметное понимание знания, а уникальная форма философской рефлексии результатов анализа разных видов практики и знания, типов рациональности и традиций, разных проблем, когда плюрализм истинных поисков сочетается с осознанием как их ограниченности, так и условий взаимодополняемости [10].

Отмеченный дескриптивный подход не предполагает построения системы критериев и норм совершенства знания, соответствия системе ценностей или действительности. В данном образе истины соединены ценностный идеал и аналитико-описательная проработка знания. Регулятивность понятий истины здесь не означает возможности построения операциональной модели конкретного действия. Одновременно очевидно воплощение конкретного познавательного рефлексивного идеала. Понятие истины указывает на то, каким должен быть субъект, а не на результат познания, не объект. Истина не является однозначной в познавательных ситуациях, не удостоверяет совершенства знания, она указывает, в какой мере знание способно выполнить социокультурную функцию в познавательном процессе.

В философии проблема истины продолжает оставаться «вечной», в отечественной философии она преимущественно представлялась в контексте парадигмы, рассматривающей познание как отражение, и в результате – теории соответствия. Однако остаются нерешенные вопросы, поскольку очевидны проблематичность и неполнота понимания познания как получения копии образа мира. Понятие «отражение» фиксирует лишь результат, а не операциональную сторону процесса, который не всегда имеет отражательную природу, а реализует проблемные, творчески-созидательные подходы, основанные на социокультурных предпосылках, коллективном и индивидуальном опыте.

Познавательный процесс, таким образом, не сводится лишь к отражательным процедурам, а предстает в деятельности субъекта, которая опосредована различными знаковыми, предметными репрезентациями, содержащими квинтэссенцию

культурно-исторического и социального опыта. Основанием выявления истинного предмета, истины знания выступает сам субъект как целостность, не сводимая к гносеологическому и рационалистическому субъекту. Данное положение возвращает к античной традиции – к тезису Протагора «человек есть мера всех вещей».

Итак, совместная деятельность в составе совокупного субъекта является необходимым условием реализации свободы личности. Истина, объединяющая людей в совместном действии, обретает полноту содержания и реальную всеобщность в диалогическом общении отличных друг от друга сознаний. Поэтому она возникает как некая результирующая, специфическая «коллективная мотивация» действия. Признание иного сознания равноправным выступает условием обретения не только свободы, но и истины. Реализация и истины, и свободы имеет, таким образом, общее основание – коллективность.

Сложность и опосредованность детерминации человеческой деятельности порождает иллюзию, отождествляющую свободу с индетерминизмом. Деятельность человека определяется не только наличными или предшествующими условиями, но также и его представлениями о возможном будущем и о соответствии этого будущего его ценностям и идеалам. Свободной для человека становится такая деятельность, в которой он может достигнуть «истинного» мира, где могут быть осуществлены его цели и принципы. Свобода в таком случае принимает вид целенаправленности. Цель же есть не что иное, как возможность иного будущего или сознательно выбранная возможность среди других возможностей.

Список литературы

1. Никитин С. В. Научная рациональность и свобода. Саратов, 2001. 164 с.
2. Гегель Г. Энциклопедия философских наук : в 3 т. М., 1977. Т. 1. 201 с.
3. Антология мировой философии : в 4 т. М., 1969. Т. 1, ч. 1. 576 с.
4. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1986. 571 с.
5. Аристотель. Вторая аналитика // Соч. : в 4 т. М., 1978. Т. 2. С. 255–346.
6. Декарт Р. Правила для руководства ума // Избр. произведения. М., 1950. 712 с.
7. Гегель Г. Феноменология духа. Предисловие // Соч. : в 14 т. М., 1959. Т. 4. С. 1–40.
8. Касавин И. Т., Сокулер З. А. Рациональность в познании и практике. М., 1989. 192 с.
9. Тарский А. Истина и доказательство // Вопр. философии. 1972. № 8. С. 136–145.
10. Касавин И. Т. О дескриптивном понимании истины // Философские науки. 1990. № 1. С. 64–73.

Ontological Aspect of Truth and Freedom

I. V. Steklova

Technical University of Saratov
77, Politechnicheskaya str., Saratov, 410054, Russia
E-mail: filios@sstu.ru

In the article shows correlation of truth and intellectual freedom. In the center of the analysis are the specifics of liberty in the context of the evolution of rational structures of knowledge, interconnection regulatory communication and freedom, the role of the mind in the development of forms of freedom of knowledge. Knowledge is considered in the context of solving problems of human existence in the world, with the disclosed value of the categories of freedom and truth for the understanding of the nature of the subject of knowledge. In particular, we study the problem of the objectivity of scientific knowledge and the issues of formation of ideals and norms of scientific knowledge and its transformation into the type of scientific rationality. At the same time revealed the role of culture in the process of knowledge generation, taking into account the grounds of truth and freedom.

Key words: being, truth, culture, ontology, knowledge, mind, rationality, freedom, philosophy, human.

References

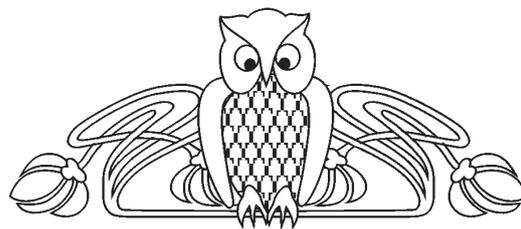
1. Nikitin S. V. *Nauchnaya ratsionalnost i svoboda* (Scientific rationality and freedom). Saratov, 2001. 164 p.
2. Hegel G. W. F. *Encyklopädie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse*. Heidelberg, 1817. 200 p. (Russ. ed.: G.V.F. Gegel. *Enchiklopedia filiosofskikh nauk*: v 3 t. Moscow, 1977, vol. 1. 201 p).
3. *Antologiya mirovoy filosofii*: v 4 t. (Anthology of the world philosophy: in 4 vol.). Moscow, 1969, vol. 1, pt. 1. 576 p.
4. Diogen Laertcky. *Vitae philosophorum*: in 2 vol. Oxford, 1964. Vol. 1–2. 522 p. (Russ. ed.: Diogen Laertckiy. *O zhizni, ucheniyach, i izrecheniyakh znamenitykh filiosofov*. Moscow, 1986. 571 p.).
5. *The works of Aristotle*. Ed. by W. D. Ross. Oxford, 1928. 668 p. (Russ. ed.: Aristotel. *Vtoraya analitika*. Soch.: v 4 t. Moscow, 1978, vol. 2, pp. 255–346).
6. Descartes R. *Rules for the direction of the mind*. New York; London, 1960. 611 p. (Russ. ed.: R. Dekart. *Pravila dlya rukovodstva uma*. Moscow, 1950. 712 p.).
7. Hegel G. W. F. *System der Wissenschaft. Erster Teil, die Phänomenologie des Geistes*. Bamberg; Würzburg, 1807. 50 p. (Russ. ed.: Gegel G. W. F. *Fenomenologiya dukha. Predislovie*. Soch.: v 14 t. Moscow, 1959, vol. 4, pp. 1–40).
8. Kasavin I. T., Sokuler Z. A. *Ratsionalnost v poznanii i praktike* (Rationality in knowledge and practice). Moscow, 1989. 192 p.
9. Tarskiy A. *Istina i dokozatelstvo* (Truth and proof). *Voprosy Filosofii* (Voprosy Filosofii), 1972, no. 8, pp. 136–145.
10. Kasavin I. T. *O deskriptivnom ponimanii istiny* (About descriptive understanding of truth). *Filosofskie nauki* (Russian Journal of Philosophical Sciences), 1990, no. 1, pp. 64–73.

УДК 2-1

ВОСПРИЯТИЕ РЕЛИГИИ СОВРЕМЕННЫМ ЧЕЛОВЕКОМ: ПОНИМАНИЕ И АБЕРРАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ТРАДИЦИИ ИСИХАЗМА)

Ченцова Дарья Александровна –
аспирант кафедры философии религии и религиоведения,
Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: CIAYCA@yandex.ru

Статья посвящена проблемам понимания религии в целом и конкретных религиозных традиций в современном мире. Для современного человека характерно наличие aberrаций в отношении религии. Причины данных aberrаций могут крыться в недостатке аутентичной, достоверной информации, обращении индивида не к оригинальным, но к вторичным источникам информации, стремлении к синкретизму. В данной статье на примере традиции исихазма представлены основные типы aberrаций, характерные как для западного, так и для восточного менталитета, предложены варианты минимизации aberrаций в отношении религии.

Ключевые слова: религия, религиозная традиция, современность, исихазм, aberrации.

DOI: 10.18500/1819-7671-2015-15-4-56-59

Положение религии как таковой и конкретных религиозных традиций в современном мире неоднозначно. С одной стороны, в последние десятилетия в ряде стран, в том числе в России, мы отмечаем тенденцию десекуляризации или, по мысли Ю. Хабермаса, уже не просто десекуляризации, но постесекуляризации как ситуации возникновения и закрепления «религиозного плюрализма в социуме» [1, с. 129]. С другой стороны, при видимом усилении религиозного мировоззрения, нельзя не отметить качественный упадок знания о религии и о религиозных традициях. Современный мир полон заблуждений, что не обходит стороной и сферу религиозную, где терминологические, мировоззренческие и информационные ловушки, так же, как и в других сферах жизнедеятельности, подстерегают обывателя. Традиционные СМИ, рекламу, Интернет можно отнести к факторам, продуцирующим такого рода ловушки. С одной стороны, мы видим увеличение интереса к религии, а с другой – отсутствие элементарного знания и понимания в сфере духовной жизни. Значительное число людей, формально отождествляющих себя с определенной религиозной традицией, зачастую имеют посредственное представление о сути и ключевых положениях традиции, к которой себя причисляют. Здесь ситуация в России и за рубежом во многом сходная за счет того, что

в России на протяжении значительного времени религия находилась под официальным запретом, на Западе же религиозное мировоззрение длительный период поступательно вытеснялось светским, секулярным.

Заметим, что духовная сторона жизни человека и социума, несмотря на многочисленные утверждения об обратном, по-прежнему является важной стороной бытия [2, р. 117], фундаментом мировоззрения и во многом определяющей деятельность как отдельных людей, так и малых и больших групп. В данном контексте неустойчивость мировоззрения современного человека мы можем связать с духовной проблематикой, где мировоззренческая «нестабильность» есть плод вытеснения духовного.

Одним из вопросов, встающих перед современным обществом, является вопрос межкультурного диалога, с которым так или иначе, в независимости от вытеснения и забывания духовного, связана также и проблема диалога межрелигиозного. С одной стороны, выбор стратегий взаимодействия носителей различных культурных традиций задается системой координат культуры. С другой – в том, что касается вопроса о духовных традициях, – мы видим, что представители различных культур и мировоззрений могут отдавать предпочтение одной традиции. Например, буддизм широко распространен как на Востоке, так и на Западе, в том числе и в России. Буддизм здесь не исключение. Так, интерес к исихазму в XX в. весьма возрос в Европе и Соединенных Штатах Америки. Зарубежные исследователи данной традиции даже говорят о своеобразном феномене «глобализации исихазма» [3, с. 25–28].

Современная культура так или иначе коррелирует с динамикой общественного развития, тем самым определяя границы межкультурного диалога и взаимодействия, религия же как определенная духовная традиция чаще всего не прогрессивна, а консервативна – за исключением таких систем, как, например, современные школы буддизма или же так называемые новые

религиозные движения, являющиеся, напротив, модернистскими, которые мы не можем назвать религиями в классическом значении этого слова. В случае с последними мы должны отметить, что данные движения как таковые в силу своей специфика не являются и духовными традициями. Консервативность религии тормозит или делает невозможным диалог с представителями иных религиозных воззрений, поскольку, в отличие от культуры, религия претендует на универсальное мировоззрение, обладающее статусом истинного.

Современное западное общество постулирует себя как секулярное, т.е. религия в социуме не несет какой-либо явной роли, отделена от общественных процессов. Современная западная цивилизация, как представляется, исток своим обязана христианской традиции, отпечатки которой, несмотря на трансформацию мировоззрения, ценностей и идеалов, до сих пор прослеживаются как в культуре, так и в сознании отдельных людей и групп. Тем не менее, несмотря на религиозные истоки, именно западной цивилизации принадлежит идея секулярности (более того, сама цивилизация как понятие, не включающее в себя духовную составляющую, есть западное понятие, возникающее на той стадии развития человечества, когда «начинают доминировать социальные связи» [4, с. 176] и общественные отношения, а на смену религиозному мировоззрению приходит мировоззрение светское; современная же тенденция социальной динамики поэтому связывается с западноевропейской моделью развития, актуализирующей ценности социальной справедливости и полного равноправия», моделью, где сакральное «вынесено за скобки», духовная сторона жизни человека и социума принципиально не рассматривается и допустима исключительно в пространстве церкви).

Знаменательно, что в последнее время интерес к духовным традициям, в частности к традиции исихазма, на Западе значительно повышается. Причем интерес не только (и в ряде стран не столько) духовный, но и исследовательский. Интерес к исихазму может говорить об усилении интереса к христианской традиции в ее изначальном состоянии (поскольку исихазм во многом представляется ближе к раннему христианству, нежели ряд современных направлений христианства, и, в отличие от последних, не столь сильно изменялся в учении или практике на протяжении долгих веков существования традиции). Что касается восточной ментальности – здесь интерес к исихазму также обнаруживается, будучи вызван компаративистскими исследованиями духовных традиций (исихазм изучается и анализируется в

контексте сравнения с такими традициями, как буддизм, даосизм, йога, суфизм). Хотя заметим, что практическая сторона интереса здесь временами оборачивается либо синкретизмом, либо эклектикой [5, р. 19].

Скажем немного о самой традиции исихазма. Во-первых, исихазм мы будем определять, в первую очередь, как созерцательную традицию в христианском монашестве (формирование: конец III – начало IV вв., родина – Египет, Палестина и Малая Азия), характеризующуюся стремлением к личному «обожению», некоему состоянию преобразования самого себя и, по утверждению монахов-исихастов, других людей и всего мира. Согласно данному определению, жизнь монаха-исихаста определяется внутренней молитвой, так называемым «умным деланием» (*πραξις νοερα*). Отметим также, что исихазм в ядре своем есть учение закрытое, поэтому и привлекает к себе внимание значительного числа людей, зачастую мало представляющих саму традицию исихазма. Что касается исихазма, наивно полагать, будто понимание учения исихастов может быть сведено к внешней телесной практике (многим профанам свойственно думать именно так – в этом заключается одна из типичных аберраций). Неверными будут попытки объяснить традицию исихазма как некую психотехнику; соответственно, отождествление с йогой и суфизмом (в рамках психологии религии) также окажется не вполне верным. За видимой и телесно ощутимой практикой в исихазме (как и в других духовных традициях, например в суфизме) скрыт пласт многовекового духовного опыта. Более того, согласно традиции, стать исихастом может далеко не каждый, поскольку исихаст – это монах, человек особого статуса, не обычный индивид, практикующий определенные техники. Следовательно, тот, кто читает Иисусову молитву, по сути своей может не являться исихастом, даже если таковым себя считает. В такого рода самоидентификации также кроется аберрация.

В том, что касается традиции исихазма в современном мире, мы видим колоссальное количество аберраций. Как возникают аберрации? Первоначально – интерес, любопытство в отношении традиции. Интерес естественным образом сопровождается незнанием. В довершение – широкое распространение неаутентичной информации и доверие к ней со стороны значительного числа обывателей – в силу обращения не к текстам традиции, а к вторичным или даже третичным источникам. Также одним из факторов является Интернет как свободное неконтролируемое виртуальное пространство, порождающее аберрации.

Так, на ряде форумов, посвященных исихазму, мы видим описания ряда мистических событий (причем описания принадлежат явным профанам и представляют собой образцы весьма сомнительного духовного опыта) или представление «практики», лишенной каких-либо действительных духовных основ, и многое другое, к традиции исихазма относящееся либо условно, либо не относящееся вовсе.

Вследствие доверия к данному пласту информации в итоге рождаются абсурдные идеи относительно традиции, появляются форумы, пестрящие темами и сообщениями, по сути, не относящиеся к традиции. И если на серьезных богословских порталах все обстоит благополучно, то в дебрях форумов и Живого журнала можно потеряться в хаосе абсурда [6]. Здесь ситуация сходна как в Рунете, так и в глобальной сети в целом.

Помимо уже озвученной проблемы, касающейся абберраций в среде обыденного сознания, следует также упомянуть интерес к исихазму со стороны представителей науки. Здесь мы видим тенденцию современных исследований, в последнее время все более распространяющуюся, наделять понятие «исихазм» определенным контекстом, в частности, связывая исихастскую традицию с определением «политический исихазм» [7, 8], и отождествлять его с социальной, культурной и политической программами, проводившимися видными византийскими деятелями, имевшими большое влияние в славянских странах. С одной стороны, такое движение мысли подтверждается деятельностью ряда исторических личностей (император Иоанн Кантакузин, константинопольский патриарх Филофей Коккин, киевский митрополит Киприан). Несомненно, наличествует некая связь между этим движением и утверждением ортодоксальности учения Григория Паламы на соборах в 1341, 1347 и 1351 гг. Данное отождествление исихазма с политическими силами восходит к ситуации в Византии, когда в XIV в. происходило внедрение исихастского учения как истинно-православного в целом государстве, но поскольку деятельность вышеперечисленных лиц не сводилась к практике исихазма, то приложение к ним понятия «исихазм» может быть осуществлено с некоторыми ограничениями и требует уточнений, понимание исихазма как духовной традиции здесь представлено лишь фрагментарно.

Как нам представляется, введение в исследование религии политического контекста допустимо, но зачастую затрудняет беспристрастное и качественное изучение самой религии. Хотя ряд современных исследователей полагает ина-

че: так, данное положение иллюстрирует мысль М. Шевченко («Центр стратегических исследований религии и политики современного мира»), утверждающего, что во всех высказываниях о религии стоит уделять внимание «строго политическому контексту», оценивая такие высказывания с точки зрения содержания в них политического [9], а не собственно-религиозного. Заметим, весьма известный в России и за рубежом «антрополог исихазма» С. С. Хоружий и другие исследователи в последнее время все чаще обращаются именно к пониманию феномена исихазма как исихазма политического, выделяя его как наиболее актуальную сторону интерпретаций исихазма в современном мире.

В целом научная среда также не защищена от влияния абберраций. Возникает вопрос, как можно их минимизировать? С научной стороны освещения вопроса сложно что-либо сделать. Ее можно либо поддерживать, либо не поддерживать. С Интернетом еще сложнее. Конечно, практически невозможно провести мониторинг всех ресурсов глобальной сети. Соответственно, мы не можем говорить о каком-либо контроле над размещаемой в сети Интернет информацией. Анонимность, на настоящий момент являющаяся главной чертой сетевой коммуникации, наделяет человека абсолютным отсутствием ответственности за размещаемые материалы, а простота и доступность самого виртуального пространства делают размещение любой информации секундным делом. При попытках контроля виртуального пространства сети Интернет возможен лишь некий отсмотр материалов и анализ ресурсов, с дачей экспертных оценок (экспертами – специалистами в области религии), с последующим формированием и распространением в Сети списка рекомендованных к просмотру сайтов.

Что касается самих людей, их внутреннего субъективного восприятия, то здесь о какой-либо возможности контроля уже принципиально не может быть и речи. Помочь здесь может, в первую очередь, повышение уровня элементарной религиозной грамотности, что само по себе является задачей современного религиоведения (при условии, что религиоведение обладает относительной свободой действия как в области преподавания и просвещения, так и в области проведения независимой экспертизы).

В заключение отметим, что абберрации в отношении религии характерны для современной эпохи и затрагивают большинство традиций религиозного характера, причем основные типы абберраций (которые мы здесь рассматривали) характерны для представителей как западного, так и восточного менталитета, как для простых обы-

вателей, так и для деятелей науки. На примере же традиции исихазма мы постарались проследить понимание и непонимание религии в современном мире, природу aberrаций, а также методы минимизации aberrаций и борьбы с ними.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект «Религии в обществе риска: религиозный фундаментализм и киберпространство» (№ 14-33-01216).

Список литературы

1. Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. М., 2002. 144 с.
2. Kallistos (Ware). Orthodox theology today: trends and tasks // International Journal for the Study of the Christian Church. May 2012. Vol. 12, № 2. P. 105–121.
3. Johnson C. D. L. The Globalization of hesychasm and the Jesus prayer continuum. L. ; N.Y., 2010. 206 p.
4. Листвина Е. В., Орлов М. О. Жизненное пространство цивилизаций // Философия и общество. 2007. № 1. С. 174–189.
5. Toti M. The Hesychast method of prayer: its anthropological and symbolic significance // International Journal for the Study of the Christian Church. February 2008. Vol. 8, № 1. P. 17–32.
6. Журнал Кирилла Фролова. URL: <http://kirillfrolov.livejournal.com/2261523.html> (дата обращения: 12.03.2015).
7. Петрунин В. В. Политический исихазм и его традиции в социальной концепции Московского Патриархата. М., 2009. 164 с.
8. Прохоров Г. М. Исихазм и общественная мысль в Восточной Европе в XIV в. // Труды Отдела древнерусской литературы. Ленингр., 1968. Т. XXIII. С. 86–108.
9. Шевченко М. Выступление на круглом столе «Религия и коммуникация». Москва, МГУ. 12.04.2012. URL: <http://sreda.org/2012/reportazh-vremya-vyizovov-i-provokatsiy-kruglyiy-stol-ekspertov-religiya-v-sovremennom-informatsionnom-obshchestve-na-filosofskom-fakultete-mgu/3039> (дата обращения: 10.01.2015).

Perception of Religion by the View of the Modern Human: Understanding and Aberrations (Case Study of Hesychasm)

D. A. Chentsova

Sankt-Petersburg University
7–9, Universitetskaya emb., Saint-Petersburg, 199034, Russia
E-mail: CIAICA@yandex.ru

The present article is devoted to the problem of understanding of the crucial aspects of religion as a whole and of religious traditions in the Modernity. The modern human consciousness produces different aberrations in the religious sphere and the causes of them are lack of authentic information, referring to the secondary sources of information or tendencies of the syncretism. The author marks out general aberrations of religion produced by eastern and western mentality by an example of the tradition of hesychasm, classifies aberrations into several types and represents methods of minimizing the aberrations.

Key words: religion, religious tradition, hesychasm, Modernity, aberrations.

References

1. Habermas J. *Glauben und Wissen*. Berlin, 2001. 60 S. (Russ. ed.: Khabermas Yu. *Budushchee chelovecheskoy prirody*. Moscow, 2002. 144 p.).
2. Kallistos (Ware). Orthodox theology today: trends and tasks. *International Journal for the Study of the Christian Church*. May 2012, vol. 12, no. 2, pp. 105–121.
3. Johnson C. D. L. *The globalization of hesychasm and the Jesus Prayer*. London; New York, 2010. 206 p.
4. Listvina E. V., Orlov M. O. Zhiznennoe prostranstvo tsivilizatsiy (The living space of civilizations). *Filosofiya i obshchestvo* (Philosophy and Society), 2007, no. 1. pp.174–189.
5. Toti M. The Hesychast method of prayer: its anthropological and symbolic significance. *International Journal for the Study of the Christian Church*. February 2008, vol. 8, no. 1, pp.17–32.
6. *Zhurnal Kirilla Frolova* (Kirill Froloff's LiveJournal). Available at: <http://kirillfrolov.livejournal.com/2261523.html> (accessed 12 March 2015).
7. Petrunin V. V. *Politicheskiy isikhazm i ego traditsii v sotsialnoy kontseptsii Moskovskogo Patriarkhata* (Political hesychasm in the Social conception of Moscow Patriarchate). Moscow, 2009. 164 p.
8. Prokhorov G. M. Isikhazm i obshchestvennaya mysl v vostochnoy Evrope v XIV v. (Hesychasm and the public opinion of the Eastern Europe in the 14th century). *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* (Treatises of the Old Russian Literature Department). Leningrad, 1968, vol. XXIII, pp. 86–108.
9. Shevchenko M. *Vystuplenie na kruglom stole «Religiya i kommunikatsiya»* (Report at the discussion «Religion and Communication»). (Moscow, Moscow State University, 12 April 2012). Available at: <http://sreda.org/2012/reportazh-vremya-vyizovov-i-provokatsiy-kruglyiy-stol-ekspertov-religiya-v-sovremennom-informatsionnom-obshchestve-na-filosofskom-fakultete-mgu/3039> (accessed 10 January 2015).

УДК 1(470):82.0+929Федоров

ОТРАЖЕНИЕ ИДЕЙ «ФИЛОСОФИИ ОБЩЕГО ДЕЛА» Н. Ф. ФЕДОРОВА В СТРУКТУРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ ПРОЗЫ В. КАВЕРИНА)

Шиндина Ольга Викторовна –

кандидат филологических наук, доцент кафедры философии культуры
и культурологии, Саратовский государственный университет
E-mail: oshindina@yandex.ru

Статья посвящена проблеме влияния философско-религиозных идей Н. Ф. Федорова на художественное творчество крупнейшего отечественного писателя В. А. Каверина. Анализируются формально-содержательные элементы поэтики Каверина, позволяющие интерпретировать некоторые мотивы его романа и особенности построения романного хронотопа как формирования в художественном мире писателя утопической модели мира и, вместе с тем, творческое преломление фундаментальных идей нравственной философии Федорова. Исследуются особенности утопической модели мира, созданной Кавериним, которые позволяют говорить о центральном положении слова в художественном мире писателя и возможности символического преодоления смерти.

Ключевые слова: «нравственная философия» Н. Ф. Федорова, идея воскресения, литературная утопия В. Каверина, хронотоп, интертекстуальные стратегии.

DOI: 10.18500/1819-7671-2015-15-4-60-64

Актуальность исследования данной проблематики обусловлена несколькими факторами, которые представляются в современном контексте развития культурфилософских идей особенно плодотворными: это и необходимость выявления сущностных характеристик отечественной литературной утопии в философском и историко-культурном контекстах [1, 2], и насущная потребность осмысления представлений об отечественной утопии, которое учитывало бы широкий спектр ее разнообразных исследовательских интерпретаций, и, наконец, важность проблемы жанровой трансформации русской утопии, которая является специфическим литературным феноменом, развивающимся вне жестких жанровых канонов и схем, и которая формирует в русской литературе первой трети XX в. новые варианты литературной утопии [3, 4], осмысляющей опыт социального и политического эксперимента, осуществляемого в это время в стране.

Очевидная сюжетобразующая линия романа В. Каверина «Два капитана» – воскрешение памяти о забытом полярном исследователе капитане Татаринове, возвращение истинной истории его экспедиции и восстановление духовной связи поколений может быть интерпретирована в кон-

тексте философии общего дела Н. Ф. Федорова, в котором абсолютный, неутилитарный характер нравственности рассматривается мыслителем в непосредственной связи с проблемой смерти как зла, ее непринятием и преодолением, а федоровские рассуждения о нравственной детерминанте памяти являются одними из сущностно значимых для его учения [5]. Сотериологический характер учения Федорова позволяет рассматривать истоком стремления, определяющего судьбу главного героя, «воскресить» умершего капитана Татаринова не только желание искупить чувство исторической вины перед ним, но и личной вины перед собственным отцом, погибшим из-за ложного обвинения, которое немой мальчик Саня Григорьев не смог опровергнуть; мотив искупления вины перед родителями определяет в романе многие сюжетные ходы. Именно эта линия романа становится своеобразной художественной иллюстрацией понимания нравственности русским философом, сформулированного в словах: «Нравственность, этика объединения живущих, или сынов умерших отцов, требует от каждого: жить не для себя, но и не для других, а со всеми живущими для оживления всех умерших...» [6]. Федоровское определение нравственности может быть понято именно в связи с идеей соборного преодоления смерти, которая является одной из глубинных и сокровенных традиций русской философии, имеющих сотериологический характер. Такие фундаментальные черты федоровской рефлексии над смертью, как «глубокая уязвленность не столько личной смертью, сколько смертью других, близких и далеких людей <...> ненужность и бессмысленность бессмертия вне нравственного совершенства человека», со всей очевидностью узнаются в смысле пространных высказываний Каверина [7].

Формально-содержательное воплощение интертекстуальных отсылок к идеям Федорова вписывается в поэтику каверинского романа в более сложный культурный контекст. Несмотря на идеологическую «приемлемость» героико-романтических тем романа Каверина «Два капитана», он

не представляет собою образец ангажированной общественно-политической продукции, как может показаться на первый взгляд. Запас старых ассоциаций (в том числе связанных и с идеей революционного обновления мира), имеющих разработанную культурную «ауру», наполняется у Каверина существенно измененным, подчас совершенно новым семантическим опытом. Одним из способов организации многослойного текста становится для Каверина, как представляется, трансформация мотивов, взятых из других текстов, развертывание метафорических понятий или изменение их смысла, что подчас вызывает эффект полемики с авторами источников. Можно утверждать, что литературная аллюзия является для автора одним из средств зашифровывания глубинного смысла его многослойной прозы, в которой присутствует более или менее очевидно «процитированное» чужое слово.

Роман «Два капитана» неоднозначен в силу своей насыщенности культурными ассоциациями, что явилось естественным следствием общения Каверина с представителями той литературно-художественной и, в первую очередь, научной среды Петрограда 1920-х гг., которая оказала существенное влияние на формирование его писательского мировоззрения. Уже при беглом чтении текста романа обращает на себя внимание определенный набор формальных признаков, среди которых важное место отведено повтору устойчивых мотивов и образов, становящихся фабульными скрепами, таких как *речь, письмо, корабль, птица* (и изоморфный техногенный заместитель этого образа *самолет*), *метель/вьюга/пурга, полет, кружение/вращение* и т.д.

Набор этих символов занимает в истории отечественной культуры особое место: данные категории, образующие целостный комплекс, имеют непосредственное отношение к утопическому дискурсу, мистическому сектантству (в частности, к хлыстовству, интерес к которому объединял представителей самых разных литературных и научных направлений – символистов, акмеистов, футуристов, формалистов [8]).

Возможная актуализация интереса Каверина к данной теме могла сформироваться под непосредственным воздействием его старших друзей и учителей. Так, в книге воспоминаний о Ю. Н. Тынянове Каверин пишет о работе В. Шкловского 1914 г. «Воскрешение слова», цитируя из нее фрагмент, посвященный глоссологии, в которой лидер ОПОЯЗа видит способ понимания новой поэзии. В. Шкловский, оказавший сильное влияние на творчество Каверина, в своей статье «О поэзии и заумном языке», опубликованной в выпуске «Сборников по те-

ории поэтического языка» (1916 г.) и ставшей впоследствии хрестоматийной, высоко оценил известную книгу Д. Коновалова «Религиозный экстаз в русском мистическом сектантстве», а также заумь у футуристов. Он же в не опубликованной при жизни заметке «Всеволод Иванов» писал: «Хлыстовство в России быстро сделалось дурной литературой» [9, с. 284]. Как известно, хлыстовские «подтексты» присутствовали в творчестве многих до- и послереволюционных поэтов, прозаиков, литературных критиков, философов, кино- и театральных деятелей.

С определенной осторожностью можно предположить, что Каверин имел возможность познакомиться с «Повестью о Татариневой» 1931 г. А. П. Радловой. Так, в Государственном институте истории искусств, который посещал Каверин, 18 января 1923 г. состоялся вечер современной драматургии, на котором, возможно, происходило «режиссированное чтение» пьес М. Кузмина «Вторник Мэри» и Анны Радловой «Богородицын корабль» <...> (режиссер С. Э. Радлов)» [10, с. 203]. Ее же драма «Богородицын корабль» была опубликована в 1923 г.; показательно название ее сборника 1921 г. «Корабли». По-видимому, в своей работе над романом Каверин использует уже существующий в русской культуре набор образов и мотивов, устойчиво маркирующих семантическое поле хлыстовства, формирующего утопический дискурс, но использует не в качестве готовых клише, а встраивая их в связный нарратив, наполненный новым содержанием: так, апология странничества, поиск обетованной, заповедной земли, характерный для русской утопии, преобразуется в романе в мотив путешествий главного героя и освоения им Крайнего Севера, который становится сакральной пространственной зоной, связанной, в первую очередь, с темой духовных поисков, становления личности.

Идеи спасения, преображения, воскрешения, характерные для хлыстовства и имеющие параллели в «Философии общего дела» Н. Ф. Федорова, перекликаются с темой победы над смертью, воплощенной в центральных героях романа – двух капитанах, Татаринове и Григорьеве, актуализируя помимо религиозной идеи воскресения апокалиптический слой романа: с большой степенью осторожности можно говорить о наличии в романе завуалированной связи между темой русской революции и апокалиптической темой, которая манифестирована ситуацией похорон матери Сани, происходящими в день революции. В свете крайне радикальной идеи Федорова по-новому звучит мотив поиска погибшей экспедиции Татаринова, победы его

научных идей и воскрешения его дела: «Не было и не могло быть надежды, что мы увидим его. Но пока не была названа смерть, пока я не увидел ее своими глазами, все светила в душе эта детская мысль. Теперь погасла, но ярко загорелась другая: не случайно, не напрасно искал я его – для него нет и не будет смерти» [11, с. 597].

Идея культурно-исторической преемственности между поколениями отцов и детей в специфическом федоровском прочтении может «усматриваться» в романе в завуалированном и смягченном варианте, будучи помещенной в контекст тургеневского творчества, ссылки на которое встречаются на протяжении всего повествования: «поколение, у которого нам еще приходилось кое-чему поучиться. Разумеется, между нами не было никакой пропасти – почему-то полагается думать, что между “отцами и детьми” непременно должна быть пропасть» [11, с. 572]. В связи с утопическими федоровскими представлениями о бессмертии родителей в особом ракурсе предстает в поэтике романа сопоставление жизни и книги, позволяющее описать «последнюю страницу» жизни Татаринова: «Я прочел ее – и она оказалась бессмертной» [11, с. 615]. Таким образом, книга/литературный, художественный текст становится неким значимым фрагментом утопического пространства, вбирающим в себя важные элементы идеального хронотопа, не знающего смерти.

Система двойничества персонажей – характерная черта каверинской поэтики, широко примененная им в романе, позволила ему воплотить мотив вечного *возвращения, повторения, круговорота*, важный в контексте идей рубежа XIX–XX вв. от Ф. Ницше, О. Шпенглера и К. Леонтьева до ровесника Каверина поэта и прозаика К. Вагинова. С учетом «ломоносовского подтекста» в конструировании образа Татаринова особенно важным представляется прием отождествления главного героя романа, Сани Григорьева, с капитаном Татариновым: «С непостижимым чувством я рассказывал о нем! Как будто не он, а я был этот мальчик, родившийся в бедной рыбацкой семье на берегу Азовского моря. Как будто не он, а я в юности ходил матросом <...> Как будто его история окончилась не поражением и безвестной смертью, а победой и счастьем. И друзья, и враги, и любовь повторились снова, но жизнь стала иной, и победили не враги, а друзья и любовь» [11, с. 626–627]. Для героини романа Кати Татариновой нахождение останков отца в вечной мерзлоте становится своеобразной «иллюстрацией» проекта Н. Ф. Федорова о воскресении отцов. Идея воскресения, воплощенная, в первую очередь, в мотиве поис-

ка погибшей экспедиции, возглавляемой отцом Кати, в романе помещена именно в техногенный контекст, что было особенно важно для Федорова: Саня постоянно подсчитывает, насколько быстрее самолет пройдет маршрут того или иного полярного исследователя, обнаружение экспедиции происходит во время полета, а само место гибели капитана находится в непосредственной близости от цивилизации.

Благодаря образам художника Пети Сквородникова и полярного летчика Сани Григорьева, вернувшего науке имя Татаринова, идея бессмертия в федоровской трактовке смыкается также и с присущей романтизму и символизму идеей обретения бессмертия посредством переноса действительности в произведение искусства, которое становится неким заместителем идеального хронотопа, утопическим локусом, олицетворяющим бессмертие. При этом Каверин, перенося типы персонажей своего раннего, «фантастического», «гофманианского» периода творчества [12] в свою реалистическую, психологическую прозу рубежа 1920–1930-х гг., сохраняет систему отсылок, позволяющих легко восстановить преемственность между этими этапами. Так, образ шхуны «Св. Мария» из реалистического романа «Два капитана» изображен в духе фантастических легенд о Летучем Голландце, что, очевидно, имеет связь с ранним неопубликованным рассказом Каверина, для героя которого Ю. Тынянов придумал имя Ван-Везен, ставшее впоследствии его псевдонимом. Скрытая отсылка к призрачному Летучему Голландцу содержится в словах Сани о капитане Татаринове: «Оставил ли он корабль, чтобы изучить открытую им землю, или погиб от голода вместе со своими людьми и шхуна, замерзшая во льдах у берегов Ямала, годами шла путем Нансена к Гренландии с мертвой командой?» [11, с. 266].

С образом Ван-Везена, убившего Смерть, из раннего рассказа Каверина связан мотив возраста в романе «Два капитана». В автобиографической трилогии Каверин пишет о том, что в связи с сюжетом рассказа его волновала проблема возраста, так как убийство Смерти привело бы к бессмертию человечества. Эта идея воспринималась как утопическая, парадоксальная; Каверин приводит слова Л. Лунца, разрешающие данное противоречие и содержащие ссылку на сви́фтовский образ: «Что касается развязки... Возраст – понятие относительное. Я знаю людей, которым по сорок лет, а они уже стульбруги» [13, с. 467]. В романе «Два капитана» тема бессмертия/вечной юности связывается с мотивом путешествия, поиска новой земли – идеального пространства и обретения через это памяти в поколениях потомков; так,

Катя Татарина говорит о путешественниках: «Только путешественники так не стареют <...> мне всегда казалось, что у каждого человека есть свой характерный возраст. Один родится сорокалетним, а другой на всю жизнь остается мальчиком девятнадцати лет. Ч. такой же и ты – тоже. Вообще многие летчики. Особенно те, которые любят перелетать океаны» [11, с. 430]. Ранняя же проза Каверина манифестирует утопическую идею волшебного путешествия во времени, доступную магам-творцам, художникам; таким образом, и в раннем периоде творчества Каверина сфера художественного творчества, искусства, научного поиска очерчивает утопический локус бессмертия.

Пафос воскресения мертвецов посредством магических возможностей слова, сохранения образа в литературе показательно соединяется в романе «Два капитана» с кинематографической семантикой, присутствующей в виде кинематографической образности (и в виде фотографического искусства как прототипа кино): «Я говорил и все с большей силой испытывал то чувство, которое не могу назвать иначе, как вдохновением. Как будто на далеком экране под открытым небом я увидел мертвую, засыпанную снегом шхуну. Мертвую ли? Нет, стучат, забивают досками световые люки, обшивают толем и войлоком потолки – готовятся к зимовке» [11, с. 627]. В этом примере наиболее явно эксплицирована связь образов зимы, Севера, символизирующих холод и в этом семантическом аспекте сближающихся с мифопоэтическим пониманием мотива смерти, а также их связь с образом кинематографического экрана как того утопического локуса, где физиологическая смерть преодолеваема, становясь символической: «Или еще живут где-нибудь на безлюдном полярном острове люди со “Св. Марии” <...>?» [11, с. 266].

В образе главного героя каверинского романа, летчике Сане Григорьеве, видится отзвук влияния идей Федорова, чья философия общего дела способствовала формированию специфического, утопического типа героя: «в учении Н. Ф. Федорова он способен победить смерть и преобразить жизнь», – отмечает современный исследователь [14, с. 7]. Главным героем этого произведения, отличающегося эсхатологической устремленностью и пространственным поиском, связанным со странническими настроениями, на протяжении всего романного действия осуществляется напряженный поиск идеального пространства, отождествляемого с «началом дней» и восстановлением истинной истории. Поиск утопического локуса происходит в границах империи. В центре романа – проблема реабили-

тации погубленного, оболганного и забытого героя, служившего на благо России, – тема для империи более чем актуальная, если учитывать время написания «Двух капитанов». Утопия в представлении Каверина идентифицируется с логоцентрической космогонией: слово формирует мир, наделяется безграничными возможностями.

Каверин использует исторический материал, тщательно и глубоко «зашифровывая» его в метафорической мотивно-образной структуре и облекая его в формально-содержательные характеристики приемлемого для советской власти героико-романтического романа, предназначенного для юношества, тем самым сохраняя мощные смысловые пласты культуры, созданной научным и художественным дискурсами до- и послереволюционного периодов. В авторитарной репрессивной атмосфере советских 1930-х гг. Каверин создает свой неповторимый художественный инструментарий для сохранения исторической памяти и культурной традиции.

Список литературы

1. *Абрамов М. А.* Идеи философии русского космизма в творчестве религиозных мыслителей XX в. Саратов, 2007. 240 с.
2. *Никитин В. А.* Учение Н. Ф. Федорова и проблемы христианской антропологии // «Служитель духа вечной памяти». Николай Федорович Федоров (к 180-летию со дня рождения): сб. науч. ст.: в 2 ч. М., 2010. Ч. I. С. 233–248.
3. *Гачева А. Г., Казина О. А., Семенова С. Г.* Философский контекст русской литературы 1920 – 1930-х годов. М., 2003. 400 с.
4. *Гачева А. Г.* Ф. М. Достоевский и Н. Ф. Федоров: встречи в русской культуре. М., 2008. 570 с.
5. *Пугачев О. С.* Этический контекст проблемы бессмертия в русской религиозной философии (конец XIX – начало XX вв.). Пермь, 1998. 166 с.
6. *Федоров Н. Ф.* По голове – человек, по туловищу – скот и зверь // Федоров Н. Ф. Собр. соч.: в 4 т. / сост., подгот. текста и комментарии А. Г. Гачевой и С. Г. Семеновой. М., 1997. Т. 3. С. 310.
7. *Фесикова О. В.* «Философия общего дела» Н. Ф. Федорова в контексте современной нравственной философии: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Тула, 2011. 19 с.
8. *Эткинд А.* Хлыст (Секты, литература и революция). М., 1998. 688 с.
9. *Шкловский В.* Гамбургский счет: статьи – воспоминания – эссе (1914–1933). М., 1990. 544 с.
10. *Тимофеев А. Г.* Вокруг альманаха «Абракас» (из материалов к истории издания) // Русская литература. 1997. № 4. С. 190–205.
11. *Каверин В. А.* Два капитана // Каверин В. А. Собр. соч.: в 8 т. М., 1981. Т. 3. 638 с.

12. Шиндина О. В. От оживающей статуи к неживому гомункулу : алхимическая тема в раннем творчестве Каверина // В. Я. Брюсов и русский модернизм : сб. ст. / ред.-сост. О. А. Лекманов. М., 2004. С. 240–250.
13. Каверин Т. Освещенные окна : трилогия // Каверин В. А. Собр. соч. : в 8 т. М., 1983. Т. 7. 590 с.
14. Файзрахманова А. А. Поэтика русской литературной утопии 1900–1910-х годов : проблемы жанровой трансформации в контексте традиции : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Бирск, 2011. 21 с.

The Reflection of the Ideas of «Philosophy of Common Cause» N. F. Fedorov's in the Structure of Artistic Text (by the Example of V. Kaverin's Prose)

O. V. Shindina

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410002, Russia
E-mail: oshindina@yandex.ru

The article is dedicated to the problem of the influence of the philosophic-religious ideas of N. F. Fedorov on the creative work of the native first-rate writer V. A. Kaverin. In the following the formal elements of Kaverin's poetry are analyzed, which help to interpret some of the motives of his novel and the peculiarities of the novel's structure as the forming of the Utopian world model in the artistic world of the writer. At the same time, the artistic interpretation of the fundamental ideas of Fedorov's moral philosophy is analyzed. The peculiarities of Utopian world model created by Kaverin, which let us speak about the central place of word in the artistic world of the writer and the possibility of the symbolic overcoming of death, are analyzed in the article.

Key words: N. F. Fedorov's «moral philosophy», idea of the revival, V. Kaverin's literary utopia, chronotope, inter-textual strategies.

References

1. Abramov M. A. *Idei filosofii russkogo kosmizma v tvorchestve religioznyh mysliteley XX v.* (The ideas of the philosophy of Russian cosmism in the works of religious thinkers of the XX). Saratov, 2007. 240 p.
2. Nikitin V. A. Uchenie N. F. Fedorova i problemy hristianskoy antropologii (Fedorov's doctrine and the problems of Christian anthropology). *«Sluzhitel duha vechnoy pamyati». Nikolay Fedorovich Fedorov (k 180-letiyu so dnya rozhdeniya): sb. nauch. st.: v 2 ch. Ch. I («Spirit's vassal of eternal memory».* Nikolay Fedorovich Fedorov {in the memory of 180th anniversary}: Collection of scientific articles: in 2 parts). Moscow, 2010. Part 1, pp. 233–248.
3. Gacheva A. G., Kazina O. A., Semenova S. G. *Filosofskiy kontekst russkoy literatury 1920–1930-h godov* (Philosophic context of Russian literature in 1920–1930s). Moscow, 2003. 400 p.
4. Gacheva A. G. *F. M. Dostoevskiy i N. F. Fedorov: vstrechi v russkoy kulture* (F.M. Dostoevskiy and N. F. Fedorov: meetings in Russian culture). Moscow, 2008. 570 p.
5. Pugachev O. S. *Eticheskiy kontekst problemy bessmertiya v russkoy religioznoy filosofii (konets XIX – nachalo XX vv.)* (Ethic context of the problem of immortality in Russian religious philosophy {XIX–XX centuries}). Perm, 1998. 166 p.
6. Fedorov N. F. *Po golove – chelovek, po tulovishchu – skot i zver* (The head of a human, the body of a beast). Fedorov N. F. *Sobr. soch.:* v 4 t. T. 3. Sost., podgot. teksta i kom. A. G. Gachevoy, S. G. Semenovoy (Fedorov N. F. Collected works: in 4 vol. Compilation, text processing and comments of A. G. Gacheva, S. G. Semenova). Moscow, 1997. Vol. 3. P. 310.
7. Fesikova O. V. *«Filosofiya obshchego dela» N. F. Fedorova v kontekste sovremennoy npravstvennoy filosofii: avtoreferat dis. ... kand. filosof. nauk (N.F. Fedorov's «Philosophy of common cause» in the context of modern moral philosophy: the abstract of thesis ... Ph. D. of philos. science)*. Tula, 2011. 19 p.
8. Etkind A. *Hlyst (Sekty, literatura i revolyutsiya)* («Khlyst» {sects, literature and revolution}). Moscow, 1998. 688 p.
9. Shklovskiy V. *Gamburgskiy schet: stati – vospominaniya – esse (1914–1933)* (Honest rating: articles – memoirs – essays {1914–1933}). Moscow, 1990. 544 p.
10. Timofeev A. G. *Vokrug almanakha «Abraksas» (iz materialov k istorii izdaniya)* (About the anthology «Abraksas» {from the materials to the history of the edition}). *Russkaya literatura* (Russian literature), 1997, no. 4, pp. 190–205.
11. Kaverin V. A. *Dva kapitana* (Two captains). *Sobr. soch.:* v 8 t. T. 3 (Collected works: in 8 vol.). Moscow, 1980. Vol. 3. 638 p.
12. Shindina O. V. *Ot ozhivayushchey statui k nezvivomu gomonkulu: alhimicheskaya tema v rannem tvorchestve Kaverina* (From the revive statue to the lifeless homunculus: alchemic themes in the early works of Kaverin) *V. Ya. Bryusov i russkiy modernizm: sb.st.* (V. J. Bryusov and Russian modernism: Collection of articles). Ed. by O. A. Lekmanov. Moscow, 2004, pp. 240–250.
13. Kaverin V. A. *Osveshchennyye okna: trilogiya* (Alight windows: Trilogy). *Sobr. soch.:* v 8 t. T. 7 (Collected works: in 8 vol.). Moscow, 1980. Vol. 7. 590 p.
14. Fayzrahmanova A. A. *Poetika russkoy literaturnoy utopii 1900–1910-kh godov: problemy zhanrovoy transformatsii v kontekste traditsii: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* (The poetry of Russian literary utopia of 1900–1910s: problems of genre transformation in the context of tradition: the abstract of thesis ... Ph. D. of philological science). Birsck, 2011. 21 p.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 316.6

МЕТОДИКА ДИАГНОСТИКИ СТЕПЕНИ СФОРМИРОВАННОСТИ СУБОРДЕРОВ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

Аксеновская Людмила Николаевна –
доктор психологических наук, декан факультета психологии,
доцент кафедры общей и социальной психологии,
Саратовский государственный университет
E-mail: liudmila_aksenovskaya@mail.ru

В статье представлена авторская методика ордерной диагностики степени сформированности субордеров организационной культуры. Это вторая по счету диагностическая методика, разработанная на базе ордерной концепции организационной культуры. Ее назначение состоит в том, чтобы оценить степень сформированности каждого субордера организационной культуры («семья», «армия», «церковь»). Критериями оценки степени сформированности выступают такие социопсихологические эффекты, как доверие (для субордера «семья»), уверенность (для субордера «армия»), вера (для субордера «церковь»). Методика включает в себя три опросных листа, каждый из которых предназначен для оценки одного субордера. Опросный лист включает четыре блока: лидер, менеджеры, сотрудники и элементы организационной культуры. Полученные показатели распределяются по шкале (на примере «семейного» субордера): «доверяю» – «скорее доверяю, чем нет» – «скорее не доверяю, чем да» – «не доверяю». Успешно сформированным является субордер, чья интегральная оценка на шкале от 0 до 100% расположена в диапазоне 90–100% («доверяю»). Даны общее описание методики и бланки опросных листов для оценки степени сформированности субордеров организационной культуры.

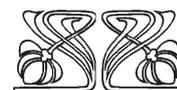
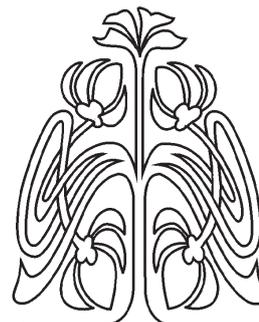
Ключевые слова: ордерная концепция, опросные листы, субордеры, организационная культура.

DOI: 10.18500/1819-7671-2015-15-4-65-72

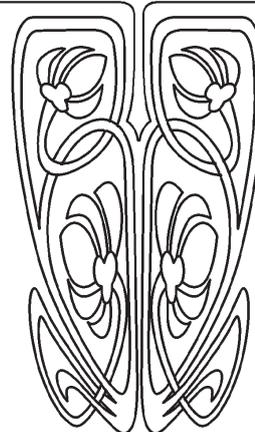
Введение

Феномен организационной культуры на протяжении тридцати пяти лет находится в центре внимания исследователей, представляющих различные науки. Наиболее заметные результаты в исследовании организационной культуры демонстрируют психология, экономика, социология, менеджмент и культурология. Интерес ученых и практиков к организационно-культурной тематике стимулируется тесной связью исследовательских проектов с проектами организационных изменений в российских компаниях и государственных структурах. Серьезные изменения условий деятельности российских организаций в последнее время делают еще более актуальной задачу создания эффективных инструментов развития, учитывающих культуральную и социально-психологическую специфику управленческого и исполнительского персонала активно развивающихся и трансформирующихся предприятий, стремящихся ответить на вызовы времени.

Свой существенный вклад в решение этой задачи делает психологическая наука, изначально принявшая участие в форми-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

ровании междисциплинарного пространства исследований организационной культуры как наиболее перспективного направления изучения механизмов организационных изменений. Традиционно наибольший интерес в этом изучении представляют социально-психологические исследования. При этом развитие сектора социально-психологических исследований феномена организационной культуры в последние годы связано с растущим использованием в исследовательской и практической деятельности ордерного подхода. За период с 2010 по 2014 гг. в России на базе ордерного подхода были проведены исследования, результаты которых защищены в двух кандидатских и более чем двадцати магистерских диссертациях.

Одним из главных направлений развития ордерного подхода к социально-психологическому изучению организационной культуры является разработка диагностического инструментария, позволяющего более точно оценивать процесс и результаты социально-психологического вмешательства в организационно-культурную систему с целью формирования сильной организационной культуры, дающей организации устойчивые преимущества в периоды экономической и социально-политической напряженности.

Цель статьи – представить новую методику ордерной диагностики организационной культуры, направленную на выявление степени сформированности субордеров организационной культуры.

Социально-психологические эффекты применения ордерной технологии и вопрос критерия сформированности субордеров

В ордерном подходе к изучению организационной культуры она рассматривается как результат управленческого взаимодействия, направляемого подсистемами этических смыслов его участников. Выделены три модели управленческого взаимодействия («родительская», «командирская», «пасторская»), каждая из которых отвечает за формирование «своего» аспекта/субордера организационной культуры («семья», «армия», «церковь»). В структуре сильной организационной культуры все три субордера находятся в пропорционально развитом и сбалансированном состоянии.

Применение ордерной технологии изменения организационной культуры связано с развитием каждого из трех субордеров, эта работа осуществляется поэтапно.

Первый этап – формирование «семейного» субордера. Основным результатом является достижение эмоционально-ценностного единства

членов организации, а социально-психологическим эффектом – *доверие* членов организации друг к другу и к организации в целом.

Второй этап предполагает формирование «армейского» субордера и достижение целевого единства членов организации как основного результата. Возникающим социально-психологическим эффектом является *уверенность* членов организации в своей способности справиться с поставленными задачами и достичь цели.

Третий этап направлен на формирование «церковного» субордера, результатом является сформированное смысловое единство членов организации, а главным социально-психологическим эффектом – *вера* в правильность целей организации, ее ценностей и методов получения результата.

Таким образом, возникающие социально-психологические эффекты в ордерном подходе используются в качестве критериальной базы для оценки степени сформированности субордера: он успешно сформирован, если возникает социально-психологический эффект (доверие, уверенность, вера). Работа по формированию субордера не считается успешной, если социально-психологический эффект не возник. Более подробно об этом написано в наших недавних публикациях (1, 2, 3).

Рассмотрим соответствие между субордерами организационной культуры, социально-психологическими результатами его формирования и сопутствующими им социально-психологическими эффектами, которые мы рассматриваем как критерии оценки степени сформированности каждого субордера (табл. 1).

Таблица 1

Результаты формирования субордеров и критерии их сформированности

Субордер	Результат формирования субордера	Критерий сформированности субордера (социально-психологический эффект)
Синкретический	–	–
«Семья»	Эмоционально-ценностное единство членов организации	Доверие
«Армия»	Целевое единство членов организации	Уверенность
«Церковь»	Смысловое единство членов организации	Вера
Синтетический	–	–

Методика диагностики степени сформированности субордеров организационной культуры

Методика имеет стандартный для ордерных диагностических инструментов дизайн: это опросные листы, которые заполняются психологом в ходе беседы с респондентом. Соответственно, результатом при обработке полученных материалов являются данные наблюдения и комментарии респондента, полученные в ходе беседы.

В методику входят три опросных листа – по одному на каждый основной субордер. Процедура опроса предполагает заполнение всех трех листов в беседе с одним респондентом с целью получения информации о поведенческих характеристиках членов организации, реализующих этические смысловые программы «семейного» субордера (1-й опросный лист), «армейского» субордера (2-й лист) и «церковного» субордера (3-й лист). Поведенческие характеристики, представленные для оценки в опросных листах, получены эмпирическим путем в ходе групповых дискуссий с персоналом 15 российских организаций. Они могут быть скорректированы психологом-исследователем путем обсуждения с сотрудниками организации ключевых характеристик организационного «уклада» («семейного», «армейского», «церковного»).

Схема диагностики имеет четыре уровня, позволяющие получить «вертикальный» срез состояния организационной культуры с точки зрения качественных характеристик, выявляемых внутри каждого уровня, и качественных характеристик, получаемых в результате сопоставления всех уровней между собой. Первый уровень представлен лидером организации (в бизнес-организации это, как правило, собственник), второй уровень – ключевым топ-менеджером (например, наемным генеральным директором), третий уровень – уровень членов управленческой команды, подчиняющихся топ-менеджеру, четвертый уровень – представители исполнительского персонала.

В небольших организациях количество уровней может быть существенно меньше, поэтому важно реализовывать принцип уровневости в ордерной диагностике и обеспечивать сравнительный анализ результатов, полученных на каждом из имеющихся уровней.

Особенностью данной методики является наличие уровневой композиции внутри самого опросного листа: это три социально-психологических уровня организационной системы («наш лидер», «наши менеджеры», «наши со-

трудники») и блок оценки респондентом культуральных характеристик или культуральных элементов субордера (для каждого опросного листа он представлен собственным набором).

Каждое утверждение в опросных листах подлежит оценке с двух позиций: то, что есть в данный момент (существующее состояние – СС), и как хотелось бы, чтобы было (желательное состояние – ЖС). Оценка каждого утверждения осуществляется при помощи шкалы от 0 до 10 баллов, 10 баллов – максимально высокое значение.

При заполнении опросного листа сотрудник организации может задавать уточняющие вопросы, делать пометки на полях своего экземпляра. После проставления всех числовых значений психолог и сотрудник вместе суммируют полученные баллы в каждом листе. Полученные результаты сравниваются между собой:

- 1) по существующему и желательному состоянию для каждого уровня в каждом опросном листе;
- 2) между уровнями в каждом опросном листе (лидер, менеджеры, сотрудники);
- 3) между всеми опросными листами («семья», «армия», «церковь»).

Полученные результаты обсуждаются с участником исследования, который дает свои комментарии к полученным результатам.

Окончательная обработка собранных данных осуществляется психологом и представляется участникам исследования в виде доклада после обсуждения полученных результатов с лидером организации и разработки предложений по улучшению показателей.

Ниже представлены бланки опросных листов (табл. 2–4).

Опросные листы разделены на три части, которые обозначают порядковый номер опросного листа с указанием в скобках названия одного из трех субордеров («семья», «армия», «церковь»). Каждая колонка, представляющая данные одного опросного листа, разделена на две части – существующее состояние и желательное состояние. Римские цифры в первой левой колонке обозначают уровни опросного листа (лидер, менеджеры, сотрудники, характеристики/элементы культуры). Цифры в колонках перед каждым опросным листом обозначают количество оценивавшихся утверждений. Если обратиться к первой строке слева, то можно увидеть, что в опросном листе № 1 («семейный» субордер) на 1-м уровне («наш лидер») было предложено 11 утверждений.

Таблица 2

ОПРОСНЫЙ ЛИСТ № 1 («Семейный» субордер)
Результат: эмоционально-ценностное единство
Критерий сформированности: доверие

№	I. Наш лидер	СС	ЖС
1.	Заботится об обучении, развитии и продвижении сотрудников	5	10
2.	Заботится об улучшении условий труда персонала	3	10
3.	Заботится о хорошей атмосфере в организации (поздравления с праздниками, днями рождения, корпоративный отдых, корпоративные праздники и др.)		
4.	Проявляет интерес не только к работе, но и к жизненным обстоятельствам сотрудника	5	8
5.	Не оставляет «один на один» с трудноразрешимыми проблемами в жизни	5	8
6.	Помогает разрешать конфликтные ситуации на работе	5	8
7.	Защищает от несправедливости	5	8
8.	Наказывает за ошибки справедливо, не унижая личное достоинство	5	8
9.	С ним можно обсуждать проблемы, существующие в организации	5	8
10.	Поддерживает отношения с хорошими сотрудниками, которые перешли в другую организацию, и рад их возвращению назад	5	8
11.	Поддерживает менеджеров и не критикует их при подчиненных	6	8
Общее количество баллов		56	94
№	II. Наши менеджеры	СС	ЖС
1.	Заботятся об обучении, развитии и продвижении сотрудников	5	10
2.	Заботятся об улучшении условий труда персонала	3	5
3.	Заботятся о хорошей атмосфере в организации (поздравления с праздниками, днями рождения, корпоративный отдых, корпоративные праздники и др.)	5	5
4.	Проявляют интерес не только к работе, но и к жизненным обстоятельствам сотрудника	5	5
5.	Не оставляют «один на один» с трудноразрешимыми проблемами в жизни	5	8
6.	Помогают разрешать конфликтные ситуации на работе	5	8
7.	Защищают от несправедливости	5	8
8.	Наказывают за ошибки справедливо, не унижая личное достоинство	5	8
9.	С ними можно обсуждать проблемы, существующие в организации	3	8
10.	Поддерживают отношения с хорошими сотрудниками, которые перешли в другую организацию, и рады их возвращению назад	5	5
11.	Поддерживают лидера во всем. Если не согласны с ним, то обсуждают свои сомнения с ним открыто	5	8
12.	Могут пожертвовать личным временем и деньгами для организации в случае необходимости	3	8
Общее количество баллов		54	86
№	III. Наши сотрудники	СС	ЖС
1.	Охотно учатся и приобретают опыт, используя предоставляемые возможности	5	8
2.	Обращаются в трудных профессиональных и жизненных ситуациях к руководителям	5	8
3.	Обсуждают с руководством проблемы организации	3	8
4.	Охотно участвуют в праздниках и собраниях	3	8
5.	Охотно выступают с предложениями по улучшению своей деятельности и деятельности своего подразделения	5	8
6.	Поддерживают отношения с бывшими коллегами, ушедшими в другие организации	7	8
7.	Поддерживают лидера организации	5	10
8.	Поддерживают менеджеров организации	5	10
9.	Могут пожертвовать личным временем и деньгами для организации в случае необходимости	6	8
Общее количество баллов		44	76

Окончание табл. 2

№	IV. Насколько Вам нравится (если не знаете, не заполняйте)	СС	ЖС
1.	Миссия организации	–	–
2.	Цели организации	5	–
3.	Ценности организации	–	–
4.	Этический кодекс организации	–	–
5.	Стандарты и правила организации	–	–
6.	Лидер организации	5	10
7.	Менеджеры организации	5	10
8.	Сотрудники организации	5	10
9.	Репутация организации (в городе, в стране)	5	10
10.	Репутация организации в СМИ	3	10
Общее количество баллов		28	50

Таблица 3

ОПРОСНЫЙ ЛИСТ № 2 («Армейский» субордер)

Результат: целевое единство

Критерий сформированности: уверенность

№	I. Наш лидер	СС	ЖС
1.	Уверенный в себе и в своих силах человек	7	10
2.	Всегда знает, что надо делать и как	7	10
3.	Успешен в своих действиях	6	10
4.	Умеет держать удар	7	10
5.	Бесстрашен в условиях жесткой конкуренции	7	10
6.	Хороший стратег и тактик	–	10
7.	Решителен в действиях	7	10
8.	Самостоятелен в принятии решений	7	10
9.	Всегда нацелен на победу	7	10
10.	Является примером для подражания.	7	10
11.	Умеет находить союзников	7	10
12.	Всегда учится и совершенствуется	7	10
Общее количество баллов		76	120
№	II. Наши менеджеры	СС	ЖС
1.	Уверенные в себе и своих силах люди	7	10
2.	Всегда знают, что надо делать и как	7	10
3.	Успешны в своих действиях	7	10
4.	Умеют держать удар	7	10
5.	Бесстрашны в условиях жесткой конкуренции	7	10
6.	Находят выход из любой ситуации	7	10
7.	Решительны в своих действиях	7	10
8.	Хорошие организаторы	7	10
9.	Всегда нацелены на победу	7	10
10.	Являются примерами для подражания	7	10
Общее количество баллов		70	100

Окончание табл. 3

№	III. Наши сотрудники	СС	ЖС
1.	Уверенные в себе и своих силах люди	6	10
2.	Всегда знают, что надо делать и как	6	10
3.	Успешны в своих действиях	6	10
4.	Умеют держать удар	6	10
5.	Бесстрашны в условиях жесткой конкуренции	6	10
6.	Решительны в рействиях	6	10
7.	Всегда стремятся к победе	6	10
8.	Хорошо организованны и дисциплинированы	6	10
9.	Безупречные исполнители	6	10
10.	Умеют ладить с людьми	6	10
Общее количество баллов		60	100
№	IV. Насколько Вам нравятся	СС	ЖС
1.	Цели организации	–	10
2.	Материально-техническая база организации	3	10
3.	Бизнес-процессы и технологии организации	4	10
4.	Символика организации и корпоративный стиль	4	10
5.	Система награждений в организации	2	10
6.	Система продвижения по карьерной лестнице	2	10
7.	Достижения организации	4	10
8.	Боевые качества лидера и менеджеров	4	10
9.	Система корпоративного обучения	6	10
Общее количество баллов		29	90

Таблица 4

**ОПРОСНЫЙ ЛИСТ № 3 («Церковный» субордер)
Результат: смысловое единство
Критерий сформированности: вера**

№	I. Наш лидер	СС	ЖС
1.	Обладает мечтой и видением того, как ее осуществить	–	10
2.	Посвятил свою жизнь воплощению мечты	–	10
3.	Стремится соответствовать своему идеалу	2	10
4.	Часто рассказывает о своих идеях и идеалах, охотно общается с сотрудниками	–	10
5.	Стремится превратить всех в своих единомышленников	–	10
6.	Ревностно относится к проявлениям равнодушия к своим идеям и идеалам со стороны сотрудников	–	10
Общее количество баллов		2	60
№	II. Наши менеджеры	СС	ЖС
1.	Разделяют мечту и видение лидера	–	10
2.	Посвятили свою жизнь воплощению этого видения в реальность	–	10
3.	Стремится соответствовать идеалу	2	10
4.	Охотно обсуждают корпоративные идеи и идеалы с сотрудниками	–	10
5.	Стремится всех превратить в своих единомышленников	3	10
6.	Ревностно относятся к проявлениям равнодушия к своим идеям и идеалам со стороны сотрудников	4	10

Окончание табл. 4

№	II. Наши менеджеры	СС	ЖС
7.	Не замечают времени, проводимого на работе	3	10
8.	Работают даже дома	3	10
Общее количество баллов		15	80
№	III. Наши сотрудники	СС	ЖС
1.	Разделяют мечту и видение лидера	–	10
2.	Посвятили себя профессиональному служению этим идеалам	–	10
3.	Стремятся соответствовать общему идеалу	3	10
4.	Охотно обсуждают корпоративные идеи и идеалы между собой, заботясь об их реализации	2	10
5.	Стремятся к тому, чтобы другие люди прониклись симпатией и уважением к корпоративным идеалам	–	10
6.	Переживают, встречаясь с равнодушным отношением к корпоративным идеалам	1	10
7.	Не замечают времени, проводимого на работе	3	10
8.	Стремятся сделать единомышленниками своих домашних и друзей	–	10
Общее количество баллов		9	80
№	IV. Насколько Вам нравится	СС	ЖС
1.	Мечта лидера Вашей организации	–	10
2.	Видение лидера путей и средств претворения мечты в жизнь	–	10
3.	То, как организация воплощает это видение в реальность	3	10
4.	Возможность посвятить себя профессиональному служению – претворению этих идей и идеалов в жизнь	–	10
Общее количество баллов		3	40

Полученные данные фиксируются в сводной таблице (табл. 5).

Таблица 5

Пример заполнения сводной таблицы

Опросные листы									
Уровни	Утверждения	№ 1 («Семья»)		№ 2 («Армия»)			№ 3 («Церковь»)		
		Состояние							
		Существующее	Желательное	Утверждения	Существующее	Желательное	Утверждения	Существующее	Желательное
I	11	56	94	12	76	120	6	2	60
II	12	54	86	10	70	100	8	15	80
III	9	44	76	10	60	100	8	9	80
IV	10	28	50	9	29	90	4	3	40

При максимальной оценке каждого утверждения в 10 баллов максимальный результат как для существующего состояния), так и для желательного состояния составляет 110 баллов. В представленном случае СС для лидера оценено в 56 баллов из 110 возможных, а ЖС – 96 баллов. Комментарий респондента к баллу ЖС был таким: «Хотелось бы повысить хотя бы на немного результат».

Таблица позволяет обнаружить интересную закономерность: в двух из трех опросных листах от уровня к уровню происходит снижение резуль-

тата. Это означает, что имеет место ухудшение качества организационной культуры по мере ее ретрансляции с уровня лидера к уровню исполнительского персонала. Поэтому чем хуже результат лидера, тем слабее культура организации. Третий опросный лист – «идеологический» – показывает, что отсутствие четко артикулированной идеологии у лидера приводит к заполнению образовавшегося идеологического вакуума самим персоналом (так были прокомментированы полученные результаты респондентом).

Оценка степени сформированности каждого субордера осуществляется при помощи процентной шкалы:

1) доверие как социально-психологический эффект сформированности эмоционально-ценностного единства членов организации (и, следовательно, сформированности «семейного» субордера) констатируется при показателе 90–100% (в нашем примере с первой строкой 100% – это 110 баллов за 11 утверждений);

- 2) скорее доверяю, чем нет: от 70 до 90%;
- 3) скорее не доверяю, чем да: от 50 до 70%;
- 4) не доверяю: меньше 50%.

Очевидно, что все показатели ниже 90% не дают оснований быть уверенными в достижении запланированного результата формирования субордера – достижения эмоционально-ценностного единства организации.

Такое же распределение процентов используется для определения степени сформированности «армейского» субордера (целевое единство, критерий – уверенность) и «церковного» субордера (смысловое единство, критерий – вера).

Заключение

Рост числа ордерных проектов по изменению организационной культуры и увеличение количества ордерных исследований способствуют постановке новых вопросов и новых задач, в ряду которых на первом месте стоит разработка дополнительных инструментов для диагностики отдельных аспектов социально-психологического вмешательства в организационно-культурную систему. Представленная методика оценки степени сформированности субордеров организационной культуры относится к классу качественно-количественных, где преимущественное внимание уделяется качественному исследованию заявленного вопроса. Это требует от психолога, применяющего данный инструмент, владения комплексом других необходимых средств социально-психологического исследования, включающего в себя метод наблюдения и метод беседы, прежде всего.

Список литературы

1. Аксеновская Л. Н. Критерии результативности формирования основных субордеров организационной культуры // Вестн. Восточно-Сибирской открытой акад. / Профессиональное развитие ради сохранения восточно-европейской цивилизации»: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. Красноярск, 2014. С. 288–290.
2. Аксеновская Л. Н. Социально-психологические эффекты применения ордерной технологии изменения организационной культуры // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2014. Т. 14, вып. 1. С. 44–49.
3. Akseovskaya L. N. Order technology of organizational cultere change: Haw to form «family» suborder? // International Annual Edition of Applied psychology: theory, research, and practice. 2014. № 1. P. 20–43. URL: <http://interpsy.sgu.ru> (дата обращения: 20.10.2015).

Methods of Diagnostics of the Degree of Maturity of Suborders of Organizational Culture

L. N. Akseovskaya

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: liudmila_aksenovskaya@mail.ru

The article presents the original method of diagnostics of the degree of maturity of suborders of organizational culture. This is the second method of diagnostics, which has been developed and based on the order concept of organizational culture. Its significance is in evaluation of the level of maturity of every suborder of organizational culture («family», «army», «church»). The criteria of evaluation of the degree of maturity of suborders are expressed through such socio-psychological effects as trust (for the «family» suborder), confidence (for the «army» suborder), and faith (for the «church» suborder). The method includes three questionnaires for evaluation of every individual suborder. The questionnaire includes four blocks: leader, managers, employees, and elements of organizational culture. The obtained indices are distributed along the scale (e.g. in the «family» suborder): «I trust» – «I rather trust, than not» – «I rather not trust, than do» – «I don't trust». A successfully formed suborder is a suborder, which has its integral estimation on the scale from 0 to 100% located in the range from 90% to 100% («I trust»). The article contains general description of the method and forms of questionnaires for evaluation of the degree of maturity of suborders of organizational culture.

Key words: order concept, questionnaires, suborders, organizational culture.

References

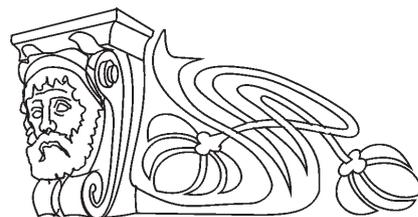
1. Akseovskaya L. N. Kriterii rezultativnosti formirovania osnovnih suborderov organizatsionnoy kultury (The criteria of effective forming of basic suborders of organizational culture). *Vestnik Vostochno-Sibirskoy Otkrytoy Akademii*. «Professionalnoe razvitiye radi sokhraneniya vostochno-evropeyskoy tsivilizatsii»: materialy III Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Bulletin of East Siberian Open Academy. «Professional development for the preservation of Eastern European civilization»: materials of III Intern. scientific-practical. conf. Krasnoyarsk, 2014, pp. 288–290.
2. Akseovskaya L. N. Socyalno-psychologicheskie efekty primeneniya ordernoy tekhnologii izmeneniya organizatsionnoy kultury (Socio-psychological effects of application of order technology of organizational culture change). *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2014, vol. 14, iss. 1, pp. 44–49.
3. Akseovskaya L. N. Order technology of organizational cultere change: Haw to form «family» suborder? *International Annual Edition of Applied psychology: theory, research, and practice*, 2014, no. 1, pp. 20–43. Available at: <http://interpsy.sgu.ru> (accessed 20 October 2015).

УДК 159.99

ВЗАИМОСВЯЗЬ ФАНАТИЗМА С ФЕНОМЕНОМ НЕТРАДИЦИОННЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ДВИЖЕНИЙ

Гусева Евгения Сергеевна –
ассистент кафедры социальной психологии,
Самарский государственный университет
E-mail: guseva-es@mail.ru

В статье анализируются социально-психологические факторы специфической для нетрадиционных религиозных организаций среды, способствующие формированию фанатизма. Рассматривается проблема опознавательных признаков нетрадиционной религиозности. Представлены особенности сознания и поведения религиозной фанатической личности, а также такие типы религиозного фанатизма, как экстравертный и интровертный, традиционный и нетрадиционный. Описываются механизмы снижения функции самоконтроля и самосохранения личности. Проведен анализ того, какими средствами эти механизмы могут быть реализованы внутри религиозной группы. Уделено внимание установкам, которые несут в себе религиозные доктрины, способствующие формированию фанатической направленности личности: установка на восприятие социального окружения, не связанного с религиозной общиной, как «испорченного»; установка на активное изменение «испорченного» окружающего мира, а также – изоляцию от него. Обозначены проблемы эмпирического исследования членов нетрадиционных религиозных организаций.

Ключевые слова: фанатизм, религиозность, нетрадиционные религиозные организации.

DOI: 10.18500/1819-7671-2015-15-4-73-78

Сегодня можно говорить о том, что процесс глобализации, затрагивающий многие аспекты общественного бытия, имеет свое отражение и в религиозной сфере. В самых разных регионах мира отмечается всплеск религиозного фанатизма как защитной реакции на интеграционные процессы, происходящие в религиозной среде. Кроме этого религиозные фанатики так же, как и фанатически настроенные религиозные группы во все времена активно использовались всевозможными политическими силами в качестве средства для решения определенных задач. Фанатизм «стал идейным оружием правящих элит в борьбе за предотвращение социальных и национально-освободительных революций, за сохранение современного мирового порядка. Он превратился в средство политической борьбы, контролируется, финансируется и управляется политическими элитами» [1, с. 36].

Интеграционные тенденции в религиозной сфере, отвечающие процессу глобализации, обеспечиваются, в том числе, и посредством распространения нетрадиционных религиозных движений, представляющих собой не что иное

как гигантские транснациональные корпорации [2, с. 20]. Принято считать, что, прежде всего, в религиозных движениях нетрадиционного толка формируется личность фанатической направленности [1]. Хотя следует отметить, что факторы религиозной среды, способствующей формированию фанатизма, психологами практически не исследованы.

Анализируя различные определения фанатизма, важно отметить, что практически все они подчеркивают маниакальную направленность фанатического сознания, его одержимость «высшей» идеей.

Согласно словарю С. И. Ожегова, фанатик – человек, страстно преданный какому-нибудь делу [3, с. 693]. Исходя из этого, религиозный фанатизм можно определять как преданность определенной религиозной идеологии.

М. Я. Яхьяев отмечает, что чаще всего фанатизм рассматривается как «форма массового, коллективного психоза, выражающегося в маниакальной одержимости определенной идеей (идеологией). Иногда отмечается и то, что фанатизм – это явление не только массовой, но и индивидуальной психологии» [1, с. 16].

Г. В. Старшенбаум определяет религиозный фанатизм как «крайнюю степень увлечения религиозной деятельностью с созданием из нее культа, поклонением и растворением в группе единомышленников» [4].

В. Д. Менделевич пишет: «Увлечение какой-либо деятельностью, достигающей крайней степени выраженности с формированием культа и созданием идолов, с полным подчинением человека и “растворением” индивидуальности, носит название фанатизма» [5, с. 143]. Помимо этого принято говорить о примитивизме фанатического религиозного сознания: «Религиозный фанатизм имеет четкое, простое и ясное мировоззрение...» [1, с. 11].

На основе фанатического религиозного мировоззрения формируется соответствующее фанатическое поведение, носящее девиантный характер: «Доминирующим мотивом поведения фанатика являются социальная агрессивность, активное стремление к разрушению

существующего общества, к нанесению ему наибольшего ущерба. Фанатическое поведение является деструктивной формой иллюзорной социально-преобразовательной деятельности, разрушительной для личности фанатика и для общества» [1, с. 10].

В контексте поведенческих проявлений выделяют два основных типа фанатизма: первый – это экстравертный фанатизм, выражающийся в революционных террористических действиях [1, с. 31]. В качестве примера можно привести религиозную террористическую организацию «Хизб-ут-Тахрир». По статистике около 40% террористов являются религиозными или националистическими фанатиками [6, с. 30–33].

Второй тип фанатического поведения – интровертный фанатизм – представляет собой попытку построения изолированного идеального мира [1, с. 31]. Например, это может быть уход группы религиозных фанатиков в пещеру, подземелье и т. д. для построения там нового совершенного общества. К крайнему варианту интровертного фанатизма, на наш взгляд, можно отнести стремление к физическому самоуничтожению. Так, 39 членов религиозной группы «Врата рая» в Южной Калифорнии покончили жизнь самоубийством. Предполагалось, что их души, покинувшие бренные тела и этот ужасный мир, телепортировались на НЛО, подлетающий к Земле в хвосте кометы Хейла-Боппа, который и должен был доставить их на прекрасную космическую родину [7, с. 204].

Фанатическое поведение, как считает М. Я. Яхьяев, никогда не достигает своей цели, т.е. не приводит к разрушению существующего общественного порядка. Однако для фанатика объективный результат своей деятельности не важен: субъективная система оценок, в которой он часто является героем и победителем, гораздо более важна для него [1, с. 21].

Многие исследователи считают, что фанатизм культивируется, в первую очередь, внутри так называемых нетрадиционных религиозных организаций или новых религиозных движений (НРД). Так, М. Я. Яхьяев перечисляет целый ряд авторов, рассматривающих взаимосвязь фанатизма с нетрадиционными религиозными движениями, экзотическими и старообрядческими сектами [1, с. 6] и выделяет традиционный («старческий») и нетрадиционный («детский») типы фанатизма: фанатизм нетрадиционного религиозного движения направлен на смену социально-политической системы, а традиционный фанатизм работает на сохранение общественных устоев [1, с. 30]. Однако В. Д. Менделевич по-

лагает, что «благоприятной почвой для возникновения отклоняющегося поведения» является именно нетрадиционная форма религиозности [5, с. 143].

Фанатичность веры представителей новой религиозности, как пишет С. Б. Филатов, «отмечают многие наблюдатели» [8, с. 414]. Однако сам он полагает, что члены религиозной организации начинают терять присущий им фанатизм по мере того, как организация встраивается в общество, «цивилизуется», все больше и больше принимая господствующие в нем нормы и ценности. На Западе процесс такой ассимиляции происходит быстрее. В России же «традиционные гонения» вынуждали соответствующие организации уходить в «глубокое подполье», только укрепляя тем самым присущий им фанатизм [8, с. 403]. С этой точки зрения фанатизм можно рассматривать как «форму или стадию развития религии» [1, с. 11].

Для разрешения проблемы взаимосвязи фанатизма с феноменом нетрадиционной религиозности необходимо разобраться, какие именно социально-психологические факторы, раскрывающие специфику нетрадиционной религиозной среды, работают на формирование фанатической идеологии, иными словами, какими специфическими признаками обладают нетрадиционные религиозные сообщества, тем более что этот термин нов и до настоящего времени не имеет универсального общепринятого определения. Выделение же факторов формирования религиозного фанатизма поможет организовать его профилактику.

В своем диссертационном исследовании, посвященном выявлению психологических особенностей членов нетрадиционных религиозных движений, В. Г. Кирсанова определяет последние как «отмежевавшиеся от основных конфессий (христианство, буддизм, ислам), не имеющие национальных корней на территории нашей страны» [9, с. 3]. Автор добавляет, что некоторые из этих религиозных объединений принято называть сектами, т.е. «ограниченными группами, отмежевавшимися от основных конфессий и жестко требующими признания правоты своего вероучения, связанных с ним морали и образа жизни», а также «характеризующиеся утверждениями избрничества, тенденцией к изоляционизму <...> отсутствием института священства <...> харизматическим лидерством» [9, с. 3–4].

Доктринам новых религиозных движений зачастую присущ эклектизм: смесь христианского мировоззрения с буддистским, языческим, оккультным, верой в НЛО [7]. Все чаще организации такого рода приобретают явную политическую окраску. Так, Д. Майерс говорит о доктрине

«Церкви объединения Муна», что это «смесь христианства, антикоммунизма и прославления самого Муна» [10, с. 340].

С. Б. Филатов ставит следующую проблему: «НРД – прекрасный идеологический термин, в который одни включают все, что им не нравится, а другие – все, что требует защиты от всевозможных преследований. НРД – очень удобное понятие и для борцов за свободу совести, и для борцов за религиозное единство нации, но термином НРД очень сложно пользоваться, когда стремишься проанализировать существо религиозных процессов» [8, с. 402]. Далее исследователь все же выделяет некоторые признаки новых религиозных движений: это религия, возникшая сравнительно недавно и имеющая своего «живого основателя» – человека, обладающего высшей спасительной истиной, как минимум, пророка, а как максимум – бога»; стремящаяся к изоляции своих членов, отказу от прежних социальных связей, в том числе и профессиональных; использующая методы контроля сознания; принуждающая адептов отказываться от личного имущества, утверждающая моральные нормы, противоречащие общепринятым [8, с. 402–403]. Что касается последнего пункта, то криминалистами замечено, что для личности преступника наиболее характерно отчуждение от общепринятых моральных норм и ценностей [6, с. 30–33].

Д. Майерс предпочитает употреблять слово «секта» и ограничивается тремя признаками последней: 1) особым ритуалом поклонения богу или человеку; 2) изоляцией от окружающей «злой» культуры; 3) наличием харизматического лидера [10, с. 340].

Г. В. Старшенбаум говорит об «экстремистских религиозных культах» и таких их характеристиках, как: а) наличие харизматического лидера (мессии); б) тоталитарная (догматическая, абсолютистская) философия; в) тоталитарная система управления; г) требование беспрекословного подчинения уставу общины; д) сильный акцент на накоплении богатства для общины; е) почти полное отсутствие заботы об индивидуальном благополучии членов культа. К этому ученый добавляет, что неофитов не посвящают полностью во все дела группы, от них многое скрывают [4].

Д. А. Мещеряков считает специфическим признаком НРД активное миссионерство, которым, в отличие от традиционных религий, обязан заниматься всякий рядовой последователь. Эта деятельность – коммерческая [2, с. 22]. В ее цели входит создание и продвижение эффективной рекламной кампании, конкурентоспособной на рынке духовного потребления. В арсенал миссионеров НРД входят такие методы психологи-

ческого воздействия, как внушение, убеждение, всевозможные трансовые техники, применение наркотиков и т. п. [11].

В связи с этим маниакальная приверженность идее, характерная для последователей НРД, может найти объяснение в представлениях о гипнотической идее у И. Бернгейма: обычные идеи не достигают такой силы, как гипнотическая. При этом её источником силы являются образы – не абстрактные, а конкретные. Именно конкретные образы воплощаются впоследствии в действиях [12, с. 73].

Не следует отрицать наличия некоторых из вышеперечисленных методов воздействия и в арсенале традиционного религиозного миссионера. Однако эти методы НРД могут отличаться жесткостью и существенно большей представленностью в миссионерской деятельности. Иногда дело доходит до открытых угроз и физического насилия: Д. Кореш, руководитель религиозной группы «Ветвь Давидова», прибежал не только к убеждению, но и насилию. Д. Джонс – вождь «Народного Храма» – «угрожал расправой потенциальным отступникам, подвергал избиению непокорных и применял наркотические средства для нейтрализации инакомыслящих» [10, с. 345]. Считается, что именно в НРД реализуется схема индоктринации личности, описанная К. Левиним, а впоследствии дополненная Э. Шайном и С. Хассеном. Она включает в себя несколько этапов: первый – «размораживание», целью которого является разрушение идентичности неофита через дезориентацию и обесценивание его жизненного опыта; второй – изменение или идеологическая обработка – представляет собой пошаговое формирование новой идентичности. Третий, завершающий этап – так называемая стадия «замораживания», или укрепления культовой идентичности (как правило, методами бихевиоризма) [11].

Наиболее распространенной сегодня остается тенденция приписывать НРД восемь признаков реформирования мышления, выделенные Р. Лифтоном: контроль среды, мистическое манипулирование, требование чистоты, культ личной исповеди, священная наука, нагруженность языка, доктрина выше личности, разделение существования [11]. Все вышеперечисленные признаки способствуют формированию высокой степени зависимости личности от религиозной группы, размыванию границ между личностью и группой, отчуждению ее членов от своего собственного Я: «Мое желание должно быть вашим желанием» – обращался Мун к своим последователям [10, с. 340]. Эксперименты Э. Динера, С. Прептис-Данна и Р. Роджерса показали, что деиндивидуализация значительно снижает уро-

вень самоконтроля [10, с. 373]. Именно отчуждение от своего Я помогает переступить закон и преодолеть страх смерти во имя реализации религиозной идеи [13].

М. Я. Яхьяев отмечает: «Фанатики как бы сами себя подогревают или заводят именно потому, что за демонстрацией сильных эмоций скрываются их внутренняя деструктивность и пустота как результат их безличности» [1, с. 19]. Обезличенный фанатик рассматривает себя в качестве орудия, при помощи которого строится «справедливое» будущее [1, с. 21].

Ту же функцию отчуждения, как отмечает Э. Хоффер, может выполнять театрализация, когда «жестокая реальность смерти и убийства» скрывается за умело выстроенным драматическим представлением, в котором человек «видит себя как бы со стороны», ситуация не воспринимается столь ужасной [13, с. 41]. Именно в театральной обстановке осуществлялось самоубийство членов «Врат рая»: смерть обыгрывалась ими как загородное путешествие: все 39 трупов были одеты в черные спортивные костюмы и новые кроссовки, их головы были закрыты платками фиолетового цвета, в кармане каждого было найдено по пять долларов с мелочью, рядом были обнаружены дорожные сумки [7, с. 240].

Еще один немаловажный фактор, способствующий культивации фанатизма в НРД, – это наличие спонсоров, обеспечивающих членам движения политическое укрытие, заинтересованных в формировании фанатических настроений, агрессия которых может быть умело направлена в политически выгодное русло [6, с. 30–33].

С. В. Иванеев пишет о том, что любое религиозное мировоззрение содержит в себе в некоторой степени недружелюбное отношение к другим религиозным системам, но в отдельных случаях это неприятие достигает гипертрофированных форм, распространяясь абсолютно на всех иноверцев без разбора [14].

М. Я. Яхьяев отмечает, что любая религия допускает возможность фанатической интерпретации своего вероучения, но есть религиозные доктрины, предрасположенные к этому в наибольшей степени [1, с. 27–29]. В своем исследовании учёный выделяет специфические особенности таких религиозных доктрин, противопоставляя их так называемым «нормальным» [1, с. 27]. Эти особенности отражают важнейший признак нетрадиционной религиозности – разделение всех членов общества на своих – носителей истины, которые достойны спасения, и чужих – носителей зла и заблуждения, а также содержат установку на активное преобразование «испорченного» окружающего мира:

1) с точки зрения нормального религиозного мировоззрения, в любом человеке сочетаются позитивные (божественные) и негативные (низшие) качества. Фанатическое религиозное мировоззрение разделяет людей на «правовверных, достойных спасения, и неправовверных, недостойных спасения»;

2) в традиционном религиозном мировоззрении мир – продукт божественного творения, фанатическая идеология всегда делает акцент на действию в нем темных сил;

3) в традиционной религиозной доктрине обязанность человека – охранять порядок видимого мира, а не переделывать его, фанатическое мировоззрение вменяет в обязанность своим последователям «исправлять порчу видимого мира»;

4) нормальная религиозная идеология провозглашает человека образом и подобием Бога, фанатическая говорит о том, что любовь Бога не дана человеку изначально – ее следует заслужить [1, с. 28].

Таким образом, проведенный нами анализ свидетельствует, что специфическая для нетрадиционной религиозной организации социально-психологическая среда способствует формированию у личности фанатической направленности. Это достигается посредством реализации механизма деиндивидуализации адептов, ослаблением границ между личностью и группой, что повышает внушаемость неопита, делая его более восприимчивым к специфической религиозной доктрине, а также снижает функцию самоконтроля и самосохранения. Фанатизму также способствует содержащаяся в религиозной доктрине установка на активное изменение, преобразование «испорченного» окружающего мира, которая может проявляться, в том числе, через непрерывную и обязательную для всех подотчетную проповедническую деятельность. Тем самым совершается превращение личности в орудие, средство реализации целей и задач религиозной группы.

Однако надо отметить, что сегодня в психологической науке нет эмпирических исследований, которые могли бы подтвердить наличие фанатизма в нетрадиционной религиозной среде. С одной стороны, сложности проведения таких исследований можно объяснить некоторой закрытостью НРД от непосвященных, склонностью ее членов к изоляционизму, с другой – тем, что сколько-нибудь серьезные необратимые изменения личности неопита наступают только после 4–7 лет [4] пребывания в религиозной группе.

Список литературы

1. Яхьяев М. Я. Религиозный фанатизм как социально-исторический феномен : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Махачкала, 2006. 48 с.
2. Мещеряков Д. А. Глобализация в религиозной сфере общественного бытия : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Омск, 2007. 24 с.
3. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1987. 750 с.
4. Старшенбаум Г. В. Аддиктология. Психология и психотерапия зависимостей. М., 2006. 368 с. URL: <http://psyworld.in.ua/load/100-1-0-235> (дата обращения: 01.02.2015).
5. Менделевич В. Д. Наркозависимость и коморбидные расстройства поведения. М., 2003. 327 с.
6. Авласенко В. А. Личность преступника члена религиозных сект : криминологический и психологический анализ // Юридическая психология. 2011. № 4. С. 30–33.
7. Фаликов Б. З. Культы и культура. М., 2007. 268 с.
8. Филатов С. Б. Новые религиозные движения – угроза или норма жизни? // Религия и общество. Очерки религиозной жизни современной России. М. ; СПб., 2002. С. 401–449.
9. Кирсанова В. Г. Психологические особенности членов нетрадиционных религиозных организаций : дис. ... канд. психол. наук. М., 2005. 126 с.
10. Майерс Д. Социальная психология / под ред. В. Усманова. СПб., 1997. 688 с.
11. Хассен С. Освобождение от психологического насилия / под ред. Я. Левченко. СПб., 2001. 400 с.
12. Московичи С. Век толп / под ред. Т. Емельяновой. М., 1998. 354 с.
13. Хоффер Э. Истинноверующий. Мысли о природе массовых движений / под ред. А. Михайлова. Минск, 2001. 200 с.
14. Иванеев С. В. Экстремизм, фундаментализм и терроризм под флагом Ислама // Юридическая электронная библиотека «Юристлиб». URL: http://juristlib.ru/book_7505.html (дата обращения: 05.02.2015).

Relationship of Fanaticism with the Phenomenon of Non-Traditional Religious Movements

E. S. Guseva

Samara State University
1, Ak. Pavlova str., Samara, 443011, Russia
E-mail: guseva-es@mail.ru

The article analyses the socio-psychological factors of a specific for non-traditional religious organizations environment which contribute to the formation of fanaticism. It considers the problem of identification signs of non-traditional religiousness. The author presents the peculiarities of conscience and behaviour of a religious fanatic personality and also such types of religious fanaticism as extraverted and introverted, traditional and non-traditional. Mechanisms to reduce the function of the personality's self-control and self-preservation are described.

The means of realizing these mechanisms within a religious group are analyzed. Attitudes implied by religious doctrines contributing to forming a fanatic personality orientation are considered: the attitude toward perceiving the social environment which is not concerned with the religious community as «corrupt»; the attitude toward actively changing the «corrupt» environment and isolating oneself from it. The problems of empirical study of non-traditional religious organizations members are sketched.

Key words: fanaticism, religiousness, non-traditional religious organizations.

References

1. Yakhyaev M. Ya. *Religioznyy fanatizm kak sotsialno-istoricheskiy fenomen*: avtoref. dis. ... d-ra. filos. nauk (Religious fanaticism as a socio-historical phenomenon: Author's abstract of thesis ... of Doctor of philosophical sciences). Makhachkala, 2006. 48 p.
2. Meshcheryakov D. A. *Globalizatsiya v religioznoy sfere obshchestvennogo bytiya*: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk (Globalization in the religious sphere of social being: Author's abstract of thesis ... of candidate of philosophical sciences). Omsk, 2007. 24 p.
3. Ozhegov S. I. *Slovar russkogo yazyka* (Dictionary of the Russian language). Moscow, 1987. 750 p.
4. Starshenbaum G. V. *Addiktologiya. Psikhologiya i psikhoterapiya zavisimostey* (Addictology. Psychology and psychotherapy of addictions). Moscow, 2006. 368 p. Available at: <http://psyworld.in.ua/> (accessed 1 February 2015).
5. Mendelevich V. D. *Narkozavisimost i komorbidnye rasstroystva povedeniya* (Drug addiction and comorbid behavioral disorders). Moscow, 2003. 327 p.
6. Avlasenko V. A. *Lichnost prestupnika chlena religioznykh sekt: kriminologicheskiy i psikhologicheskiy analiz* (Personality of a criminal member of religious sects: criminological and psychological analysis). *Yuridicheskaya psikhologiya* (Legal psychology), 2011, no. 4, pp. 30–33.
7. Falikov B. Z. *Kulty i kultura* (Cults and culture). Moscow, 2007. 268 p.
8. Filatov S. B. *Novye religioznye dvizheniya – ugroza ili norma zhizni?* (New religious movements: a threat or a norm of life?). *Religiya i obshchestvo. Ocherki religioznoy zhizni sovremennoy Rossii* (Religion and society. Sketches of religious life in Russia today). Moscow; St.-Petersburg, 2002, pp. 401–449.
9. Kirsanova V. G. *Psikhologicheskie osobennosti chlenov netraditsionnykh religioznykh organizatsiy*: dis. ... kand. psikhol. nauk (Psychological characteristics of members of non-traditional religious organizations: Thesis ... of candidate of psychological sciences). Moscow, 2005. 126 p.
10. Myers D. *Social Psychology*. New York, 2012. 580 p. (Russ. ed.: *Mayers D. Sotsialnaya psikhologiya*. Pod red. V. Usmanova. St.-Petersburg, 1997. 688 p.).
11. Hassan S. *Releasing the Bonds*. Boston, 2000. 389 p. (Russ. ed.: *Hassan S. Osvobozhdenie ot psikhologicheskoy zavisimosti*). Moscow, 2001. 389 p.

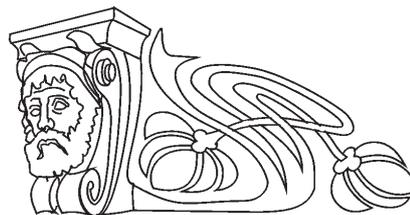

- kogo nasiliya. Pod. red. Ya. Levchenko. St.-Petersburg, 2001. 400 p. Available at: <http://royallib.com> (accessed 29 January 2015).
12. Moscovici S. *The age of the crowd*. Cambridge, 1985, 418 p. (Russ. ed.: *Moscovichi S. Vek tolpa*. Pod. red. T. Emelyanovoy. Moscow, 1998. 354 p.).
13. Hoffer E. *The true believer: Thoughts on the nature of mass movements*. New York, 1962. 176 p. (Russ. ed.: *Khoffer E. Istinnoveruyushchiy. Mysli o prirode massovykh dvizheniy*. Pod. red. A. Mikhaylova. Minsk, 2001. 200 p.).
14. Ivaneev S. V. *Ekstremizm, fundamentalizm i terrorism pod flagom Islama* (Extremism, fundamentalism and terrorism under the guise of Islam). *Yuridicheskaya biblioteka «Yuristlib»* (Legal library «Yuristlib»). Available at: http://juristlib.ru/book_7505.html (accessed 5 February 2015).

УДК 159.9:070

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ МЕДИАКУЛЬТУРЫ

Дорошин Илья Александрович – аспирант кафедры общей и социальной психологии, Саратовский государственный университет
E-mail: diajazz@yandex.ru

Статья посвящена анализу социально-психологического содержания феномена медиакультуры. Обсуждаются культурологические, социологические, философские и психологические исследования, затрагивающие проблему медиакультуры. Сделаны выводы об интерпретации понятия медиакультуры в рамках гуманитарного знания и конкретно в рамках социально-психологических исследований. Сформулированы выводы о том, что актуальными направлениями развития исследований медиа как на междисциплинарном, так и на уровне социально-психологической проблематики являются изучение медиакультуры в контексте организационной культуры, а также исследование механизмов возникновения и развития медиакультуры в конкретных организациях, разработка соответствующих диагностических методик. Дана интерпретация понятия медиакультуры в организации не только как набора информационно-коммуникативных технических средств, применяемых в организации, но и как совокупности передачи материальных и интеллектуальных ценностей в купе со сложившейся системой их воспроизводства и функционирования в организации.

Ключевые слова: медиакультура, медиaprостранство, гуманитарное знание, социально-психологическое исследование, организация, организационная культура.

DOI: 10.18500/1819-7671-2015-15-4-78-83

XXI век – время стремительных социальных перемен. Их причина не только в экономической глобализации, вызванной поиском все новых рынков сбыта для международных корпораций, но и в интеграции все новых и новых информационных и коммуникационных технологий в нашу жизнь. Средства коммуникации за доли секунды создают тотальное поле взаимодействия населения нашей планеты. Синхронность коммуникации в сети Интернет делает каждого из нас доступным для любого другого человека в мире. Сами по себе технологии никогда не предопреде-

ляли того, как впоследствии они будут расширяться в социуме и применяться на практике. Но если взглянуть на исторический отрезок длиной в несколько сотен лет, будет видно, как технологии коммуникации поменяли общество: сначала был путь от печатного станка до потенциальной конвергенции телефона, радио, телевидения и компьютера, и от становления Интернета до повсеместной его интеграции.

Информация, реализуемая благодаря современным технологиям коммуникации, – преобразователь мира, окружающей жизни, среды обитания. Получение информации позволяет человеку расширить свои познания о мире, осознавая его с разных точек зрения: философской, эстетической, нравственной, экономической, правовой и т.д. Медиа представляет собой совокупность технологических средств и приемов, дающих индивиду или группе информацию, раздвигает область «непосредственного опыта», тем самым влияя на мировоззренческие установки и на процесс формирования личности в группе. Этот факт предопределил актуальность рассмотрения культуры медиа как социально-психологического феномена.

Цель данной статьи состоит в анализе социально-психологического содержания феномена медиакультуры, для её реализации были сформулированы следующие задачи: анализ особенностей изучения феномена медиакультуры в рамках гуманитарного знания, раскрытие социально-психологического содержания этого феномена.

Область исследования феномена медиакультуры и медиакommunikаций находится на стыке

многих наук: психологии, социологии, культурологии, философии и др. Проанализируем наиболее распространенные трактовки данного феномена.

Термин «медиакультура» был впервые употреблен в культурологии, под ним понимался специфический тип культуры в информационном обществе, являющийся посредником («медиатором») между обществом и государством. На современном этапе культурологических исследований медиакультуру трактуют как комплекс информационно-коммуникативных средств, которые были сформированы человечеством в ходе исторического развития [1]. Представляет интерес трактовка, которую предложили Ф. Джеймисон, Ж. Бодрийяр и П. Вирильо: медиакультура – область культуры, связанная с трансляцией динамических образов, получивших широкое распространение благодаря современным техническим способам записи, передачи изображения и звука [2]. Термин «медиакультура», по мнению Н. Б. Кирилловой, является заменой уже привычным аббревиатурам «СМИ», «СМК» и принятым в англоязычной литературе «massculture» или «massmedia» [1].

Можно выделить три ключевых подхода при рассмотрении культуры медиа с информационно-семиотической точки зрения: как систему артефактов (лат. *arte* – искусственный и *factus* – сделанный), систему символов и знаков. Ю. М. Лотман считал, что культурные явления следует интерпретировать как тексты, наполненные информацией; «текст» – явление многозначное, и в рамках современной культуры медиа имеется в виду не только письменное сообщение, но и любой другой носитель информации, например ресурс сети Интернет [3]. Следовательно, спецификой медиакультуры могут быть знаки и комплексы знаков, в которых «закодирована» социальная информация. Трактовкой определенного культурного явления является интерпретация его субъективного смысла. Информационную составляющую медиакультуры практически невозможно представить за границами семиотической составляющей. Культура медиа является социальной информацией, которая сохраняется в социуме с помощью создаваемых людьми знаковых средств, по мнению Н. Б. Кирилловой [1]. С помощью медиа общество накапливает и умножает информацию, и это помогает сохранению предшествующего опыта, т.е. сохранению генетической памяти общества [4].

Таким образом, в культурологии под медиакультурой понимают, главным образом, совокупность информационно-коммуникативных средств, которые выработаны человечеством в

ходе исторического развития; это также совокупность материальных и интеллектуальных ценностей в области медиа, исторически сложившаяся система их воспроизводства и функционирования в социуме.

Медиаисследования в границах философских дисциплин начались в Германии 1930-х гг., их проводили Т. Адорно, М. Хоркхаймер и Г. Маркузе, представители Франкфуртской школы [5].

Большой вклад в изучение средств коммуникаций внес канадский философ, эколог средств коммуникации и теоретик воздействия артефактов как средств коммуникации М. Маклюэн. Ученый полагал, что все средства коммуникации являются действующими метафорами и как любая метафора коммуникации способны расширять границы обыденного. Язык медиа, согласно М. Маклюэну, является определенного рода технологией. Индивид может не осознать воздействие такого средства, т.е. новые средства воспринимаются как продолжение старых: они видимы, но незамечаемы [6].

Средства коммуникации, считает М. Маклюэн, это не только СМИ, но и электрический свет, устная речь, письмо, числа, деньги, печать, книги, реклама, автоматическое оборудование, фотографии, игры, пресса, телеграф, телефон, кино, радио, телевидение и многое другое [6]. Это многообразие он называет «технологиями» или «посредниками». Введение таких посредников в окружающий человека мир меняет его коммуникации с окружающим социальным миром и формирует новые способ мировосприятия и образ жизни. Средства коммуникации, с его точки зрения, это «внешние расширения человека» [6], они выступают как технические продолжения его тела, органов чувств и способностей. В конечном итоге, средства коммуникации отделяются от человека: это отделение характеризуется М. Маклюэном при помощи метафоры «ампутация». Формирование технологической инфраструктуры тела идет рука об руку с постепенной «ампутацией» человеческих способностей. Медиа изначально погружает индивида в виртуальный мир грез, и в финале будущего развития электронных средств исследователь предсказывает полную «ампутацию» человеческого сознания. Возможности индивида становятся все шире с помощью продуктов медиакультуры, которые приобретают независимую от человеческой логику и могут навязать её индивиду, с его согласия или без него. И, как отмечает ученый, человек наслаждается новыми возможностями, предоставляемыми технологической средой, и как следствие теряет самого себя, как Нарцисс,

обездвиженный отражением себя в воде. Эта метафора человека-нарцисса, находящегося в наркотическом опьянении собственным существованием, – один из образов М. Маклюэна. Но в природе человека всегда остается стремление к самоактуализации, поэтому можно предположить, что новые медиа формируются основываясь на реализации двух важнейших потребностей индивида – с их помощью достигаются большая свобода выбора и свобода взаимодействия в окружающем человека мире [7].

От теории М. Маклюэна отличается теория коммуникации К. Шеннона [8]. С точки зрения ученого, коммуникация не имеет своей целью достижение согласия. С нашей точки зрения, данный подход важен, так как позволяет утверждать, что всякая техника деформирует человеческое взаимодействие. История медиа свидетельствует, что именно формирование техники усиливает возможность и интенсивность взаимодействия. Информация образуется в акте выбора, который затем включается в коммуникационный процесс в качестве побудительного стимула, – именно это отобранное содержание есть сообщение. Коммуникация, следовательно, перерабатывает селекции, выборы. Этот статистический подход К. Шеннон трансформирует в математическую теорию коммуникации: он считает, что информация является определенной степенью свободы при выборе послания. Философы согласны с этим, постулируя, что для компьютера данные, которые закодированы и сохранены, не будут являться информацией. Статус информации они приобретают только после интерпретации человеком. Д. Сёрл отмечает двусмысленность понимания компьютерных данных: компьютер хотя и оперирует синтаксисом, но не имеет семантики [8]. Эта трактовка созвучна математической теории коммуникации К. Шеннона, из которой исключается семантическое измерение. Можно сделать вывод, что семантика коммуникации не имеет отношения к технике переработки данных и нельзя путать информацию со значением. Исследователь подчеркивал, что семантический раздел коммуникации для исследования медиа незначим, не значение передается от сознания к сознанию, но коммуникация формируется коммуникацией.

В рамках философских исследований было отмечено, что по мере утраты теми или иными национальными государствами влияния в мировом сообществе формируется новое, так называемое сетевое общество [8]. Сеть отличается от рынка как примера анархической структуры присутствием универсальных ценностей, а от формальной иерархии – неформальным харак-

тером. Наибольшее сосредоточение мировой коммуникации на современном этапе развития находится в Интернете. Сеть сегодня выступает как определенного рода социальное обязательство, в ней взаимодействуют свободно ассоциированные индивиды, составляющие общество как гипертекст, в котором каждый несет свою информацию. На данном этапе развития почти каждый, кто бродит по Интернету, может быть назван новичком, так как он не может знать доподлинно, куда ведет та или иная «сетевая дорога». Метафорически, сети еще не «знают», что значит «быть в сети» [8]. Выходом из ситуации может быть только метод проб и ошибок. Сети сегодня настолько сложны, что их уже невозможно описать: ими легче пользоваться, чем объяснять.

Организации, сетевые по структуре, сложно осмыслить и изобразить как четко очерченные «корпорации». Предприятие сегодня – это совокупность его внутренних и внешних отношений, которые содержательно представляют собой информационный процесс. Организационные сети изменили устоявшиеся представления о предприятии. В нынешнем сетевом обществе чаще имеет место формирование гибридов и взаимопроникновение рынка и организации (франчайзинг, к примеру). Можно говорить о своеобразных гибридных образованиях, которые характерны для экономической жизни будущего: они жестче и надежнее, чем рынок, но мобильнее, чем организация [8].

Подводя итог, отметим, что в философских дисциплинах медиакультура – это «технологии», или «посредники», введение которых вносит существенные изменения в коммуникацию человека с окружающим миром (как природным, так и социальным) и реорганизует его способ мировосприятия и образ жизни. Эти «средства» рассматриваются как внешние расширения человека, как непосредственные технические продолжения его тела, органов чувств и способностей, также проводится аналогия медиакультуры с медиакоммуникационной сетью.

В рамках социологических исследований учеными был поставлен вопрос: как осуществляется медиакоммуникация и как влиять на ее эффективность, изменяя условия ее работы? Ответить на этот вопрос можно при более полном раскрытии устоявшейся схемы коммуникации. Триада сообщение – коммуникация – интерпретация находится внутри медиаоболочки. Эту теорию коммуникации разрабатывали В. Ю. Боров и А. В. Коваленко, отмечая, что в теории коммуникативного процесса распространение сообщения дифференцируют с помощью вопросов, членящих единый акт на составляющие его элементы

[9]. Описание процесса коммуникации можно раскрыть в пяти пунктах, соответствующих вопросам: кто сообщает? (анализ управления), что сообщает? (анализ содержания), по какому каналу? (анализ средства); кому? (анализ аудитории); с каким успехом? (анализ эффекта). Особенность социологического рассмотрения медиакультуры определяется как ее семиотической природой, так и техническими перспективами средств ее реализации: обширная информационная емкость, простота и убедительность образного восприятия, большее количество продуктивных возможностей, нежели репродуктивных, скорость, широта трансляции и тиражирования формируют социокультурные функции медиакультуры.

Изменение условий коммуникации и повышение роли новых медиасредств становится важной темой социолингвистических исследований (Ж. Бодрийяр, М. Маклюэн, Ж. Делёз, М. Кастельс, К. Разлогов, М. Ямпольский и др.) [7]. Термин «массовая культура» является синонимом медиакультуры в целом, как это утверждают социологи Д. Белл, Д. Макдональд, Б. Розенберг, Ж. Фридман и др. [7].

Также в социологических исследованиях можно обнаружить понимание медиакультуры как пространства и способа конвертирования разного рода «капиталов» при посредстве и через промежуточную форму «символического капитала». Посредником между адресатом и адресантом выступает некое «медиа», имеющее популярность и обладающее авторитетом [6]. В этой теории рассматриваются технологии, с помощью которых формируется жизненная позиция публики. Аудиовизуальную культуру становится возможным трактовать как часть такого рода технологий конвертирования капиталов. Достижение глобального результата является целью тех, кто осуществляет контроль всей цепочки в целом, или тех, кто обладает пространством медиа. Медиакультура, согласно этой теории, несет ответственность за процесс социализации личности, осмысление ею социального опыта, за нормы и идеалы, принятые в обществе и конкретной социальной группе [6].

Подводя итог, следует сказать, что в работах некоторых социологов медиа трактуется как пространство и способ конвертирования разного рода «капиталов» при посредстве и через промежуточную форму «символического капитала».

Медиакультура как понятие в научной психологии стало использоваться недавно и еще не вполне устоялось. Изучением медиа занимались О. Веннингер, П. Винтерхофф-Шпурк, А. Е. Войскунский, В. Кагельман, Р. Харрис, Г. Г. Почепцов, М. В. Жижина и др. [5], но несмотря на это

психологический анализ проблем медиакультуры еще недостаточно методологически и эмпирически обоснован. Область психологических исследований медиа получила название психология медиакультуры, или «медиапсихология», и в её рамках выделяются такие характеристики личности, как «медиакомпетентность», «медиаобразование», «информационная компетентность».

Начала изучению медиакоммуникаций, на наш взгляд, заложены в исследованиях «психологии толпы» В. М. Бехтерева [10]. Ученый установил, что в коллективе происходит усиление эффекта внушения, причем наиболее успешное воздействие осуществляется на эмоции. Им же была создана «коллективная рефлексология» как естественно-научное направление в психологии, предметом которой являются проявления соотносительной (соотнесённой с соответствующими поведенческими актами) деятельности социальных групп независимо от их характера и цели. Полученные данные стали основой дальнейших исследований массовых коммуникаций в рамках психологических дисциплин. Вопрос социально-психологических функций медиакоммуникаций как таковой практически не исследован в психологии. Частично эта проблема поставлена в работах А. А. Леонтьева и Ю. А. Шерковина, которые отмечают необходимость выделения двух видов функций общения: социальных и собственно социально-психологических [11]. Однако применительно к медиакоммуникации они не выделяют основания для классификации этих функций.

В отечественной и в зарубежной психологической литературе можно выделить следующее: термины «медиакультура», «медийная культура», «информационная культура», «аудиовизуальная культура» часто используются в качестве синонимов [1, 9]. Также многие ученые-психологи отмечают синонимичность понятий «медиакультура» и «массовая коммуникация» [1, 6, 7, 9]. В психологических исследованиях наиболее раскрыто понятие «массовая коммуникация», как процесс обращения массовой информации, опосредованный использованием специальных технических средств (например, печати, радио, телевидения и Интернета). Можно отметить ключевую роль посреднической функции технических средств, которая накладывает отпечаток на процесс общения в медиа в целом и на основные структурные компоненты медиакоммуникаций как в рамках массовых коммуникаций, так и в медиакультуре. Медиакультура как социально-психологический феномен, на наш взгляд, является более полным, нежели часто исследуемый в психологии фе-

номен массовой коммуникации, так как может включать в себя не только групповой уровень рассмотрения, но и межличностный. Специфику социальной психологии можно обозначить «как изучение закономерностей поведения и деятельности людей, обусловленных их включением в социальные группы, а также психологических характеристик самих этих групп» [12], поэтому применительно к социальной психологии медиакультура изучается, прежде всего, как общение социальных групп.

Социально-психологический аспект проявляется в исследовании всех сторон и компонентов общения в медиакультуре, обусловленных социальным контекстом и включением коммуникаторов и реципиентов в различные социальные группы. В качестве примера можно использовать следующие аспекты социально-психологических исследований: выявление психологических особенностей коммуникатора, содействующих лучшему восприятию сообщений; анализ содержания сообщений, особенностей их восприятия разными аудиториями; социальные установки, стереотипные представления, ценностные ориентации аудитории и т.д. Изучение данных направлений приобретает особую актуальность при рассмотрении медиакультуры как аспекта организационной культуры предприятия. Следует отметить, что организационная культура как социально-психологический феномен крайне разнообразна в своих проявлениях и содержании. Констатируя сегодняшнее многообразие научных трактовок понятия «организационная культура», можно заключить, что единое общепринятое определение отсутствует. Различие в понимании сущности организационной культуры, как правило, отражается в специфике ее определений: одни исследователи рассматривают термины «организационная культура» и «корпоративная культура» как разные, другие – как синонимы [13]. Рассматривая подходы различных авторов к определению организационной культуры, выделим точку зрения Л. Н. Аксеновской, как наиболее близкую нам и наиболее разработанную как с теоретической, так и с методологической позиций. Исследователь считает, что организационная культура – сложный социально-психологический порядок организационно-управленческих взаимодействий, конституируемых и регулируемых системами этических смыслов участников взаимодействия [13]. Системы этических смыслов, которые находят свое отражение в медиасреде организации, могут являться основополагающими для формирования организационной культуры предприятия. Медиакультуру в организации также можно рассматривать не только как на-

бор информационно-коммуникативных технических средств, применяемых в организации, но и как совокупность передачи материальных и интеллектуальных ценностей, содержащих определенные этические смыслы, в купе со сложившейся системой их воспроизводства и функционирования в организации. Можно отметить, что культуре медиа приписывают политическую и управленческую функции [7]. Она была названа «четвертой властью», учитывая мощную, многостороннюю и масштабную власть медиа над чувствами и сознанием людей.

Проведенный анализ позволяет сказать, что в рамках гуманитарного знания феномен медиакультуры понимается по-разному, как: совокупность информационно-коммуникативных средств, выработанных человечеством в ходе исторического развития; совокупность материальных и интеллектуальных ценностей в области медиа, исторически сложившаяся система их воспроизводства и функционирования в социуме; «технология», введение которой вносит существенные изменения в коммуникацию человека с окружающим миром (как природным, так и социальным) и реорганизует его способ мировосприятия и образ жизни, внешние расширения человека, непосредственные технические продолжения его тела, органов чувств и способностей; пространство и способ конвертирования разного рода «капиталов» при посредстве и через промежуточную форму «символического капитала».

В социально-психологическом знании термин «медиакультура» стал использоваться сравнительно недавно. Следует отметить, что в психологических исследованиях термин «медиакультура» часто употребляют как синоним массовой коммуникации. Медиакультура может быть отнесена к области социально-психологической феноменологии, так как она включает в себя выделенные В. М. Бехтеревым социально-психологические феномены общения и взаимодействия, но применительно к медиaprостранству. Медиакультура, согласно анализу трактовки данного термина, как социально-психологический феномен может являться более полным и обобщающим, чем часто применяемое в психологии понятие массовой коммуникации (культуры), так как может включать в себя не только групповой уровень рассмотрения, но и межличностный.

Мы предполагаем, что перспективным направлением развития исследований медиа как на междисциплинарном, так и на уровне социально-психологической проблематики будет изучение медиакультуры в контексте организационной культуры, исследование механизмов возникно-

вения и развития медиакультуры в конкретных организациях, разработка соответствующих диагностических методик. На наш взгляд, медиакультура в организации представляет собой не только набор информационно-коммуникативных технических средств, применяемых в организации, но и совокупность передачи материальных и интеллектуальных ценностей в совокупности со сложившейся системой их воспроизводства и функционирования в организации. Это подводит к мысли о междисциплинарности феномена медиакультуры, так как в одних науках склонны трактовать медиакультуру исключительно как средства без учета сообщения, а в других, наоборот, анализируются именно наполнение и результат коммуникации в медиа.

Список литературы

1. Кириллова Н. Б. Медиакультура : от модерна к пост-модерну. М., 2006. 448 с.
  2. Минюшев Ф. И. Социология культуры. М., 2004. 254 с.
  3. Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб., 2005. 752 с.
  4. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. СПб., 2008. 496 с.
  5. Бриггз А., Кобли П. Медиа. М., 2012. 550 с.
  6. Маклюэн М. Понимание медиа : внешние расширения человека. М., 2003. 464 с.
  7. Жижина М. В. Психологическое исследование медиакультуры : проблемы и перспективы // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2008. Т. 8, вып. 2. С. 81–85.
  8. Болъц Н. Азбука медиа. М., 2011. 136 с.
  9. Боров В. Ю., Коваленко А. В. Культура и массовая коммуникация. М., 1986. 304 с.
  10. Бехтерев В. М. Общие основы рефлексологии человека : руководство к объективному изучению личности. М., 1928. 544 с.
  11. Богомолова Н. Н. Социальная психология массовой коммуникации. М., 2010. 191 с.
  12. Андреева Г. М. Социальная психология. М., 2010. 368 с.
  13. Аксеновская Л. Н. Ордерная концепция организационной культуры : вопросы методологии. Саратов, 2005. 348 с.
- a media culture issue are discussed. Conclusions are drawn on interpretation of concept of media culture within humanitarian knowledge and is concrete within social and psychological researches. Conclusions that the actual direction of development of researches of media as at the interdisciplinary level, and is concrete at the level of a social and psychological perspective are formulated, studying of media culture in the context of organizational culture, and also research of mechanisms of emergence and development of media culture in the concrete organizations, development of the corresponding diagnostic techniques is. Interpretation is given to concept of media culture of the organization not only as to a set of the information and communicative technical means applied in the organization but also as sets of transfer of material and intellectual values, together with the developed system of their reproduction and functioning in the organization.
- Key words:** media culture, media space, humanitarian knowledge, social and psychological research, organization, organizational culture.

References

1. Kirillova N. B. *Mediakultura: ot moderna k postmodernu* (Media culture: from a modernist style to a postmodern). Moscow, 2006. 448 p.
2. Minyushev F. I. *Sotsiologiya kultury* (Culture sociology). Moscow, 2004. 254 p.
3. Lotman Yu. M. *Ob iskusstve* (About art). St.-Petersburg, 2005. 752 p.
4. Lotman Yu. M. *Besedy o russkoy kulture* (Conversations about the Russian culture). St.-Petersburg, 2008. 496 p.
5. Briggs A., Cobley P. *The Media: An Introduction*. Harlow, 2002. 592 p. (Russ. ed.: Briggz A., Kobli P. *Media*. Moscow, 2012. 550 p.).
6. McLuhan M. *Understanding of media: the extensions of man*. Cambridge, 1994. 392 p. (Russ. ed.: Maklyuen M. *Ponimaniye media: vneshnie rasshireniya che-loveka*. Moscow, 2003. 464 p.).
7. Zhizhina M. V. *Psikhologicheskoye issledovaniye mediakultury: problemy i perspektivy* (Psychological research of media culture: problems and prospects). *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2008, vol. 8, iss. 2, pp. 81–85.
8. Bolz N. *Das ABC der Medien*. Paderborn. 2007. 140 p. (Russ. ed.: Bolz N. *Azбука media*. Moscow, 2011. 136 p.).
9. Borev V. Yu., Kovalenko A. V. *Kultura i massovaya kommunikatsiya* (Culture and mass communication). Moscow, 1986. 304 p.
10. Bekhterev V. M. *Obshchiye osnovy refleksologii che-loveka: rukovodstvo k obyektivnomu izucheniyu lichnosti* (General fundamentals of reflexology of the person: the management to objective studying of the personality). Moscow, 1928. 544 p.
11. Bogomolova N. N. *Sotsialnaya psikhologiya massovoy kommunikatsii* (Social psychology of mass communication). Moscow, 2010. 191 p.
12. Andreyeva G. M. *Sotsialnaya psikhologiya* (Social psychology). Moscow, 2010. 368 p.
13. Aksenovskaya L. N. *Ordernaya kontseptsiya organizatsionnoy kultury: voprosy metodologii* (Corporate culture order model: methodology issues). Saratov, 2005. 348 p.

Social and Psychological Content of Media Culture

I. A. Doroshin

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: diajazz@yandex.ru

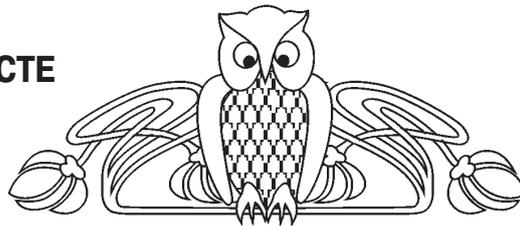
Article is devoted to the analysis of the social and psychological maintenance of a phenomenon of media culture. The culturological, sociological, philosophical and psychological researches touching on

УДК 159.9

ДИНАМИКА СТРУКТУРЫ ВРЕМЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ СМЫСЛОВОЙ СФЕРЫ ЛИЧНОСТИ В ПОДРОСТКОВОМ И ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

Карелин Андрей Александрович –
доцент кафедры консультативной психологии,
Саратовский государственный университет
E-mail: karelinaa@mail.ru

В статье рассматривается взаимосвязь временной перспективы и смысловой сферы личности. Анализируется сложившееся в науке представление о временной перспективе личности. Автор подчеркивает необходимость применения системного подхода как в теоретических, так и эмпирических исследованиях психологического времени личности. Обсуждается возможная функциональная динамика структуры психологического времени личности. Обосновывается понимание временной перспективы как модуса любого психического процесса. Данное положение позволяет теоретически обосновать понятие временной перспективы смысловой сферы личности. В статье анализируется структура временной перспективы смысловой сферы личности и предложен способ ее выявления. В эмпирическом исследовании принимали участие представители естественных групп (школьный класс, студенческая группа) подросткового и юношеского возраста. Результаты исследования позволили сделать вывод о динамике структуры временной перспективы смысловой сферы личности в данном возрасте.

Ключевые слова: временная перспектива, временные ориентации, смысловая сфера, смысловые ориентации, структура временной перспективы смысловой сферы личности.

DOI: 10.18500/1819-7671-2015-15-4-84-88

В современной психологической науке различные аспекты временной перспективы личности изучаются уже несколько десятилетий как отечественными авторами, так и зарубежными (К. А. Абульханова, Т. Н. Березина, Е. И. Головаха, А. А. Кроник, С. В. Ковалев, Р. G. Zimbardo, J. N. Boyd, W. Lens и др.) [1–4]. На современном этапе все больше внимания уделяется исследованию структуры данного психологического конструкта, его места в регуляции деятельности и взаимосвязи с иными психическими образованиями. На наш взгляд, актуальным направлением исследования выступает изучение взаимосвязи временной перспективы и смысловой сферы личности. С теоретической и эмпирической точек зрения остаются недостаточно изученными характер и особенности влияния смысловых процессов на своеобразие конфигурации структуры временной перспективы. Связь последней с некоторыми личностными и поведенческими характеристиками субъекта деятельности подчеркивает актуальность разработки теорети-

ческого обоснования эмпирических методов, позволяющих изменить структуру временной перспективы с помощью целенаправленной работы с различными процессами смысловой сферы личности.

В отечественной психологии проблему смысла активно разрабатывал А. Н. Леонтьев и его ученики [5, 6]. Учёный считает, что сознание формируется и функционирует, решая две взаимосвязанные задачи: во-первых, отражая и познавая реальность, во-вторых, открывая смысл всего того, что вошло в поле сознания. Открытие смысла трактовалось А. Н. Леонтьевым как процесс осознания отношения тех или иных объектов, явлений, действий к мотивам человека в качестве субъекта деятельности [5]. Развивая это понимание, Д. А. Леонтьев предлагает «понимание смысловых структур как превращенной формы жизненных отношений» [7, с. 253]. Он выделяет три рода смысловых процессов в рамках динамического анализа смысловой сферы личности: смыслообразования, смыслоосознания и смыслостроительства. Первое проявляется в расширении системы смысловых связей за счет новых объектов (явлений), которые приобретают новый смысл. Новые объекты обретают новые функции в регуляции деятельности субъекта. Смыслоосознание выражается в восстановлении утраченных контекстов, что позволяет вернуть утерянные смыслы. Процессы смыслостроительства направлены на устранение смыслового рассогласования сознания и бытия (в форме деятельности). Они реализуются в форме деятельности переживания как особого рода внутренней деятельности. Смыслостроительство возможно в критической жизненной ситуации. Оно может возникать в результате взаимодействия со значимым другим. Часто встреча человека с подлинным искусством порождает в нем новые смыслы и позволяет привести в соответствие личностные смыслы изменившемуся характеру осуществляемой деятельности [7].

На основе теоретического анализа становится очевидно, что задача формирования и

развития смысловой сферы личности может осуществляться путем воздействия на любой из трех смысловых процессов. Поскольку это разные процессы, постольку и смыслотехнические воздействия будут различны по ряду параметров. Одним из этих параметров является временной модус смыслового процесса на том или ином этапе его развития.

В нашем исследовании структуры психологического времени и психологического возраста личности мы опирались на представление о зависимости модуса времени от особенностей психического процесса, состояния или свойства изучаемой субъективной реальности [8]. На наш взгляд, не существует времени как некоей единой характеристики психического. Разные уровни, сферы, процессы, структуры и элементы психического формируются, развиваются и функционируют в разном времени. Это связано с относительностью данной характеристики психики. Субъективное переживание целостности и единства психологического времени можно объяснить на основе методологии системного подхода. В нашей работе мы рассматриваем личность как сложную, многоуровневую, состоящую из множества компонентов систему, каждому элементу которой присущи свои особенности и свой специфичный модус времени. Психологическое время личности есть системное качество личности как сложно организованной целостной системы [8]. Важно отметить, что модус психологического времени какого-либо процесса или элемента нашей психики может меняться в зависимости от уровня и этапа его становления и развития.

Изучение отдельных аспектов временной перспективы позволило накопить значительное количество различных фактов, которые нуждаются в обобщении на уровне теоретических подходов и эмпирических методов исследования. Масштабное исследование развития временной перспективы личности в рамках культурно-исторического подхода, проведенное Н. Н. Толстых на разных выборках испытуемых в течение почти двух десятилетий XX и XXI вв., позволило сформулировать проблему возрастной динамики временной перспективы [9]. Автор показала, что в подростковом и юношеском возрасте происходит изменение отношения к будущему. Результаты факторного анализа эмпирических данных позволяют утверждать, что в этом возрасте именно темпоральные характеристики являются наиболее существенным дискриминационным критерием, который определяет различие между старшеклассниками.

Временная перспектива личности, обретая статус научного понятия, очерчивает такое

поле абстракции, в котором находят свое место многие психические феномены. При проведении эмпирического исследования возникает важный вопрос о составе и характере выборки испытуемых. С одной стороны, выборка может состоять из испытуемых никак между собой не связанных и не объединенных в какую-либо группу. С другой стороны, выборка может быть сформирована на основе естественных групп, например, школьного класса или студенческой группы. В естественных группах возникает целый ряд феноменов, связанных с процессами внутригруппового взаимодействия [10, 11]. В ряде исследований было показано, что групповая сплоченность может снижать чувствительность группы к будущим рискам и в то же время повышает склонность группы переоценивать свое влияние на будущее [12, 13]. В нашем неопубликованном эмпирическом исследовании на выборке старшеклассников проверялась гипотеза о связи уровня групповой сплоченности класса со структурой временной перспективы смысловой сферы личности. В исследовании приняли участие ученики двух восьмых классов с разным уровнем групповой сплоченности и ученики двух десятых классов, уровень групповой сплоченности которых значительно отличался. Сравнение полученных результатов, отражающих структуру временной перспективы смысловой сферы, между классами с отличающимся уровнем групповой сплоченности позволяет говорить о существенной разнице структур. Однако осталось пока не ясно, каков характер этого различия и какова степень влияния уровня групповой сплоченности на особенности структуры временной перспективы смысловой сферы личности. Наше исследование и результаты других авторов позволяют говорить о необходимости учета фактора внутригрупповых закономерностей, который возникает всякий раз, когда мы имеем дело с естественными группами испытуемых.

Цель нашего эмпирического исследования состояла в описании особенностей структуры временной перспективы смысловой сферы личности в подростковом и юношеском возрасте.

Объект нашего исследования – временная перспектива смысловой сферы личности. Предмет исследования – динамика временной перспективы смысловой сферы личности. Гипотеза исследования: структура временной перспективы смысловой сферы личности характеризуется разной динамикой каждой смысложизненной ориентации в подростковом и юношеском возрасте.

Выборка испытуемых составила 122 человека: 40 человек – ученики восьмых классов;

35 человек – ученики десятых классов; 30 человек – студенты первого курса; 17 человек – студенты второго курса. Возраст участников исследования от 14 до 18 лет.

В эмпирической части нашего исследования были использованы две методики: тест «Смыслжизненные ориентации» (СЖО) Д. А. Леонтьева и тест «Временная перспектива» Ф. Зимбардо (ZTPИ) (в адаптации А. Сырцовой, Е. Соколовой и О. Митиной) [3, 14].

Методика Д. А. Леонтьева «Смыслжизненные ориентации» (СЖО) позволяет оценить «источник» смысла жизни, который может быть найден человеком либо в будущем (цели), либо в настоящем (процесс) или прошлом (результат), либо во всех трех составляющих жизни. Этот тест является адаптированной версией теста «Цель в жизни» (Purpose-in-Life Test, PIL) Дж. Крамбо и Л. Махолика. С использованием факторного анализа адаптированной Д. А. Леонтьевым версии этой методики отечественными исследователями (Д. А. Леонтьев, М. О. Калашников, О. Э. Калашникова) был создан тест СЖО. Он включает, наряду с общим показателем осмысленности жизни, пять субшкал, отражающих три конкретные смыслжизненные ориентации (цели в жизни, насыщенность жизни и удовлетворенность самореализацией) и два аспекта локуса контроля (локус контроля – Я и локус контроля – жизнь).

Тест СЖО содержит 20 пар противоположных утверждений, отражающих представление о факторах осмысленности жизни личности.

Методика «Временная перспектива» Ф. Зимбардо (ZTPИ) (в адаптации А. Сырцовой, Е. Соколовой и О. Митиной) позволяет оценить временной модус (прошлое, настоящее, будущее) человеческого опыта. Временную перспективу можно определить как представление человека о будущем, основанное на упорядоченном представлении о прошлом и настоящем. ZTPИ включает в себя пять шкал (временных ориентаций): «негативное прошлое», «гедонистическое настоящее», «будущее», «позитивное прошлое», «фаталистическое настоящее». Тест «Временная перспектива» включает 56 утверждений, с которыми испытуемый соглашается или не соглашается. Используется стандартная пятибалльная шкала Лайкерта: от «полностью не согласен» до «полностью согласен».

В нашем исследовании для определения структуры временной перспективы смысловой сферы личности мы использовали корреляционный анализ (коэффициент корреляции Спирмана). Коэффициент подсчитывался между результатами теста «Смыслжизненные ориентации»

(СЖО) и теста «Временная перспектива» (ZTPИ) каждой из четырех выборок (ученики восьмых классов, ученики десятых классов, студенты первого курса и студенты второго курса).

В результате эмпирического исследования мы получили четыре матрицы корреляций между тестами СЖО и ZTPИ. Значимые корреляции каждой матрицы воспроизводили структуру временной перспективы смысловой сферы соответствующей выборки испытуемых.

Результаты исследования. Значимые корреляции учеников восьмых классов: шкала «негативное прошлое» отрицательно связана со всеми шкалами теста СЖО; шкала «гедонистическое настоящее» не имеет значимых корреляции со шкалами теста СЖО; шкала «будущее» связана со шкалами «результат жизни», «локус контроля – Я» и общим показателем осмысленности жизни; шкала «позитивное прошлое» связана со шкалами «цель в жизни» и «локус контроля – Я»; шкала «фаталистическое настоящее» отрицательно связана со всеми шкалами теста СЖО, кроме шкалы «цель в жизни».

Значимые корреляции учеников десятых классов: шкала «негативное прошлое» отрицательно связана со шкалами «процесс жизни», «результат жизни» и «локус контроля – жизнь»; шкала «гедонистическое настоящее» отрицательно связана со шкалой «цель в жизни»; шкала «будущее» связана со шкалами «цель в жизни», «локус контроля – Я», «локус контроля – жизнь» и общим показателем осмысленности жизни; шкала «позитивное прошлое» связана со шкалами «процесс жизни» и общим показателем осмысленности жизни; шкала «фаталистическое настоящее» отрицательно связана со всеми шкалами теста СЖО кроме шкал «цель в жизни» и «результат жизни».

Значимые корреляции студентов первого курса: шкала «негативное прошлое» отрицательно связана со всеми шкалами теста СЖО кроме шкалы «цель в жизни», шкала «гедонистическое настоящее» не имеет значимых корреляций со шкалами теста СЖО; шкала «будущее» связана со всеми шкалами теста СЖО; шкала «позитивное прошлое» не имеет значимых корреляции со шкалами теста СЖО; шкала «фаталистическое настоящее» отрицательно связана со всеми шкалами теста СЖО.

Значимые корреляции студентов первого курса: шкала «негативное прошлое» отрицательно связана со шкалами «процесс жизни», «локус контроля – жизнь» и общим показателем осмысленности жизни; шкала «гедонистическое настоящее» не имеет значимых корреляций со шкалами теста СЖО; шкала «будущее» не имеет

значимых корреляций со шкалами теста СЖО; шкала «позитивное прошлое» связана со всеми шкалами теста СЖО; шкала «фаталистическое настоящее» отрицательно связана со шкалой «цель в жизни».

Анализ результатов полученных структур временной перспективы смысловой сферы позволяет выделить ряд общих черт и специфические особенности, присущих каждой выборке испытуемых. Общей чертой всех выделенных структур является наличие отрицательной корреляции смысложизненных ориентаций и локуса контроля с «негативным прошлым» и «фаталистическим настоящим». Можно утверждать, что опыт этих временных модусов препятствует формированию осмысленности жизни и способности к произвольной регуляции своего поведения и степени зависимости от различных жизненных обстоятельств в подростковом и юношеском возрасте. Еще одной общей тенденцией является представленность модуса будущего и нарастание его значения в становлении смысловой сферы личности по мере перехода от подросткового возраста к юношескому. Однако завершение юношеского возраста отличается сдвигом жизненных смыслов в сторону модуса позитивного прошлого. Специфика структуры временной перспективы смысловой сферы в подростковом и начале юношеского возраста связана с вариациями конфигурации временного модуса смысложизненных ориентаций в рамках временных модальностей «будущего» и «позитивного прошлого».

На основании проведенного нами теоретического и эмпирического исследования можно сделать вывод, что наша гипотеза о динамике структуры временной перспективы смысловой сферы личности в подростковом и юношеском возрасте подтвердилась.

Список литературы

1. Абульханова К. А., Березина Т. Н. *Время личности и время жизни*. СПб., 2001. 304 с.
2. Ковалев С. В. *Как жить, чтобы жить, или Основы экзистенциального нейропрограммирования*. М., 2013. 239 с.
3. Zimbardo P. G., Boyd J. N. Putting time in perspective : A valid, reliable individual-differences metric // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1999. Vol. 77, no. 6. P. 1271–1288.
4. Lens W. Future time perspective: A cognitive-motivational concept // *Frontiers of motivational psychology* / Eds. D. R. Brown, J. Veroff. N.Y., 1986. P. 173–190.
5. Леонтьев А. Н. *Деятельность. Сознание. Личность*. 2-е изд. М., 1977. 304 с.

6. Асмолов А. Г., Братусь Б. С., Зейгарник Б. В., Петровский В. А., Субботский Е. В., Хараиш А. У., Цветкова Л. С. О некоторых перспективах исследований смысловых образований личности // *Вопр. психол.* 1979. № 3. С. 35–45.
7. Леонтьев Д. А. *Психология смысла : природа, строение и динамика смысловой реальности*. М., 2007. 511 с.
8. Карелин А. А. Структура психологического времени и психологического возраста личности // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика*. 2013. Т. 13, вып. 4. С. 54–58.
9. Толстых Н. Н. *Хронотоп : культура и онтогенез*. М., 2010. 312 с.
10. Лазунина Е. А. Роль социального взаимодействия в когнитивной продуктивности личности // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика*. 2014. Т. 14, вып. 4. С. 73–78.
11. Нестик Т. А. Коллективный образ будущего : социально-психологические аспекты прогнозирования // *Вопр. психол.* 2014. № 1. С. 3–13.
12. Stoner J. A. F. Risky and cautious shifts in group decisions: The influence of widely held values // *J. Exp. Soc. Psychol.* 1968. Vol. 4. P. 442–459.
13. Abrams D., Wetherell M., Cochrane S., Hogg M. A., Turner J. Knowing what to think by knowing who you are: self-categorization and the nature of norm formation, conformity and group polarization // *Brit. J. Soc. Psychol.* 1990. Vol. 29. P. 97–119.
14. Сырцова А., Соколова Е. Т., Митина О. В. Адаптация опросника по временной перспективе Ф. Зимбардо на русскоязычной выборке // *Психол. журн.* 2008. № 3. С. 101–109.

The Dynamics of the Structure of Time-Perspective of Personality Meaning/Sense Sphere of Teenage and Youthful Age

A. A. Karelin

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: karelinaa@mail.ru

The article discusses the relationship of time-perspective and meaning/sense sphere of personality. The author seeks to establish scientific understandings of the personality time-perspective. Author emphasizes the need for a systematic approach in both theoretical and empirical studies of psychological time of the individual. Possible structure of the functional dynamics of psychological time of an individual is discussed. The author proves the understanding of time-perspective as a mode of any psychical processes. It makes possible to define a theoretical concept to time-perspective of personality meaning/sense sphere. Members of natural groups (such as a school class and a student group) of teenage and youthful age made sample of this research. The results of the study led to the conclusion about the dynamics of the structure of time-perspective of personality meaning/sense sphere of a given age.

Key words: time-perspective, time orientation, meaning/sense sphere, meaning/sense orientation, structure of time-perspective of personality meaning/sense sphere.

References

1. Abulkhanova K. A., Berezina T. N. *Vremya lichnosti i vremya zhizni* (Time Personality and Life Time). St.-Petersburg, 2001. 304 p.
2. Kovalev S. V. *Kak zhit, chtoby zhit, ili Osnovy ekzistencialnogo neiroprogramirovaniia* (How to live to live, or fundamentals of existential neuroprogramming). Moscow, 2013. 239 p.
3. Zimbardo P. G., Boyd J. N. *Putting time in perspective: A valid, reliable individual-differences metric*. Journal of Personality and Social Psychology, 1999, vol. 77, no. 6, pp. 1271–1288.
4. Lens W. *Future time perspective: A cognitive-motivational concept* // Frontiers of motivational psychology. Eds. D. R. Brown, J. Veroff. New York, 1986, pp. 173–190.
5. Leontyev A. N. *Deyatel'nost. Soznanie. Lichnost* (Activities. Consciousness. Person). Moscow, 1977. 304 p.
6. Asmolov A. G., Bratus B. S., Zeygarnik B. V., Petrovskiy V. A., Subbotkiy Ye. V., Kharash A. U., Tsvetkova L. S. O nekotorykh perspektivakh issledovaniy smyslovyykh obrazovaniy lichnosti (Some Prospects Research Semantic Structures of Personality). *Voprosy Psichologii* (Voprosy Psichologii), 1979, no. 3, pp. 35–45.
7. Leontyev D. A. *Psikhologiya smysla: priroda, stroeniye i dinamika smyslovoy realnosti* (Psychology of meaning: the nature, structure and dynamics of the meaning/sense of reality). Moscow, 2007. 511 p.
8. Karelin A. A. *Struktura psikhologicheskogo vremeni i psikhologicheskogo vozrasta lichnosti* (Structure of psychological time and psychological age of person). *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2013, vol. 13, iss. 4, pp. 54–58.
9. Tolstykh N. N. *Khronotop: kultura I ontogenez*. Moscow, 2010. 312 p.
10. Lazunina E. A. *Rol sotsial'nogo vzaimodeystviya v kognitivnoy produktivnosti lichnosti* (Role of Social Interaction in Cognitive Productivity of Personality). *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2014, vol. 14, iss. 4, pp. 73–78.
11. Nestik T. A. *Kollektivnyy obraz budushchego: sotsialno-psihologicheskie aspekty prognozirovaniya* (The collective image of the future: social psychological aspects of prognostication). *Voprosy Psichologii* (Voprosy Psichologii), 2014, no. 1, pp. 3–13.
12. Stoner J. A. F. *Risky and cautious shifts in group decisions: The influence of widely held values*. Journal Exp. Soc. Psychol., 1968, vol. 4, pp. 442–459.
13. Abrams D., Wetherell M., Cochrane S., Hogg M. A., Turner J. *Knowing what to think by knowing who you are: self-categorization and the nature of norm formation, conformity and group polarization*. Brit. Journal Soc. Psychol. 1990, vol. 29, pp. 97–119.
14. Syrtsova A., Sokolova E. T., Mitina O. V. *Adaptatsiya oprosnika po vremennoy perspective F. Zimbardo na russkoymychnoy vyborke* (Adaptation of Zimbardo time perspective inventory). *Psikhol. zhurn.* (Psychological Journal), 2008, no. 3, pp. 101–109.

УДК 159.923+316.62

ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ

Козловская Наталья Владимировна —

кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии,
Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь
E-mail: natalya-kozlovsk@mail.ru

В статье дан обобщенный анализ имеющихся в психологии работ по проблеме агрессии. Приводятся результаты эмпирического исследования личностных детерминант агрессивного поведения подростков; проводится сравнительный анализ индивидуально-психологических особенностей подростков с разным уровнем проявления агрессивности. Проанализированы и описаны типичные реакции подростков на фрустрирующие ситуации в зависимости от уровня агрессивности. Выявлена специфика Я-концепции подростков с разным уровнем агрессивности. Делается вывод о том, что в зависимости от уровня агрессивности агрессия может выступать: как реакция на фрустрирующую ситуацию, связанную с отношением окружающих к Я-концепции подростка, как способ самоутверждения, как эмоциональная реакция на окружающую действительность.

Ключевые слова: агрессия, агрессивность, трудные ситуации, поведение, тип личности, фрустрация.

DOI: 10.18500/1819-7671-2015-15-4-88-93

Поведение индивида в обществе определяется воздействием ситуации, в которой он оказывается, а также теми личностными качествами, которые он проявляет в этой ситуации. Большинство современных теорий, затрагивающих проблему агрессивного поведения, допускают, что оно опосредуется внешними факторами, имеющими отношение к ситуации или к окружающей обстановке, когнитивными переменными

и системами, а также внутренними факторами, отражающими характерные черты и склонности конкретного агрессора [1]. З. Фрейд, К. Лоренц и др., разрабатывая теории агрессии, основной акцент в поиске глубинных причин агрессивности делали на индивидуальных, или внутренних детерминантах агрессивного поведения. Р. Бэрн, Д. Ричардсон [2], А. А. Реан [3] и др. считают, что именно личностные особенности играют ключевую роль в развитии агрессивности, и это подтверждают на практике результаты их многочисленных исследований.

Необходимо отметить, что за последние годы в науке накопилось немало интересных данных о специфике агрессивности различных слоёв населения России, ближнего и дальнего зарубежья (Э. Аронсон, И. Б. Бойко, Б. Кретти, И. П. Короленко, Т. А. Донских и др.). Изучались её особенности у лиц разного пола, возраста, образования (К. Бютнер, Р. Бэрн, Д. Ричардсон, Н. А. Дубинко, А. К. Осницкий, Г. Паренс и др.), степени асоциальности, разных профессий, национальностей, рас и культур (Р. Бэрн, Д. Ричардсон, В. В. Денисов, С. Н. Ениколопов и др.). Современные исследования направлены на изучение особенностей агрессии на уровне её индивидуальных и межличностных проявлений (Ф. Римап, К. Наранхо, А.А. Рояк, К. Хорни и др.). Предпринимаются попытки выявления связи агрессивных тенденций в поведении человека с системой господствующих социально-культурных ценностей и стереотипов (Э. В. Матюхина, С. Г. Пилецкий, Н. В. Козловская, П. Поппер, Й. Раншбург, Х. Хекхаузен и др.), зависимости агрессии от некоторых аспектов окружающей естественной среды, связи агрессии с коммуникативными навыками детей (Э. В. Матюхина, Дж. Дюма, А. А. Робак и др.), влияния жестоких видеоигр на формирование «враждебных представлений» об окружающем мире и усиление агрессивного поведения (К. Андерсон, К. Е. Дилл). Исследователи все чаще обращаются к поиску эффективных сдерживающих стратегий агрессии (К. Бютнер, Т. Г. Румянцев, Л. М. Семенюк, Э. Фромм, И. А. Фурманов и др.).

При таком интенсивном развитии данной проблематики существует ряд нерешённых вопросов. Мало изученным остаётся проблема влияния на агрессию межличностных стрессоров, к которым относят территориальное вмешательство, нарушение персонального пространства, высокую плотность населения (М. Фридман, Ф. Уорчел, А. Тедли, Д. Стокдейл, Дж. Мэттьюс и др.). До конца не найдено объяснение причин «узаконенности» некоторых социальных стереотипов мужественности и женственности, ис-

пользуемых родителями в процессе воспитания детей (У. Маккорд, Дж. Маккорд, А. Бандура, Р. Уолтерс, Дж. Дэвитц и др.), которые становятся официально приемлемыми, воспроизводимыми и постоянно тиражируемыми. Недостаточно изучены проблема социально мотивированной или просоциальной агрессии (А. А. Реан, Э. Фромм, Л. М. Семенюк и др.), проблема влияния индивидуальных особенностей личности (привычек, ценностных ориентаций, установок и т.п.) на развитие и проявление агрессии (Л. Берковиц, Д. Шварц и др.), зависимости агрессивных тенденций в поведении от существующего способа овладения языком (запаса лексики), а также когнитивных процессов – так называемый феномен «прайминга» (Л. Берковиц, Ч. Карвер, Р. Ганеллен, У. Фромминг, У. Чамберс, Н. В. Козловская). Поэтому столь очевидной становится актуальность изучения социально-культурных и психологических компонентов агрессии, а также способов её снижения.

Действительно, поведение индивида в обществе определяется воздействием ситуации, в которой он оказывается, а также теми личностными качествами, которые он проявляет в этой ситуации. При этом большинство современных теорий, затрагивающих проблему агрессивного поведения, допускают, что оно определяется внешними факторами, имеющими отношение к ситуации или к окружающей обстановке, когнитивными переменными и системами, а также внутренними факторами, отражающими характерные черты и склонности конкретного агрессора, среди которых можно выделить индивидуально-психологические особенности человека. Их влияние на формирование и проявление агрессивного поведения до сих пор остается одной из наименее изученных проблем в психологии. В связи с этим возникает необходимость организации и проведения специального исследования, направленного на изучение взаимосвязи индивидуально-психологических особенностей подростков и агрессивных форм поведения. Это обусловлено в первую очередь тем, что поведение человека в социуме зависит не только от ситуации, в которой он находится, или от воздействия на него окружающих людей, но и от особенностей его личности: склонностей, интересов, развития эмоциональной сферы, индивидуальных качеств, которые проявляются в этой ситуации.

Общая выборка составила 120 человек: испытуемые – учащиеся 7–8 классов Вечернего лицея, лицея № 17, школы № 7 г. Ставрополя в возрасте 13–15 лет. В качестве диагностического инструментария применен комплекс методик:

«Опросник уровня агрессивности» Басса–Дарки в адаптации Л. Г. Почебут, «Сокращенный многофакторный опросник личности» (СМОЛ) в адаптации В. П. Зайцева и В. Н. Козюли, модифицированная форма «В» Фрайбургского личностного опросника (FPI), модифицированный вариант опросника «Решение трудных ситуаций» (РТС) Я. Боукала, «Индивидуально-типологический опросник» (ИТО) Л. Н. Собчик, «Методика исследования самооотношения» (МИС) С. Р. Пантлеева; методы статистической группировки данных (корреляционный и дисперсионный анализ).

На основании методики Басса–Дарки по показателям уровня проявления агрессивности вся выборка была разделена на три группы. Дальнейшая работа предполагала выделение и анализ индивидуально-психологических особенностей респондентов каждой группы.

Анализ результатов испытуемых с высоким уровнем агрессивности: данные МИС дают нам возможность построить структуру личности и выделить отношения подростков к собственному «Я». Было установлено, что испытуемые воспринимают себя, собственное «Я» как ценность (таблица). При этом они считают, что окружающие должны тоже позитивно относиться к ним. Ощущение силы «Я» респондентов связано с достаточной самоуверенностью, проявляющейся в поведении.

Схема строения самооотношения у испытуемых с разным уровнем агрессивности

Шкалы МИС	Уровни агрессивности		
	Высокий	Средний	Низкий
Открытость	5,92	6,4	6,5
Самоуверенность	6,72	6,6	5,6
Саморуководство	6,64	6,7	5,5
Отраженное самооотношение	5,88	6,3	5,8
Самоценность	6,97	7	5,1
Самопринятие	6,48	6,2	5,1
Самопривязанность	6,44	6,7	6,1
Внутренняя конфликтность	5,92	4,6	4,8
Самообвинение	5,66	4,3	4,5

Для подростков данной группы характерно принятие себя такими, какие они есть, несмотря на возможные недостатки. Однако слабая выраженность некоторых шкал, таких как «самоотношение», «внутренняя конфликтность», «самообвинение», «открытость», может указывать на то, что испытуемые данной группы склонны, хотя и в слабой степени, ставить под

сомнение адекватность восприятия другими их личностных качеств. Возможно, это объясняется реальным отношением к подросткам других людей, находящимся с ними рядом. Поэтому в определенных ситуациях подростки могут испытывать отрицательные эмоции по отношению к собственному «Я». Такое амбивалентное (положительно-отрицательное) отношение к себе может быть связано с защитными функциями самосознания испытуемых. Однако в целом эмоционально-ценностное отношение подростков данной группы к себе является позитивным.

Анализ данных методики FPI показал, что подростки первой группы уделяют значительное внимание собственным чувствам и переживаниям, склонны к аффективным реакциям, являются импульсивными и возбудимыми. При этом внутреннее напряжение, неуверенность, недоверие к другим, повышенная возбудимость и раздражительность проявляются в агрессивных реакциях по отношению к окружающим, в отстаивании своих взглядов, мнения, в стремлении к доминированию. Для них характерны частые колебания настроения. Высокие баллы по шкале «открытость» (7,44) свидетельствуют о стремлении респондентов первой группы к доверительно-откровенному взаимодействию с окружающими людьми при высоком уровне самокритичности, что подтверждается данными по методике МИС. Однако средняя степень выраженности таких шкал, как «общительность» (5,44), «уравновешенность» (5,98), «застенчивость» (6,36) и «экстраверсия» (6,61) свидетельствует о небольшой активности наших респондентов в социальной жизни, а также слабой устойчивости по отношению к воздействию стресс-факторов жизненных ситуаций, что может быть связано с недостаточной уверенностью в себе. Полученные данные подтверждаются результатами методики СМОЛ, где наибольшую выраженность получила шкала «гипомании» (64,17), свидетельствующая, что для данной выборки характерны эгоцентризм, эмоциональная незрелость, самоуверенность, трудность в контактах, стремление быть в центре внимания, легко возникающие агрессивные тенденции. Такие подростки характеризуются недружелюбным отношением к окружающим, их самооценка отличается от оценки других, что вызывает у них сильное беспокойство. У испытуемых первой группы наблюдается повышение показателей и по шкале «паранойя» (59,68), что характерно для аффективных, обидчивых и упрямых, однако искренних и наивных людей. Таким образом, сочетание этих шкал подтверждает наличие эмоциональной незрелости, конфликтности, агрессивных реакций на ситу-

ацию у наших испытуемых. Данные методики СМОЛ позволили нам отнести первую выборку испытуемых к эпилептоидно-возбудимому типу личности, характеризующемуся аффективной взрывчатостью, внутренней раздраженностью, недовольством окружающими. Агрессия у таких людей направлена обычно вовне.

По показателям методики ИТО данная группа отличается повышенной (даже избыточной) общительностью, часто носящей поверхностный характер, импульсивным поведением, низкой подчиняемостью другим, эмоциональной неустойчивостью, склонностью к агрессивным поступкам, носящим характер хулиганских действий (высокие баллы по шкалам «экстраверсия», «агрессивность»). Кроме того, испытуемые данной группы отличаются упрямством в отстаивании своей точки зрения, выраженным упорством в достижении цели («ригидность» – 5,88). Для них важен собственный статус – агрессивно отстаивают свои права. При этом они раскованны, склонны к самоутверждению, стремятся к независимости, нарушают правила и нормы поведения в основном из-за противоречия с окружающими (высокие показатели по шкалам «спонтанность» и «эмотивность»). Необходимо отметить, что выраженность этих шкал соответствует шести баллам и выше, что означает, что выделенные свойства создают проблемы не только самим подросткам, но и окружающим людям, и затрудняют их адаптацию в социуме [4].

По тесту РТС были выявлены наиболее типичные реакции на фрустрирующие и трудные ситуации: у испытуемых возрастает стремление к достижению цели и проявляется вербальная агрессия на окружающих. В процессе решения конкретной ситуации испытуемые пытаются снизить психическое напряжение, вызванное данной ситуацией, используют компенсаторные механизмы (заняться другим, более интересным делом, отвлечься, взять более лёгкое задание и др.). При неудовлетворительном исходе подростки могут использовать агрессию по отношению к людям или уход. Таким образом, мы полагаем, что агрессия в первой группе испытуемых выступает как реакция на фрустрирующую ситуацию, связанную с отношением окружающих к Я-концепции испытуемых, к их мнению и решениям. Такая негативная реакция на позицию других людей обусловлена, на наш взгляд, высокой самооценкой и уровнем самопринятия.

Анализ результатов респондентов со средним уровнем агрессивности: так же, как и у респондентов первой группы, у данных субъектов был выявлен высокий уровень самооценки (см. табл.). Высокие баллы по шкалам «саморуковод-

ство» и «самопринятие» показывают, что обследуемые не только принимают себя как личность, симпатизируют себе, но и осознают, что именно от них зависят результаты их деятельности и развитие личности. Анализ пунктов опросника, входящих в данные шкалы, показывает, что респонденты второй группы пытаются справиться с эмоциями и переживаниями по поводу собственной Я-концепции. Для них характерно отношение к себе как к уверенному, самостоятельному человеку, стремящемуся познать себя. Для этой группы не свойственно заниматься самообвинениями, анализировать свои неудачи и промахи, что может свидетельствовать либо о закрытости, либо об отрицании проблем. Однако для подростков второй группы характерно проявление реактивной агрессивности (6,9 балла по методике FPI), что выражается в стремлении отстаивать свои взгляды, доминировать над другими. Кроме того, у представителей данной группы был выявлен высокий уровень экстраверсии (6,3) и ригидности (6 баллов) по методике ИТО, что свидетельствует о высоком уровне общительности респондентов, а также упорстве в достижении поставленной цели и упрямстве в отстаивании собственного мнения, для чего могут использоваться агрессивные формы поведения. Такое сочетание шкал может также свидетельствовать о формировании у респондентов второй группы «сильного» (гипертимного) типа поведения. Показатели по остальным шкалам данной методики находятся в пределах 4–5 баллов, что указывает на акцентуированные черты, не ведущие, однако, к социальной дезадаптации [4]. Высокий показатель по шкале «агрессивность» (5,2) говорит об уверенности в себе, стремлении к самоутверждению, самостоятельности. Выраженность показателей по шкале «эмотивность» (5,4) может указывать на то, что наши испытуемые любят быть в центре внимания, легко входят в любые социальные роли, впечатлительны.

Показатели методики РТС определили способы поведения испытуемых второй выборки в трудных ситуациях. Для них наиболее характерным является «достижение цели», несмотря на препятствия. В некоторых ситуациях при блокировании потребности в достижении они могут прибегать к вербальной агрессии. Таким образом, можно утверждать, что для испытуемых со средним уровнем агрессивности характерны позитивное восприятие собственной Я-концепции, ощущение своей ценности, значимости, силы своего Я, а агрессия используется как способ самоутверждения.

Анализ данных третьей группы респондентов с низким уровнем агрессивности: характе-

ризуя респондентов данной группы, необходимо отметить, что они отличаются критичностью, стремлением к познанию себя, обладают открытостью и честностью по отношению к себе (см. табл.), принимают себя такими, какие есть, хотят, чтобы и другие относились к ним с пониманием и одобрением. По результатам опросника FPI были обнаружены низкие значения по шкале «общительность» (3,1 балла) и «экстраверсия» (3,6), что позволяет говорить об интровертированности испытуемых, проявляющейся в стремлении избегать контактов с окружающими, низкой социальной активности, слабой потребности в общении. По тесту ИТО была выявлена эмоциональная неустойчивость (шкала «эмотивность» – 5,8), что проявляется в быстрой смене настроения, впечатлительности, богатом воображении, склонности к фантазированию. Такие подростки любят быть в центре внимания, часто подражают окружающим. Однако низкие показатели по шкале «спонтанность» (3,1) могут свидетельствовать о том, что они стараются не нарушать норм поведения, не стремятся к лидерству, самоутверждению и независимости. При столкновении с трудностями используют стратегию достижения цели, опираясь на различные способы снижения напряжения. Испытуемые данной группы не используют в своем арсенале такие виды поведения, как наркотизацию (0,3 балла), агрессию к людям (2,8), к себе (1,5), к предметам (3,1), не стараются избегать трудных ситуаций (3,3), практически не прибегают к вербальной агрессии (4 балла). Таким образом, респонденты с низким уровнем агрессивности отличаются стремлением соответствовать требованиям окружающих, подражать их манере поведения. Однако такой способ взаимодействия с социумом вызывает у них трудности, что приводит к редким всплескам агрессии, являющимся, в основном, реактивным или спонтанным ответом на изменяющуюся ситуацию, связанным с неустойчивым настроением.

Проведенный нами корреляционный и дисперсионный анализ данных показал тесную связь между агрессивностью и некоторыми индивидуально-психологическими особенностями подростков (значимость на уровне $p < 0,05$). Было выявлено, что с агрессией коррелируют такие индивидуальные особенности, как самообвинение ($r = 0,452$), невротичность ($r = 0,332$), спонтанная и реактивная агрессивность ($r = 0,456$), депрессия ($r = 0,371$), раздражительность ($r = 0,560$), экстраверсия ($r = 0,361$), эмоциональная лабильность ($r = -0,412$), самокритичность, тревожность (у испытуемых с высоким уровнем агрессивности); открытость (наиболее выражена

у испытуемых с низким уровнем агрессивности: $r = 0,397$). Кроме того, выявлена корреляция между уровнем агрессивности и такими поведенческими паттернами, как уход, сравнение своих проблем с другими, механизмы снижения психического напряжения, вербальная агрессия, агрессия по отношению к людям, к предметам и к себе, что свидетельствует о неэффективных путях решения ситуаций, а значит и слабой адаптации лиц с высоким уровнем агрессивности.

Сравнение результатов исследования всех трёх групп показало, что существуют некоторые общие особенности, характеризующие всех подростков, которые проявляются в позитивном отношении подростков к себе, понимании ценности собственного «Я», высокой степени самопринятия, однако выявлены и значительные отличия в структуре «Я», что и определяет особенности агрессивных проявлений у испытуемых.

Было установлено, что подростки, для которых характерен высокий уровень агрессивности, отличаются раздражительностью, невротичностью, депрессивностью, эмоциональной неустойчивостью, аффективной взрывоопасностью, импульсивностью, ригидностью, что создаёт трудности не только для них, но и окружающих, а также мешает им успешно адаптироваться в социуме. В результате формируется эпилептоидно-возбудимый тип личности. Для подростков со средним уровнем проявления агрессивности свойственны высокий уровень экстраверсии, эмотивность, стремление к самоутверждению, уверенность в себе, самостоятельность, что свидетельствует о проявлении гипертимного типа поведения. В то же время подростки с низким уровнем агрессивности интровертированы, обладают высоким уровнем эмотивности, поэтому стремятся не нарушать нормы поведения в социуме.

В ходе исследования было выявлено, что специфика отношения подростков к собственной Я-концепции, особенности самосознания связаны с уровнем их агрессивности. Так, подростки с высоким уровнем агрессивности отличает амбивалентное отношение к себе: при высокой степени самоуверенности, принятии себя как личность, они сомневаются в позитивном отношении окружающих к их Я-концепции; подростки со средним уровнем агрессивности воспринимают себя уверенными, самостоятельными, стремящимися к самопознанию, а подростки с низким уровнем агрессивности характеризуются критичностью по отношению к себе, стремятся к одобрению со стороны окружающих.

Проведенный нами анализ эмпирических данных показал, что поведение подростков в

трудных ситуациях обусловлено уровнем агрессивности: подростки с высоким уровнем агрессивности, в отличие от средне- и низкоагрессивных, используют компенсаторные механизмы и механизмы снижения значимости проблемы, вплоть до наркотизации и ухода; для подростков со средним и низким уровнем агрессивности наиболее характерными способами решения ситуаций является достижение цели. Однако подростки со средним уровнем агрессивности при блокировании потребности в достижении прибегают к вербальной агрессии, а подростки с низким уровнем агрессивности опираются на социально приемлемые способы снижения напряжения.

Кроме того, проведенное исследование позволило выявить индивидуально-психологические особенности лиц с разным уровнем агрессивности и определить, чем обусловлены особенности проявления агрессии у подростков:

а) у подростков с высоким уровнем агрессивности агрессия выступает как реакция на фрустрирующую ситуацию, связанную с отношением окружающих к их Я-концепции;

б) у подростков со средним уровнем агрессивности агрессия используется как способ самоутверждения;

в) у подростков с низким уровнем агрессивности агрессивные реакции могут быть связаны с особенностями эмоциональной сферы, эмоциональными реакциями на окружающую действительность.

Однако проведенное нами исследование выделяет только один из аспектов в изучении одной из актуальных проблем современности – проблемы детерминант агрессивного поведения. Возникновение данной проблемы и возведение её в ранг важнейших, в первую очередь, обуславливается сложной атмосферой современного общества.

Список литературы

1. Козловская Н. В. Исследование представлений об агрессии и агрессивном человеке в обыденном сознании // Вестн. : сб. науч. тр. Сер. Гуманитарные науки. 2003. № 2 (9). С. 152–156.
2. Бэрон Р., Ричардсон Д. Агрессия. СПб., 1997. 352 с.

3. Реан А. А. Агрессия и агрессивность личности // Психол. журн. 1996. № 5. С. 3–19.
4. Собчик Л. Н. Диагностика индивидуально-типологических свойств и межличностного отношения. СПб., 2002. 96 с.

Individual and Psychological Determinants of Aggressive Behaviour of Teenagers

N. V. Kozlovskaya

North Caucasian Federal University
1, Pushkin str., 355009, Stavropol, Russia
E-mail: natalya-kozlovsk@mail.ru

This article given the generalized analysis of the works on an available aggression problem in psychology. The results of empirical research personal a determinant of aggressive behavior of teenagers are given. The comparative analysis of individual and psychological features of teenagers with the different level of manifestation of aggression is carried out. Typical reactions of teenagers to the frustrating situations depending on aggression level are analysed and described. Specifics of «I-concept» of teenagers with the different level of aggression are revealed. The conclusion of it is that depending on aggression level aggression can act as reaction to the frustrating situation connected with the relation of people around to the I-concept of the teenager is drawn; as way of self-affirmation; as emotional reaction to surrounding reality.

Key words: aggression, difficult situations, behavior, type of the personality, frustration.

References

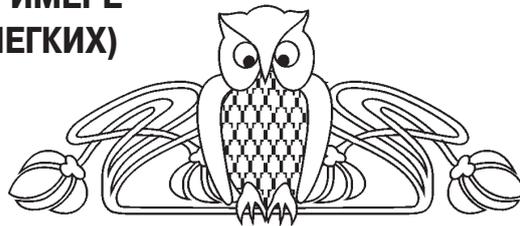
1. Kozlovskaya N. V. Issledovaniye predstavleniy ob agressii i agressivnom cheloveke v obydennom soznanii (Research of representations of aggression and the aggressive person in ordinary consciousness). *Vestnik: sb. nauch. tr. Ser. Gumanitarnye nauki* (Bulletin: Collection of scientific works. Ser. Humanities sciences), 2003, no. 2 (9), pp. 152–156.
2. Baron R. A., Richardson D. R. *Human aggression*. New York, 1994 (Russ. ed.: Baron R. A., Richardson D. R. *Agressiya*. St.-Petersburg, 1997. 352 p.).
3. Rean A. A. Agressiya i agressivnost lichnosti (Aggression and aggression of the personality). *Psikhol. zhurn.* (Psychological Journal), 1996, no. 5, pp. 3–19.
4. Sobchik L. N. *Diagnostika individualno-tipologicheskikh svoystv i mezlichostnogo otnosheniya* (Diagnostics of individual and typological properties and interpersonal relation). St.-Petersburg, 2002. 96 p.

УДК 316.6+159.9:61

СУБЪЕКТИВНАЯ РЕСУРСНОСТЬ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДИКТОРОВ СИТУАЦИИ БОЛЕЗНИ (НА ПРИМЕРЕ ОСТРЫХ И ХРОНИЧЕСКИХ ЗАБОЛЕВАНИЙ ЛЕГКИХ)

Орлова Мария Михайловна – кандидат психологических наук, доцент кафедры консультативной психологии, Саратовский государственный университет
E-mail: orlova-maria2010@mail.ru

В статье рассматривается субъективная ресурсность социальных предикторов ситуации болезни при острых и хронических заболеваниях легких. Социальные факторы ситуации болезни рассматриваются с точки зрения их ресурсности или травматичности в контексте преодоления болезни. Автор анализирует специфичность субъективного восприятия социальных факторов в ситуации острого, хронического заболевания, а также в ситуации инвалидизации. Рассматривается влияние на адаптационные стратегии следующих социальных факторов: пола, возраста, уровня образования, профессионального статуса, наличия супружеской семьи и детей, стажа болезни. Подчеркивается, что объективная и субъективная составляющая болезни не совпадают, особенно при тяжелых соматических заболеваниях. Данное исследование выполнено в рамках субъектно-социального подхода к исследованию внутренней картины болезни.

Ключевые слова: ситуация болезни, субъективная ресурсность, социальный предиктор.

DOI: 10.18500/1819-7671-2015-15-4-94-98

Субъектно-социальный подход можно рассматривать как наиболее интегративный в описании механизмов ситуаций здоровья и болезни, поскольку он изучает человека в его целостности. Модели оценки адаптационной эффективности и субъективной ресурсности личности в этих обстоятельствах являются проявлением телесности, социальной ситуации и субъектности, которая реализуется в адаптационных стратегиях совладания на различных этапах жизненного пути личности. Социальные факторы (пол, возраст, уровень образования, профессиональные достижения, наличие семьи) при таком рассмотрении ситуации болезни могут быть как ресурсами адаптационного процесса, так и травмирующими факторами, утяжеляющими объективные обстоятельства болезни и ослабляющими субъективные возможности ее преодоления.

Социально-психологические ситуации здоровья и болезни рассматриваются как результат осмысления жизненных обстоятельств, опосредованно, через значимость и ценность здоровья и социальной роли здорового человека. В результате этого формируется субъективное жизненное пространство личности как когнитивно

представленный и психически переработанный субъективный мир.

Эффективность адаптации к ситуации болезни при заболеваниях легких может определять как течение заболевания, так и его прогноз, оценку качества жизни и социальное функционирование пациента [1]. Невозможность создать удовлетворяющие взаимодействия с социальным окружением способствуют формированию отношений с миром, предполагающих дефицитарность.

А. Н. Алехин подчеркивает необходимость уделять внимание особенностям личностных переживаний ситуации болезни [2] и зависимость этих переживаний от принятия роли больного человека [3]. Поскольку бронхиальная астма относится к инвалидизирующим заболеваниям, то к нарушениям телесности присоединяются социальные ограничения, затрудняющие социальные взаимодействия и профессиональную реализацию. Можно говорить о необходимости выделения социоцентрической парадигмы изучения личностных трансформаций соматического больного, в том числе при бронхиальной астме.

Система идентификаций больных бронхиальной астмой связана с реализацией себя в социальных ролях и соответствующих им сферах деятельности. Состояние негарантированности этой возможности, кризис идентичности здорового человека, конфликты в межличностных отношениях могут способствовать утяжелению течения болезни [4]. Трансформация личности в ситуации болезни преимущественно связана с процессом самоопределения в новых социальных ролях [5].

К объективным составляющим ситуаций болезни мы относим опыт телесных возможностей, релевантных здоровью, а также реализацию в сфере социальных достижений [6]. Сама болезнь и ее социальные последствия определяют ситуацию болезни как объективно трудную жизненную ситуацию, имеющую психологическую «цену» для личности. Изменение социальных взаимодействий уменьшает объек-

тивные возможности реализации ведущих мотивов личности, их трансформацию, формирование идентификации себя с ролью больного человека. В этом случае можно говорить об изменившемся качестве жизни и субъективной ресурсности. При определении той или иной ситуации болезни учитывается тяжесть и обратимость заболевания, социальный статус больного или инвалида, а также имеющиеся социальные ресурсы, в частности, образование, профессиональный статус, семейные возможности.

К субъективным составляющим ситуаций болезни, на наш взгляд, относятся:

субъективное благополучие ситуации, выражающееся в оценке качества жизни;

оценка себя в контексте такой ситуации, которая реализуется в исследовании феномена идентичности: на когнитивном уровне это – анализ представлений о здоровье и здоровом человеке, анализ представлений о больном человеке, исследовании системы идентификаций, на эмоциональном – в исследовании самоотношения и эмоционального уровня отношения к здоровью и болезни;

адаптационные стратегии в ситуации болезни, определяющие взаимодействия со средой, как физической, так и социальной. В нашем исследовании это представлено в изучении личностных копинг-стратегий и психологических защит. Характер социальной адаптации мы рассмотрели на примере семейных отношений.

Таким образом, субъективные составляющие ситуации болезни могут рассматриваться как система личностной и социальной адаптации на когнитивном, эмоциональном и мотивационном уровнях в системе оценивания субъективного благополучия и изменений личности в связи с пониманием ситуации.

Для хронических заболеваний можно выделить ситуацию болезни, которая предполагает необратимость её влияний, новый социальный статус «больного» человека и обуславливает необходимость вести другой образ жизни, взаимодействовать с медицинскими учреждениями и медицинскими работниками, осуществлять медицинские мероприятия и соотносить имеющиеся жизненные цели с ограниченными болезнью возможностями. При этой ситуации возможна компенсация вызывающих ее факторов.

При присвоении инвалидности возникает новая ситуация: утрата профессиональных возможностей, как правило, нарушает прежнее течение жизни. Возникновение социальной роли инвалида формирует новые взаимодействия с миром в соответствии с этим социальным статусом. Объективные факторы болезни, создавая

ту или иную ситуацию, при всем их значении фатально не определяют характер личностных изменений больного. Влияние, оказываемое ими, опосредовано, прежде всего, субъектностью, значимостью для личности тех ее мотивов, которые стали ограниченными или невозможными в связи с болезнью, а также изменением системы идентификаций.

Целью нашего исследования является анализ субъективной ресурсности социальных факторов больных острыми и хроническими заболеваниями легких.

Материалы и методы: были обследованы мужчины и женщины в возрасте от 18 до 60 лет, больные пневмонией (24 человека), бронхиальной астмой легкой и средней степени тяжести (76 человек) и бронхиальной астмой средней и тяжелой степени тяжести – инвалидов 2-й группы (58 человек). Представленные группы больных включали испытуемых со средним, средним специальным и высшим образованием, рабочих и специалистов, в большинстве имеющих семью и детей. При наличии хронического заболевания срок болезни составлял от года до 20 лет. Выраженность социально-демографических показателей существенно не различается.

Был использован комплекс методов: методика анализа системы идентификаций «Кто Я», методика МИС, анализ представлений о здоровом и больном человеке по материалам структурированного интервью (М. М. Орловой), «Исследование жизненного стиля» Келлермана–Плутчика–Конте, методика «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса, С. Фолкмана, исследующая копинг-стратегии, методика «Адаптивность» А. Г. Маклакова, методика «Шкала семейного окружения» С. Ю. Куприянова, методика «Ретроспективной оценки переживания здоровья и болезни» (М. М. Орловой).

Обсуждение результатов: объективная составляющая первой ситуации болезни, в случае острой пневмонии, связана с нарушением планов на будущее, изменением образа жизни, с ограничением круга общения, опытом лечения и повышенной утомляемостью.

К ситуации хронического заболевания в нашем исследовании относятся ситуации больных бронхиальной астмой легкой и средней степени тяжести, сопровождающейся повышенной утомляемостью, ограничениями в психической и физической нагрузке. К ситуации инвалидности относятся больные бронхиальной астмой, инвалиды второй группы тяжелого течения, гормонально зависимые, с длительным лечением в стационаре, утратой или угрозой утраты профессиональной деятельности.

Анализ субъективной ресурсности социально-демографических показателей [7] был проведен с помощью корреляционного анализа этих показателей и особенностей самоотношения, адаптационных стратегий, отношения к здоровью и болезни, представлений о семейных отношениях.

Анализ влияния отнесенности к полу показал, что для мужчин, больных пневмонией, характерно большее самопринятие (0,564), психологические защиты, такие как: вытеснение (0,527), замещение (0,514); контроль в семейных отношениях (0,429), снижение идентификации с материальными проблемами (-0,412) и опоры на семейные отношения в сохранении здоровья (-0,488). Для женщин характерны: снижение позитивного самоотношения (-0,564), идентификация с экономическими и хозяйственными задачами (0,412), повышение опоры на семью в сохранении здоровья (0,488). Можно говорить о большей тревожности женщин в ситуации острого заболевания и более личностном отношении к болезни. Поиск ресурсности в семейных отношениях также более характерен для женщин.

По данным корреляционного анализа, для мужчин, больных бронхиальной астмой, характерна большая субъективная недостаточность как социальных, так и личностных ресурсов, к которым относится: наличие семьи (-0,259), детей (-0,338), позитивное самотношение, прежде всего, самоуважение (-0,267), снижение возможности находить позитивное в ситуации (-0,320), повышение вытеснения (0,333) и замещения (0,456). Это способствует ипохондрическому сужению мотивационной и идентификационной систем, в частности, идентификации себя с социальными ролями (-0,402). Для женщин подобное менее характерно: они сохраняют систему социальных ресурсов, для них значимы здоровье (0,270), семья (0,289), что позволяет не ограничивать своё восприятие только ролью больного.

Женщинам-инвалидам 2-й группы, больным бронхиальной астмой, более свойственны сохранность профессиональных позиций (0,534), значимость идентификации себя с социальными ролями (0,530), снижение уверенности в себе (-0,579). Для мужчин-инвалидов более характерна утрата профессиональных позиций, значимости идентификаций с социальными ролями и, вместе с тем, более выраженная самоуверенность (0,579).

Можно говорить о различии адаптационных стратегий мужчин и женщин в ситуации инвалидности: мужчины направлены на личностные возможности, женщины – на социальные связи.

По-видимому, женщины более личностно реагируют на возникновение болезни, что отражается на утрате позитивного самоотношения, вместе с тем у них дольше сохраняются социальные взаимодействия и опора на семейные отношения. Мужчины чаще используют адаптационные стратегии, защищающие самоотношение при остром течении болезни, и более подвержены ипохондрическому развитию личности.

Анализ влияния возраста показал, что при пневмонии он увеличивает социальные ресурсы. Об этом свидетельствуют корреляции с наличием семьи (0,581) и детей (0,680), саморуководством (0,453), сплоченностью семьи (0,453), личностным адаптационным потенциалом (0,549). При бронхиальной астме также можно говорить об оптимистическом влиянии возраста на наличие социальных и личностных ресурсов. Так, с возрастом больные чаще имеют семью (0,5) и детей (0,326), у них выше самоуважение (0,251), ориентация на достижение в семье (0,234).

В группе инвалидов, больных бронхиальной астмой, возраст имеет связь с усилением душевного дискомфорта. Это проявляется в корреляции со стажем болезни (0,624), наличием супружеских отношений (0,631), снижением оценки качества жизни в духовной сфере (-0,489).

Таким образом, возраст, с одной стороны, сочетается с обретением социальной зрелости, с другой – в ситуации инвалидизации и после 40 лет может снижать субъективную ресурсность.

Уровень образования в ситуации острого заболевания также повышает социальный капитал личности, выражающийся в профессиональном статусе (0,482), идентификации себя с общительным человеком (0,464), снижает внутриличностный конфликт (-0,428). В ситуации хронического заболевания снижает проблемность ситуации, сочетаясь с повышением общего объективного социального капитала личности – высокий профессиональный статус (0,310), наличие супружеской семьи (0,330), детей (0,319) и возможность обрести опору в себе при сохранении здоровья (0,238).

При наличии инвалидизации уровень образования стимулирует поиск социальной поддержки (0,495), хотя и снижает самопривязанность (-0,603) и значимость здоровья (-0,510). По-видимому, уровень образования можно рассматривать как оптимизирующий фактор в сохранении адаптационных возможностей и социальных позиций больного, хотя он может и усиливать претензии к себе.

Анализ ресурсности профессионального статуса больного при пневмонии показал, что

он сочетается с самопривязанностью (0,406), значимостью здоровья как возможности быть активным (0,417), повышением субъективной значимости представления о социальном одобрении желания быть здоровым (0,444). Возможно, это связано с тем, что профессиональный статус является ресурсом, позволяющим сохранить активность и позитивное самоотношение.

Профессиональный статус в ситуации бронхиальной астмы усугубляет ситуацию болезни, снижая самооценку ($-0,233$) и повышая внутренний конфликт (0,231). Видимо, больные с большим профессиональным статусом более критичны к себе в ситуации хронического заболевания.

Сохранность профессионального статуса в ситуации инвалидизации является социальным ресурсом сохранения идентичности. С увеличением профессионального статуса повышается значимость переживания здоровья (0,538), идентификаций с социальными ролями (0,596), представлений о социальном одобрении желания быть здоровым (0,581) и снижает страх перед негативными последствиями болезни ($-0,552$). Травматичным является сама угроза утраты профессионального статуса. Сохранность профессиональной востребованности, следовательно, можно рассматривать как ресурс личностной эффективности и гармоничности.

Наличие супружеской семьи у больных пневмонией подчеркивает повышение личностного адаптационного потенциала (0,684), снижает регрессию ($-0,591$) и замещение ($-0,662$). По-видимому, следует считать этот фактор социальным ресурсом больного.

Наличие детей более характерно для женщин и мобилизует личность на преодоление, коррелирует с возрастом (0,680), нервно-психической устойчивостью (0,595), страхом болезни (0,414), направленностью на ее преодоление (0,475), опорой на семейные отношения в сохранении здоровья (0,447). Следовательно, фактор наличия детей может рассматриваться как оптимизирующий.

При бронхиальной астме наличие супружеской семьи также является ресурсом личности. Сохранные супружеские отношения характерны для зрелых (0,500) женщин (0,259) с высоким образованием (0,330). Они сочетаются с более высоким саморуководством (0,270), нервно-психической устойчивостью (0,246), повышением оценки качества жизни (0,235), снижением дистанцирования ($-0,231$), идентификацией себя с социальными ролями (0,479).

Наличие детей усиливает значимость переживания здоровья (0,356) и страх болезни

(0,263), повышает саморуководство (0,262) и самоуважение (0,257), отрицание как психологическую защиту (0,286) и нервно-психическую устойчивость (0,258), идентификацию себя с социальными ролями (0,547). По-видимому, ответственность за детей предъявляет к личности больного требования, которые могут оказаться непосильными.

В ситуации инвалидизации наличие супружеской семьи и детей также является оптимизирующим фактором: так, наличие супружеской семьи коррелирует с идентификацией с социальными ролями (0,490), морально нравственными ориентациями в семье (0,478). Наличие детей коррелирует со значимостью переживания здоровья (0,474), морально-нравственными ориентациями в семье (0,530), идентификацией с социальными ролями (0,635), снижением претензий к себе ($-0,506$).

Стаж болезни у больных бронхиальной астмой коррелирует со снижением самопривязанности ($-0,253$), повышением претензий к своей общительности (0,297), увеличением субъективной значимости негативных перспектив болезни (0,248). Можно сделать вывод о том, что стаж болезни истощает ресурсы личности и повышает страх болезни. При инвалидизации стаж болезни сочетается с ухудшением удовлетворенности жизнью в следующих сферах: психической ($-0,549$), уровня независимости ($-0,476$), отношения к окружающей среде ($-0,530$), духовной ($-0,592$), общей оценкой качества жизни ($-0,541$), а также со снижением субъективной значимости представления о здоровье как условия проявления активности ($-0,571$). Можно говорить о том, что длительность заболевания снижает ресурсность больного и субъективно утяжеляет ситуацию.

При остром заболевании больные сохраняют свою социальную и личностную ресурсность и реагируют на ситуацию временной невозможности реализовать имеющиеся жизненные задачи повышением претензий к себе и ухудшением самоотношения. При этом женщины более тревожно реагируют на ситуацию и усиливают поисковую активность, а мужчины склонны решать проблемы за счет возможности перетерпеть происходящее.

Для больных бронхиальной астмой как с наличием, так и с отсутствием инвалидности наиболее характерна утрата субъективной ресурсности социальных факторов при длительности заболевания, сочетающейся с увеличением возраста.

Ситуация болезни, являющаяся социально-психологической ситуацией, зависит от сохран-

ности социальных возможностей человека и их субъективной ресурсности. Рассмотрение проблем больного в социальном контексте является значимым при решении вопроса о реабилитации, которая должна включать и механизмы ресоциализации больного.

Список литературы

1. Ярославская М. А. Психологические стратегии адаптации к заболеванию больных с хроническими неспецифическими заболеваниями легких : автореф. канд. ... дис. психол. наук. М., 2011. 30 с.
2. Алехин А. Н., Сорокин Л. А., Трифонова Е. А., Чернорай О. В. Медико-психологический аспект адаптации больных, перенесших инфаркт миокарда : современное состояние проблемы // Вестн. психотерапии. 2012. № 42. С. 26–45.
3. Алехин А. Н., Трифонова Е. А., Чумакова И. О., Лебедев Д. С., Михайлов Е. Н. Клинические факторы качества жизни больных с фибрилляцией предсердий, проходящих интервенционное лечение // Психол. исследования. 2011. № 5 (19). URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2011n5-19/550-alekhin-et-al19> (дата обращения: 25.05.2014).
4. Орлова М. М., Орлов Д. В. Психологические особенности больных бронхиальной астмой // Социальная психология XXI века. Саратов, 2005. С. 103–105.
5. Орлова М. М. Трансформация идентичности больных острыми и хроническими заболеваниями легких и ее адаптационный смысл // Фундаментальные исследования. 2014. № 9, ч. 2. С. 440–446.
6. Орлова М. М. Понятие «ситуации болезни» : объективные и субъективные составляющие // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2009. Т. 9, вып. 1. С. 82–87.
7. Сараяева Н. М., Суханов А. А., Виноградова Н. И., Ежеская Т. И., Калашникова С. А. [и др.]. Психологическая адаптация и психологическое здоровье человека в осложненных условиях жизненной среды. М., 2011. 322 с.

Subjective Resource Potential of Social Predictors of the Disease Situation (on the Example of Acute and Chronic Lung Diseases)

M. M. Orlova

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: orlova-maria2010@mail.ru

This article focuses on subjective resource potential of social predictors of the disease situation in case of acute and chronic lung diseases. Social factors of the disease situation are viewed from the point of their resource potential or level of damage in the context of overcoming the disease. The author analyzes the specificity of social factors' subjective perception in the situation of acute chronic disease and also in

the situation of disability. The aspect of influence of the social factors like gender, age, educational level, professional status, marital status, length of disease on adaptive strategies is also viewed here. The author emphasizes that objective and subjective components of the disease don't coincide, especially in case of acute somatic diseases. This study is carried out within the framework of subject-social approach to the study of internal presentation of the disease.

Key words: disease situation, subjective resource potential, social predictors.

References

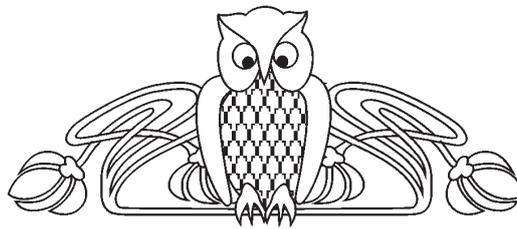
1. Yaroslavskaya M. A. *Psikhologicheskie strategii adaptatsii k zabolevaniyu bolnykh s khronicheskimi nespetsificheskimi zabolevaniyami legkikh*: avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk (Psychological strategies of adaptation to a disease in case of patients with chronic nonspecific lung diseases: Thesis ... Ph/D in psychology). Moscow, 2011. 30 p.
2. Alekhin A. N., Sorokin L. A., Trifonova E. A., Chernoray O. V. Mediko-psikhologicheskiy aspekt adaptatsii bolnykh, perenesshikh infarkt miokarda: sovremennoe sostoyanie problemy (Medical-psychological aspect of patients' adaptation after myocardial infarction: current state of the problem). *Vestn. psikhoterapii* (Bulletin of Psychotherapy), 2012, no. 42, pp. 26–45.
3. Alekhin A. N., Trifonova E. A., Chumakova I. O., Lebedev D. S., Mikhaylov E. N. Klinicheskiye faktory kachestva zhizni bolnykh s fibrillyatsiey predserdiy, prokhodyashchikh interventsionnoye lecheniye (Clinical factors determining life quality of patients with atrial fibrillation, undergoing intervention treatment). *Psikhologicheskiye issledovaniya* (Psychological Research), 2011, no. 5 (19). Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2011n5-19/550-alekhin-et-al19> (accessed 25 May 2014).
4. Orlova M. M., Orlov D. V. Psikhologicheskie osobennosti bolnykh bronkhialnoy astmoy (Psychological peculiarities of patients with bronchial asthma). *Sotsialnaya psikhologiya XXI veka* (Social psychology of XXI century). Saratov, 2005, pp. 103–105.
5. Orlova M. M. Transformatsiya identichnosti bolnykh ostrymi i khronicheskimi zabolevaniyami legkikh i ee adaptatsionnyy smysl (Identity transformation of patients with acute and chronic lung diseases and its adaptive meaning). *Fundamentalnye issledovaniya* (Fundamental Studies), 2014, no. 9, pt. 2, pp. 440–446.
6. Orlova M. M. Ponyatie «situatsii bolezni» obektivnye i subektivnye sostavlyayushchie (The notion of «disease situation» objective and subjective components). *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2009, vol. 9, iss. 1, pp. 82–87.
7. Sarayeva N. M., Sukhanov A. A., Vinogradova N. I., Ezhevskaya T. I., Kalashnikova S. A. [et al.]. *Psychological adaptation and psychological health of a person in complicated conditions of living environment*. Moscow, 2011. 322 p.

УДК 159.9.072.422

ДВУХКОМПОНЕНТНАЯ МОДЕЛЬ СУБЪЕКТИВНОЙ НЕЗАЩИЩЕННОСТИ В СФЕРЕ ТРУДА В ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ И ДИАГНОСТИКА ФЕНОМЕНА

Смирнова Анна Юрьевна –
кандидат психологических наук,
доцент кафедры общей и социальной психологии,
Саратовский государственный университет
E-mail: Anna-smirnova-sgu@mail.ru

В статье выполнен теоретический анализ зарубежных исследований, посвященных субъективной незащищенности в сфере труда, рассматриваются когнитивный и аффективный компоненты феномена, обосновывается эвристическая ценность двухкомпонентного подхода. Следуя примеру авторов (Д. Пиенара, Х. Де Витта, Д. Хелгрена и М. Сверке), в представленной статье мы выполняем перевод методики диагностики когнитивного и аффективного компонентов субъективной незащищенности в сфере труда Х. Де Витта, которая позволяет диагностировать когнитивный и аффективный компоненты субъективной незащищенности в сфере труда, приводим данные проверки ее на валидность и надежность, результаты нормирования для выполнения последующих исследований.

Ключевые слова: субъективная незащищенность в сфере труда, валидность, когнитивный и аффективный компоненты субъективной незащищенности в сфере труда, увлеченность персоналом работой, удовлетворенность трудом, стресс на рабочем месте.

DOI: 10.18500/1819-7671-2015-15-4-99-105

В последние три десятилетия в зарубежных исследованиях все чаще анализируется проблема субъективной незащищенности в сфере труда. Причиной тому являются глобальные изменения, затрагивающие всех работников в современном обществе, особенно в западном, где общественно-экономическая система проходит через существенные трансформации, которые вынуждают организации создавать новые все более экономически эффективные и динамичные организационные структуры [1, 2], все чаще прибегая к стратегиям неполной, временной занятости, сокращения персонала, которые не могут не оказать воздействия на работников. Воздействие это, следует отметить, чаще рассматривается только как негативное, однако оно имеет двойственную природу: с одной стороны, мотивирует работников становиться более конкурентоспособными на рынке труда, с другой – подвергает большому стрессу на работе, вынуждая «пересматривать» психологический контракт с работодателем, делая менее приверженными конкретному ра-

бочему месту или организации [3]. Посредством работы субъект может удовлетворить большую часть своих потребностей: получить доход, социальные контакты и идентичность, таким образом, субъективная незащищенность в сфере труда касается сфер куда более важных, чем работа как таковая, поскольку угроза потери работы может фрустрировать удовлетворение этих потребностей. Авторы также считают, что субъективная незащищенность в сфере труда является важным индикатором, предсказывающим макро- и микроэкономические процессы [4]. Феномен привлекает к себе внимание как зарубежных психологов – исследователей, так и специалистов – практиков, но, к сожалению, еще недостаточно изучается в отечественной организационной психологии.

Предваряя дальнейшее изложение, следует привести принимаемую нами дефиницию обсуждаемого феномена: субъективная незащищенность в сфере труда (job insecurity) – эмоциональное состояние работника (субъекта труда), вызванное сочетанием интерпретации рабочей ситуации как угрожающей в будущем сохранением занятости в определенной должности или утратой важных аспектов работы вследствие субъективного восприятия действия объективного фактора-стрессора – угрозы потери работы («threat of job loss»), а также оценки собственных личностных ресурсов как недостаточных для преодоления данной ситуации и влекущее деструктивные последствия для функционирования работника [5].

Обобщая направления исследования субъективной незащищенности в сфере труда, можно выделить следующие: общее (недифференцированное), когда субъективная незащищенность в сфере труда рассматривается как однокомпонентный феномен, в том числе фактор-стрессор рабочей среды (S. Sonnentag and M. Frese), или социальная ситуация (G. R. Oldham,

С. Т. Kulik, L. P. Stepina, M. L. Ambrose), с точки зрения когнитивного подхода (R. D. Caplan, S. Cobb, J. R. P. French, R. V. Van Harrison and S. R. Pinneau, J. Jacobson) и многокомпонентные подходы, в одном случае исследователи выделяют количественный и качественный (S. Ashford et al.; L. Greenhalgh & Z. Rosenblatt; J. Hellgren et al.; E. Roskies, C. Louis-Guerin; J. Hellgren & M. Sverke), в другом – когнитивный и аффективный компоненты (S. Ashford et al.; I. Borg & D. Elizur; H. De Witte, G.-H. Huang et al.; J. K. Ito & C. M. Brotheridge; J. Pienaar, H. De Witte, J. Hellgren & M. Sverke; T. Staufenbiel & C. J. Kenig, C.D. Johnson, L.A. Messe & W. D. Crano), в этом же направлении формируется процессный подход к субъективной незащищенности в сфере труда (G.-H. Huang, X. Niu, C. Lee, S. Ashford).

В данной статье субъективная незащищенность в сфере труда рассматривается как двухкомпонентный, имеющий когнитивную и аффективную составляющие конструкт. Целями данной статьи является теоретический анализ зарубежных исследований, посвященных валидации двухкомпонентной модели субъективной незащищенности в сфере труда, а также сообщение результатов валидации русскоязычной версии методики диагностики когнитивного и аффективного компонентов субъективной незащищенности в сфере труда Х. Де Витта (Job Insecurity Scale, De Witte 2000, в переводе и адаптации А. Смирновой).

Обсуждая историю изучения феномена, следует отдать первенство в систематическом академическом исследовании субъективной незащищенности в сфере труда Л. Гринхалф и З. Розенблатт [6], предложившим определение, выделив компоненты, которые явились основанием дальнейшей разработки когнитивного и аффективного, качественного и количественного компонентов феномена [1]. Однако следует также отметить, что попытки изучения субъективной незащищенности в сфере труда как однокомпонентного конструкта, измеряемого в числе прочих особенностей организационной среды и ее влияния на работника, предпринимались и ранее, с 1970-х гг. (R. D. Caplan, S. Cobb, J. R. P. French, R. V. Van Harrison and S. R. Pinneau, J. Jacobson и др.), при этом субъективная незащищенность в сфере труда рассматривалась косвенно, как параметр удовлетворенности трудом или часть модели социальной депривации. Как однокомпонентный конструкт субъективная незащищенность в сфере труда проанализирована весьма широко: выявлены ее взаимосвязи с субъективным благополучием

работников, удовлетворенностью работой, приверженностью к организации, качеством выполнения работы, заболеваемостью персонала, абсентеизмом, текучестью рабочей силы и другими параметрами. По мере того, как рос интерес к исследуемому феномену, появились многокомпонентные подходы. Однако, как отмечают авторы [1, 2], различия когнитивного и аффективного компонентов субъективной незащищенности в сфере труда являются недостаточно изученным, при этом весьма важными, методик диагностики компонентов субъективной незащищенности в сфере труда также еще недостаточно [1, 2]. Выполненные С. Ашфорд с коллегами (G.-H. Huang, X. Niu, C. Lee, S. Ashford), М. Сверке с коллегами (J. Pienaar, H. De Witte, J. Hellgren & M. Sverke) исследования на неевропейской выборке, как и другие, будущие исследования, которые еще необходимо предпринимать, позволят анализировать специфический социокультурный и организационный контексты, что существенно пополнило теоретико-методологический и эмпирический базис изучения феномена, послужит лучшему пониманию компонентов, детерминант и последствий, позволит организации предпринимать эффективные шаги для редукации субъективной незащищенности в сфере труда работников [1, 2]. Окончательно выделению когнитивного и аффективного ее компонентов послужили работы (S. Ashford et al., 1989; J. Hartley, J. Jacobson, P. G. Klandermans and T. Van Vuuren, 1991; I. Borg, 1992; J. K. Ito, 2004; J. Pienaar, H. De Witte, J. Hellgren & M. Sverke, 2013; T. Staufenbiel & C. J. Kenig, 2010).

В своем исследовании С. Ашфорд с коллегами, обосновывая двухфакторную структуру феномена, так определяют его компоненты: «Когнитивная субъективная незащищенность в сфере труда – это оценка возможности потери работы или связанных с ней выгод (бонусов), аффективная – эмоциональное переживание опасений или эмоционального дистресса, связанного с этими потенциальными угрозами» [1, с. 751].

Д. Якобсон также обсуждал объективное и субъективное измерения незащищенности в сфере труда как имеющие когнитивный и аффективный компоненты, каждый из которых по своему связан с работой или ее аспектами. Автор с коллегами предположили, что ожидание потери работы вызывает, индуцирует когнитивные процессы оценки вероятности, времени и условий, но также оценку способности работника ответить на угрозу [7]. Как пишут Д. Пиенар, Х. Де Витт, Д. Хеллгрэн и М. Сверке, когнитивный компонент играет преимущественную роль в оценке угроз,

что соотносится с теорией Р. Лазаруса и С. Фолкмана (R. S. Lazarus and S. Folkman, 1984) [2].

Концептуализация анализируемого феномена, выполненная И. Боргом с коллегами (I. Borg, & D. Elizur), предполагает выделение идей и мыслительных конструктов, связанных с потерей работы (когнитивного компонента) и чувств, связанных с этим знанием (аффективного компонента) [8].

Когнитивное измерение субъективной незащищенности в сфере труда, по мнению Д. Айтоу и К. Бродеридж (J. K. Ito, & C. M. Brotheridge), – биполярный конструкт незащищенность/защищенность (отражающий воспринимаемую вероятность, возможность/невозможность) удержаться на работе, степень уверенности работника в своей занятости и наличии карьерных перспектив в будущем. Эмоциональный компонент субъективной незащищенности в сфере труда, отражающий обеспокоенность возможным увольнением, рассматривается как напряжение, связанное с потерей работы [9].

Согласно С. Ашфорд с коллегами, когнитивная субъективная незащищенность в сфере труда – разновидность стресса, возникающего из восприятия субъектом труда возможных организационных изменений [1, с. 752]. Авторы анализировали феномен через призму теории психологического контракта и теории стресса в соответствии с моделью стрессовой реакции, предложенной Р. Лазарусом и С. Фолкманом. Когнитивное оценивание угроз среды (понижение в должности, внедрение новых технологий) может продуцировать стрессы в организации. Оценка потенциальных угроз потери работы отличается от эмоциональных переживаний, связанных с этими угрозами, опасений, связанных с потерей работы. Это подчеркивает различие когнитивного и аффективного компонентов субъективной незащищенности в сфере труда. [1, с. 752]. Когнитивные суждения о возможной потере работы и эмоциональная реакция на это, взаимосвязаны, но не идентичны. Как пишут С. Ашфорд с коллегами, концептуально выделение когнитивного и аффективного компонентов субъективной незащищенности в сфере труда также подкреплено теорией эмоций Р. Лазаруса, подчеркивающей когнитивную детерминацию эмоций [2, с. 752], теорией стрессов (Р. Лазарус и С. Фолкман), согласно которой стрессовые события сначала подвергаются субъектом когнитивной оценке, а лишь потом возникает эмоциональный «ответ» на эту оценку. В соответствии с данной теорией авторы предположили, что когнитивная субъективная незащищенность в сфере труда (как результат оценки угроз потери

работы) является предшествующей аффективному компоненту.

Когнитивная субъективная незащищенность в сфере труда, согласно С. Ашфорд, может быть рассмотрена как аналог нарушения психологического контракта, это нарушение проявляется в когнитивной оценке того, что организация может пренебречь своими обязательствами по отношению к работнику [1, с. 752]. Аффективная субъективная незащищенность в сфере труда, таким образом, равна ценности психологического контракта или аффективному состоянию, которое повлекло нарушение контракта [1, с. 752]. Как пишет С. Ашфорд с коллегами, основываясь на исследованиях, посвященных феномену стресса, можно заключить, что субъективная незащищенность в сфере труда опосредует восприятие информации и оценивание объективных фактов среды в свойственных индивиду мыслительных процессах [1, с. 753.]. Также в обоснование своего подхода С. Ашфорд с коллегами приводят теорию Х. Вейса и Р. Кропанзано (Affective Events Theory H. M. Weiss & R. Cropanzano, 1996), согласно которой поведение работника в рабочей среде есть результат эмоционального ответа на рабочую ситуацию (события, связанные с работой). Когнитивная субъективная незащищенность в сфере труда, таким образом, вызывает эмоциональный ответ на ситуацию (аффективную субъективную незащищенность в сфере труда), которая, в свою очередь, детерминирует определенное поведение. Негативное влияние когнитивной субъективной незащищенности в сфере труда на выполнение работы и другие нежелательные последствия является не прямым, а опосредованным аффективной субъективной незащищенностью. Аффективная субъективная незащищенность в сфере труда частично выступает медиатором между когнитивной субъективной незащищенностью и последствиями – выполнением работы, субъективным благополучием персонала и др. [1, с. 755]. Отдельно следует отметить С. Ашфорд с коллегами: как пишут сами авторы, они выполнив лонгитюдное исследование влияния субъективной незащищенности в сфере труда, открыли новые методологические рамки анализа феномена как процесса. Переживание субъективной незащищенности в сфере труда, как удалось обосновать С. Ашфорд с коллегами (аффективный компонент), несмотря на подверженность влиянию ситуационных факторов, характеризуется определенной стабильностью у работников, имеющих опыт переживания субъективной незащищенности в сфере труда, уровень ее аффективного компонента выше, чем у не имеющих такого опыта. Д. Пиенар,

Х. Де Витт, Д. Хелгрэн и М. Сверк отмечают, что оценивание ситуации каждым работником будет детерминировать аффективную субъективную незащищенность в сфере труда. Так же, как и С. Ашфорд с коллегами, обращаясь к теории Р. Лазаруса и С. Фолкмана, авторы утверждают, что аффективный компонент субъективной незащищенности в сфере труда может быть результатом повторного оценивания угроз, в котором субъект оценивает свои ресурсы, чтобы преодолеть сложившуюся ситуацию. Когнитивный компонент незащищенности детерминирует ее аффективный компонент. Восприятие незащищенности в сфере труда и реакция на нее всегда взаимосвязаны, при этом всегда уникальны, субъективны, так как их взаимосвязь опосредована специфическими особенностями ситуации и субъекта, в ней находящегося [2].

В противовес традиционному подходу в исследовании влияния субъективной незащищенности в сфере труда на последствия для работников и организации, выполненном Т. Стафенбиля и К. Кегин (Т. Staufenbiel & С. J. Kenig), эмпирически обосновано, что субъективная незащищенность в сфере труда оказывает и положительное влияние на работника, выступая своеобразным

мотиватором лучших результатов труда, более активного вовлечения в трудовую деятельность с целью преодоления возникшего действия угрозы. Однако, как пишут авторы, негативные эффекты субъективной незащищенности в сфере труда все-таки выше, чем позитивные [3].

Посредством эксплораторного и конфирматорного факторного анализа в выполненном совместном исследовании Д. Пиенар, Х. Де Витт, Д. Хелгрэн и М. Сверк обосновали двухфакторную структуру конструкта [2]. Именно эта работа и выполненная в ней валидизация методики Х. Де Витта выступила основным теоретическим базисом данной статьи. Нами были выполнены перевод (с применением техник прямого и обратного перевода) и адаптация русскоязычной версии методики; проверка валидности и надежности конструкта проводилась в исследовании, спланированном аналогично исследованию Х. Де Витта с коллегами [2].

Рассмотрим апосретирную модель конфирматорного факторного анализа полной и сокращенной русскоязычной версии опросника, текст приведен в Приложении (рис. 1, 2). Математико-статистический анализ данных выполнялся в программе SPSS AMOS, 22.

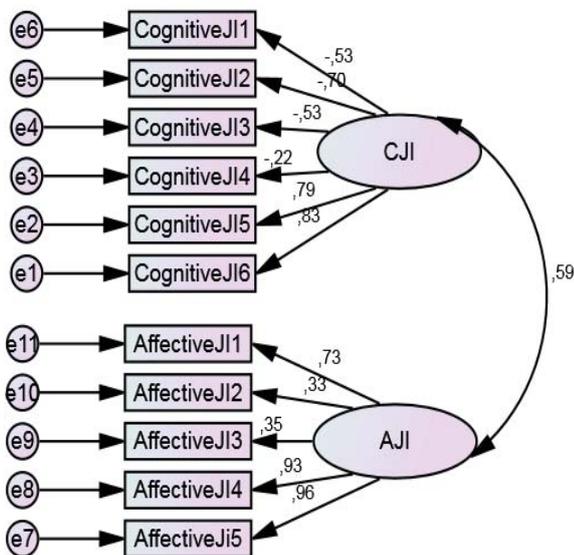

Рис. 1. Апосретирная модель КФА полной русскоязычной версии опросника Job Insecurity Scale, De Witte 2000

Приведены основные критерии согласия анализируемых моделей (табл. 1.).

Для оценки критериев согласия моделей применялись статистические показатели согласно А. Наследову: сравнительный индекс согласия (CFI), значение не менее 0,95 – хорошее

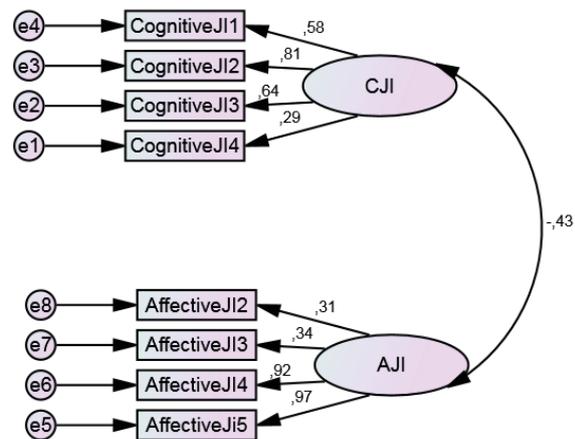

Рис. 2. Апосретирная модель КФА сокращенной русскоязычной версии опросника Job Insecurity Scale, De Witte, 2000; Pienaar, J.; H. De Witte, J. Hellgren & M. Sverke, 2012

согласие, не менее 0,90 – приемлемое согласие, критерий согласия (исправленный критерий согласия) – GFI (ACFI) – значения индекса согласия и критерия согласия – не менее 0,90 (хорошее согласие), обычно $AGFI < GFI$; квадратный корень среднеквадратической ошибки аппроксимации

Таблица 1

Критерии согласия анализируемых моделей

Наименование показателя	1	2	3	4	5	6
$\chi^2=.....$ (.....df)	890,491 (44 df)	369,601 (43 df)	117,595 (19df)	131.01 (19 df)	136,079 (19 df)	128,133 (19 df)
$\chi^2/df=.....$	20,238	8,595	6,189	6,895	7,162	6,744
CFI	0,680	0,876	0,933	0,97	0,947	0,951
GFI (ACFI)	0,674 (0,511)	0,882 (0,819)	0,946 (0,898)	–	0,943 (0,892)	0,944 (0,894)
RMSEA	0,193	0,121	0,100	0,08	0,109	0,105
NFI	0,670	0,863	0,922	–	0,940	0,943
RFI	0,588	0,825	0,885	–	0,911	0,916
TLI	0,600	0,842	0,901	0,95	0,922	0,927
PNFI	0,536	0,675	0,625	–	0,638	0,640
PCFI	0,544	0,685	0,633	–	0,643	0,645

Примечание. 1 – однофакторная модель, русскоязычная версия; 2 – двухфакторная модель, русскоязычная версия; 3 – двухфакторная модель, русскоязычная версия, сокращенная с исключенными утверждениями C5, C6, A1; 4 – двухфакторная модель, англоязычная версия, сокращенная с исключенными C5, C6, A1 в адаптации методики, выполненной Х. Де Виттом с коллегами; 5 – двухфакторная модель, русскоязычная версия с исключенными C3, C4, A2; 6 – двухфакторная модель, русскоязычная версия с исключенными C1, C4, A2.

(RMSEA), не более 0,05 – хорошее согласие, не более 0,08 – приемлемое, 0,08,..0,1 – слабое, более 0,1 – нет согласия [10, с. 386]; коэффициент согласия Тукера-Левиса (TLI) ниже, чем 0,90 или даже 0,85 [2], свидетельствует о наличии двух факторов.

При этом, согласно А. Наследову, для больших выборок (более 300–400 наблюдений) для принятия решения о согласии модели с данными могут применяться менее строгие пределы их значений [10, с. 352]. Количество явных переменных модели $P = 8$, число степеней свободы $DF = 19$, следовательно число оцениваемых параметров $T = P \times (P+1)/2 - DF = 8 \times (8+1)/2 - 19 = 17$. Соотношение численности анализируемой нами выборки ($N=520$) к числу оцениваемых параметров = 30,588 достаточно велико и существенно больше предельно малой величины (5), следовательно для принятия решения о согласии модели могут применяться не самые строгие пороги для значений критериев согласия, так как N/T более 10. Основные критерии согласия для русскоязычной версии (см. табл. 1) двухфакторной модели, с сокращенными, как в работе Х. Де Витта с коллегами, утверждениями CognitiveII 5, CognitiveII 6, AffectiveII 1: хи-квадрат, DF , p , $CMIN/DF$, GFI (ACFI) и CFI, RMSEA находятся в допустимых пределах с учетом выборки и характеризуются наилучшими показателями в сравнении с другими анализируемыми моделями; апостериорная модель КФА эмпирически подтверждается.

Таким образом, можно заключить, что выполненный нами подтверждающий факторный анализ подтверждает двухфакторную структуру методики, согласно приведенным в таблице 1 данным математико-статистического анализа лучшими характеристиками отличается русскоязычная сокращенная версия, аналогичная сокращенной, предложенной Д. Пиенаром, Х. Де Виттом, Д. Хелгеном и М. Сверк. Не менее важным аргументом в пользу состоятельности модели является статистическая значимость всех оцененных дисперсий, ковариаций и регрессионных коэффициентов, полученная в ходе выполнения математико-статистического анализа.

Надежность – согласованность русскоязычной сокращенной версии методики оценивалась посредством расчета Альфы Кронбаха (при этом учитывалось, что показатель более 0,7 свидетельствует о высокой надежности), для шкалы «когнитивная субъективная незащищенность в сфере труда» Альфа Кронбаха составила 0,478, для шкалы «аффективная субъективная незащищенность в сфере труда» – 0,720, т.е. последняя характеризуется большей надежностью [10].

Конвергентная и дискриминантная валидности методики оценивались на основании корреляционного анализа (табл. 2).

Корреляции внутри факторов выше, чем корреляции между факторами (см. табл. 2), это вполне согласуется с рассмотренными ранее ут-

Таблица 2

Корреляции утверждений методики

Наименование параметра	CognitiveJI 2	CognitiveJI 3	CognitiveJI 4	AffectiveJI 2	AffectiveJI 3	AffectiveJI 4	AffectiveJI 5
CognitiveJI1	0,456**	0,444**	0,244**	-0,327**	0,002	-0,102*	-0,127**
CognitiveJI2	1	0,503**	0,235**	-0,337**	-0,129**	-0,367**	-0,399**
CognitiveJI3		1	0,147**	-0,328**	-0,163**	-0,218**	-0,245**
CognitiveJI4			1	-0,056	-0,008	-0,055	-0,061
AffectiveJI2				1	0,147**	0,286**	0,298**
AffectiveJI3					1	0,322**	0,332**
AffectiveJI4						1	,899**

Примечание. ** – корреляция значима на уровне 0,01 (двусторонняя), * – корреляция значима на уровне 0,05 (двусторонняя).

верждениями о характере взаимосвязи когнитивного и аффективного компонентов субъективной незащищенности в сфере труда, еще раз подтверждает двухфакторную структуру методики и вместе с тем является подтверждением конвергентной и дискриминантной валидности методики.

Таким образом, можно заключить, что когнитивный и аффективный компоненты субъективной незащищенности в сфере труда по-разному детерминируются и имеют разные последствия. На основании данных математико-статистического анализа русскоязычная версия методики Х. Де Витта характеризуется достаточной валидностью, надежностью и может быть применена для определения уровня субъективной незащищенности в сфере труда как в научных, так и практических целях, при этом для выполнения кросс-культурных сравнительных исследований в зависимости от исследовательских задач может быть использована как полная, так и сокращенная версии, для практических целей целесообразно использование сокращенной версии в связи с ее лучшими показателями согласия модели, а также экономичностью в применении.

Список литературы

1. Huang G. -H., Niu X., Lee C., Ashford S. J. Differentiating cognitive and affective job insecurity : Antecedents and outcomes // Journal of Organizational Behavior. 2012. № 33. P. 752–769.
2. Pienaar J., De Witte H., Hellgren J., Sverke M. The cognitive/affective distinction of job insecurity : Validation and differential relations // Southern African Business Review. 2013. № 2. P. 1–22.
3. Staufenbiel T., Kenig C. J. A model for the effects of job insecurity on performance, turnover intention, and absenteeism // Journal of Occupational and Organizational Psychology. 2010. № 83. P. 101–117.
4. Anderson C. J., Pontusson J. Workers, worries and welfare states : Social protection and job insecurity in

15 OECD countries // European Journal of Political Research. 2007. № 46 (2). P. 211–235.

5. Смирнова А. Ю. Субъективная незащищенность в сфере труда в проблемном поле организационной психологии : перевод, операционализация, методологические рамки исследования феномена // Организационная психология : люди и риски : сб. материалов V российско-американской науч.-практ. конф. Саратов, 29–30 мая 2014 г. / под ред. Л. Н. Аксеновской, Е. В. Рягузовой. Саратов, 2015. С. 217–224.
6. Greenhalgh L., Rosenblatt Z. Job insecurity: Toward conceptual clarity // Academy of Management Review. 1984. № 3. P. 438–448.
7. Jacobson D. A personological study of the job insecurity experience // Social Behavior. 1987. № 2. P. 143–155.
8. Borg I., Elizur D. Job insecurity : Correlates, moderators and measurement // International Journal of Manpower. 1992. №13. P. 13–26.
9. Ito J. K., Brotheridge C. M. Exploring the predictors and consequences of job insecurity's components // Journal of Managerial Psychology. 2007. № 22 (1). P. 40–64.
10. Наследов А. Н. IBM SPSS Statistics 20 и AMOS : профессиональный статистический анализ данных. СПб., 2013. 416 с.

The Two-dimensional Approach to Job Insecurity in Foreign Literature: Psychological Content and Measurement

A. Yu. Smirnova

Saratov State University
83, Astrakhanskay str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: Anna-smirnova-sgu@mail.ru

This article reviews the foreign literature on job insecurity (JI). The components of job insecurity are considered. The study examined the usefulness of distinguishing between cognitive and affective components of job insecurity and justifies the value of two-dimensional approach to JI. Take after J. Pienaar; H. De Witte, J. Hellgren, M. Sverke we administered a short version of the measure of job insecurity originally devised by H. De Witte (2000), which distinguishes between cognitive and affective job insecurity. Norm data concern-

ing validity, reliability index and levels of cognitive and affective job insecurity are presented to guide future studies.

Key words: job insecurity, validity, cognitive and affective JI, work engagement, job satisfaction, job stress.

References

- Huang G.-H., Niu X., Lee C., Ashford S. J. Differentiating cognitive and affective job insecurity: Antecedents and outcomes. *Journal of Organizational Behavior*, 2012, no. 33, pp. 752–769.
- Pienaar J., De Witte H., Hellgren J., & Sverke M. The cognitive/affective distinction of job insecurity: Validation and differential relations. *Southern African Business Review*, 2013, no 2, pp. 1–22.
- Staufenbiel T. & Kenig C. J. A model for the effects of job insecurity on performance, turnover intention, and absenteeism. *Journal of Occupational and Organizational Psychology*, 2010, no. 83, pp. 101–117.
- Anderson C. J., Pontusson J. Workers, worries and welfare states: Social protection and job insecurity in 15 OECD countries. *European Journal of Political Research*, 2007, no. 46 (2), pp. 211–235.
- Smirnova A. Yu. Sybektivnaya nezashchishchennost v sfere tryda v problemnom pole organizatsionnoy psikhologii: perevod, operatsionalizatsia, metodologicheskie ramki issledovaniya fenomena (Job Insecurity in the I/O psychology field: translation, definition and methodological frame of study). *Organizatsionnaya psikhologiya: lyudi i riski* (Organizational psychology: people and risks: proceedings of the V Russian-American scientific conference {Saratov, May 29–30, 2014}). Ed. by L. N. Aksenovskaya, E. V. Ryaguzova). Saratov, 2015, pp. 217–224.
- Greenhalgh L. & Rosenblatt Z. Job insecurity: Toward conceptual clarity. *Academy of Management Review*, 1984, no. 3, pp. 438–448.
- Jacobson D. A personological study of the job insecurity experience. *Social Behavior*, 1987, no. 2, pp. 143–155.
- Borg I., & Elizur D. Job insecurity: Correlates, moderators and measurement. *International Journal of Manpower*, 1992, no. 13, pp. 13–26.
- Ito J. K., Brotheridge C. M. Exploring the predictors and consequences of job insecurity's components. *Journal of Managerial Psychology*, 2007, no. 22 (1), pp. 40–64.
- Nasledov A. IBM SPSS Statistics 20 I AMOS: professionalnyy statisticheskiy analiz dannykh (Professional statistic analysis of data). St.-Petersburg, 2013, 416 p.

Приложение

Методика диагностики субъективной незащищенности в сфере труда (Job Insecurity Scale, De Witte 2000, J. Pienaar, H. De Witte, J. Hellgren & M. Sverke, 2012, перевод и адаптация А. Ю. Смирновой)

Наименование утверждения в модели	Русскоязычная версия	Англоязычная версия	Mean	SD
CognitiveJI 1	1. Я думаю, я смогу работать в этой организации в дальнейшем	1. I think that I will be able to continue working here (R)*	4,22	0,553
CognitiveJI 2	2. Вероятность моего увольнения мала	2. There is only a small chance that I will become unemployed (R)*	3,76	0,669
CognitiveJI 3	3. Я совершенно уверен в обстановке на работе*	3. I am certain/sure of my job environment (R)*	3,85	0,691
CognitiveJI 4	4. Я абсолютно уверен в том, что смогу удержаться на этой работе	4. I am very sure that I will be able to keep my job (R)*	3,94	1,845
CognitiveJI 5	5. Существует вероятность того, что в ближайшем будущем я могу лишиться работы	5. There is a possibility that I might lose my job in the near future	2,23	0,736
CognitiveJI 6	6. Я думаю, в ближайшем будущем меня могут уволить	6. I think I might be dismissed in the near future	2,05	0,697
AffectiveJI 1	7. Меня тревожит то, что я могу стать безработным	7. It makes me anxious that I might become unemployed	2,32	0,955
AffectiveJI 2	8. Я чувствую неуверенность в будущем моей работы*	8. I feel uncertain about the future of my job*	2,10	0,793
AffectiveJI 3	9. Меня беспокоит продолжение моей карьеры*	9. I worry about the continuation of my career*	3,04	1,010
AffectiveJI 4	10. Я опасюсь, что могу потерять свою работу*	10. I fear that I might lose my job*	2,47	1,010
AffectiveJI 5	11. Я опасюсь, что могу быть уволен*	11. I fear that I might get fired*	2,40	,994

Примечание. * – утверждения, включенные в сокращенную версию опросника; утверждения 1–5: когнитивная субъективная незащищенность в сфере труда; утверждения 6–11: аффективная субъективная незащищенность в сфере труда; для ответов респондентов применяется пятибалльная шкала Лайкерта от «1» – «Совершенно не согласен», до «5» – «Совершенно согласен»; утверждения, помеченные знаком (R), – реверсивные, при обработке ответы следуют обращать.

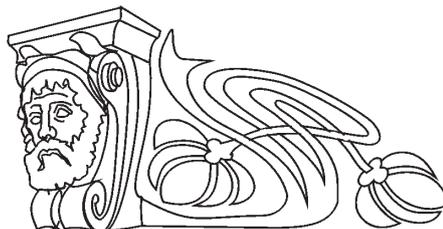

УДК 316.6

АДАПТАЦИОННАЯ ГОТОВНОСТЬ ЛИЧНОСТИ – СУБЪЕКТА СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Шамионов Раиль Мунирович –

доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной психологии образования и развития, Саратовский государственный университет
E-mail: shamionov@mail.ru

В статье анализируется проблема адаптационной готовности личности как субъекта социальных взаимодействий. Адаптационная готовность рассматривается с позиции ее формирования и функционирования в контексте взаимодействия с другим/другими и социальной ситуации. Признается весомая роль социализации личности в становлении социально-психологического компонента адаптационной готовности и делается вывод о возможности ее усиления за счет расширения представлений о среде адаптации и ценностно-смысловой определенности. Показано, что основными социально-психологическими параметрами адаптационной готовности являются наличие установки на взаимодействие, достаточно высокая самооценка, сформированная субъектная позиция, способность к саморегуляции, сосредоточенность на объекте или ситуации, а не на себе, адекватное восприятие трудностей, толерантность к неопределенности и к «природе человека» и гибкость в формировании поведенческих стратегий. Наиболее важными параметрами, регулирующими интенсивность проявления адаптационной готовности и актуализацию его содержательных характеристик, являются стремление к взаимодействию (решению задачи) и репрезентация личностью готовности других к нему.

Ключевые слова: личность, субъект, адаптационная готовность, взаимодействие, неопределенность.

DOI: 10.18500/1819-7671-2015-15-4-106-112

Проблема адаптационной готовности личности относительно недавно стала привлекать внимание исследователей в области социальной психологии. Это связано с возникшей востребованностью исследований, направленных на изучение возможностей повышения адаптационного потенциала личности в условиях перманентных социальных изменений, расширением взаимодействия личности с усложняющейся социальной средой, усилением неопределенности, зон риска и других факторов. Однако исследования адаптационной готовности все еще имеют эпизодический характер, несмотря на то, что разработка проблемы социально-психологической адаптации как в отечественной, так и зарубежной науке на протяжении длительного времени идет весьма активно. Невзирая на достаточно богатый опыт исследований психологической готовности к деятельности в отечественной психологии (например, работы А. А. Ухтомского, Б. Г. Ананьева, Н. Д. Левитова, Р. Д. Санжаевой и др.),

концепт адаптационной готовности широко не обсуждался. Пограничный статус этого явления, обусловленный взаимодействием психофизиологических, психологических и социально-психологических характеристик, предполагает необходимость его комплексного анализа.

В последнее десятилетие были предприняты попытки теоретического анализа: концептуальной и терминологической разработки [1, 2], исследование структурных характеристик явления [1, 3, 4]. Анализ работ по данной теме, выполненных за последние годы, показывает высокую концентрацию исследований на образовательных либо возрастно-динамических его характеристиках – безопасности образовательной среды как факторе формирования адаптационной готовности [5], этапах развития адаптационной готовности к рискам образовательной среды [4], соотношения адаптационной готовности и временной перспективы [6], влияния социализированности на адаптационную готовность [7]; наконец, в кросс-культурной психологии обсуждаются вопросы формирования адаптационной готовности в предмиграционный период [8], соотношения адаптационной готовности прибывающих и принимающих сообществ [9], избирательности адаптационной готовности мигрантов [10] и др.

Цель данной работы – провести теоретический анализ проблемы адаптационной готовности личности как субъекта социального взаимодействия.

Адаптационная готовность личности к социальным взаимодействиям является одной из важнейших ее достижений в процессе социализации. Она предполагает не только известную личностную устойчивость к изменчивым межличностным контактам в разных условиях бытия, но, прежде всего, способность к выстраиванию стратегии контактов, в которой главной отправной точкой является расположенность личности к таковым. Социализация личности предполагает усвоение ею ряда ключевых норм, значений, позволяющих понимать социальный контекст межличностных контактов, поскольку основной

ее задачей является формирование социального навыка. На разных этапах социализации личности востребованы разные по уровню, глубине и интенсивности качества социальных навыков, сообразно таковым для тех групп, в которые включается индивид, но благодаря включению в групповые сообщества формируется и отношение к взаимодействию, а также те ценностно-смысловые образования, которые регулируют это отношение. Речь идет о взаимодействии как явлении, несущем в себе ценность и смысл.

В этом смысле адаптационная готовность – это не просто установка на адаптацию, но целая совокупность предрасположенностей, которые предполагают внутреннее расположение к взаимодействию с учетом различных его составляющих. Такая готовность предполагает наличие определенного опыта и возможность его использования в каждой конкретной ситуации, гибкое реагирование на изменения, а также тех паттернов взаимодействия, которые уже сформированы и отобраны как «эффективные». В системе «личность – социальная среда» адаптационная готовность предполагает готовность эффективно взаимодействовать с *новыми* элементами этой среды [1]. Здесь речь идет не только о способности переносить сложившуюся компетенцию или навык в новые условия, но о реализации на поведенческом уровне самой установки на возможность приспособления. Легкость (сложность) установления новых контактов, гибкость (жесткость, ригидность) в процессе социального взаимодействия, толерантность (интолерантность) к проявлениям другого (других) обусловлены адаптационной готовностью к социальным взаимодействиям. Вполне очевидно, что отсутствие достаточного опыта взаимодействия личности с (разными) другими (в том числе, с разным уровнем притяжения, понимания, статуса и т.п.) не способствует формированию адаптационной готовности к взаимодействию с Другим. Важнейшим здесь является и глубина *реального* взаимодействия – начиная с формально-статусного и завершая интимно-личностным. Иначе говоря, такие характеристики взаимодействия с другими, как разнообразие и качество в значительной степени определяют адаптационную готовность личности к нему.

Не умаляя значение психофизиологического и психологического уровней готовности, отметим ведущую роль социально-психологического уровня структуры адаптационной готовности личности к взаимодействию с Другим. Этот уровень характеризуется сложной комбинацией социальных установок, основанных на формировании и реализации ценностно-смысловых, социально-перцептивных, коммуникативных, соци-

ально-интеллектуальных и других характеристик личности, формирующихся во взаимодействии с другими. Именно реальные взаимодействия с другими определяют характеристики репрезентации личности не только самих взаимодействий, но и стратегий поведения, характеризующих приспособление в различных ситуациях, и распространяются на другие сферы. Вместе с тем опыт поколений, отраженный в культуре, также способствует формированию адаптационной готовности. Так, Е. В. Рягузова отмечает, что опыт реальных взаимодействий влияет на восприятие художественных образов, а ряд характеристик символического Другого атрибутируется реальному Другому, перенимая сценарии, паттерны и способы совладания с трудными жизненными ситуациями [11, с.135]. Иначе говоря, не только собственный опыт определяет содержание адаптационной готовности, но и множество других источников информации, в той или иной мере соотносящихся с определенным аспектом бытия (в данном случае, взаимодействия с другим/другими), пополняют его благодаря переживанию и вкраплению в существующие структуры за счет рефлексии и других высших процессов. Однако необходимо учесть, что для адаптационной готовности первичным является все же собственный опыт. Отсутствие такового не компенсируется другими источниками.

Социально-психологическая адаптационная готовность включает как собственное стремление к адаптации, так и оценку степени принятия другого/других. Взаимодействие человека с другим/другими характеризуется весомой психологической нагрузкой для его участников. Это связано, прежде всего, с актуальной динамикой поведения партнера, неопределенностью его реакций. Неслучайно исследователи выделяют как важную характеристику личности, способствующую адаптации, толерантность к стрессорам [12]. Особенно это касается взаимодействия с незнакомым Другим, ситуации вынужденной коммуникации, а также в различных дефицитарных условиях. В ситуации межличностного взаимодействия высокой стрессорной нагрузкой обладают и взаимодействия, основанные на попытке скрытого воздействия партнера либо демонстрации доминантного поведения, особенно неожиданного в отдельных случаях. Поэтому наличие адаптационной готовности личности в данном случае предполагает владение техниками перевода такого взаимодействия на другой уровень либо противодействия ему. В этом смысле наличие адаптационной готовности является необходимым ресурсом для установления конструктивных взаимоотношений.

Адаптационная готовность характеризуется позитивной временной перспективой, поскольку готовность предполагает экстраполяцию на необходимое состояние согласованности между личностью и социальной средой. Предвосхищение, наличие позитивной субъективно оцениваемой перспективы в удачном исходе (либо в способности к преодолению различных фрустраторов) является неременным атрибутом адаптационной готовности в межличностных отношениях. Конечно, это не значит, что в действительности имеется долженствование относительно опыта достижения успеха для каждой конкретной ситуации взаимодействия, более того, возможно даже повторяющееся использование неконструктивных стратегий, не приводящих к успешному взаимодействию. Однако главным здесь выступает сама возможность достижения согласованности со средой, успешного взаимодействия с Другим. Сопутствующими этому могут быть личностные эффекты. В исследовании Е. Е. Бочаровой [6] установлено, что лица с высокой адаптационной готовностью характеризуются качественными различиями по параметрам временной перспективы. В частности, автором показано, что у лиц с высоким уровнем готовности выражены стремление к самореализации, к деятельности, а в выборке с низкой готовностью – стремление избежать ситуаций, связанных с личностной или деятельностной сферами. Очевидно, аналогично обстоит дело и с ситуацией социальных взаимодействий: отсутствие адаптационной готовности может препятствовать социальным контактам и продуктивному взаимодействию.

Одним из наиболее актуальных проблем в формировании и развитии адаптационной готовности субъекта является проблема социальной динамики. Изменяющиеся обстоятельства бытия предопределяют необходимость не только в актуализации самой адаптационной готовности, но и содержательной коррекции ее вектора ввиду неопределенности этих изменений.

Анализируя проблему формирования адаптационной готовности личности сквозь призму социальных изменений, необходимо остановиться на вопросе накопленного опыта. А. Г. Асмолов отмечает, что в рассуждениях об изменениях имеется соблазн выйти за рамки прошлого [13]. Иначе говоря, изменения не означают отказа от прошлого, равно как и того, что вновь возникающее абсолютно не связано с прошлым. В этом смысле сформированная некогда адаптационная готовность личности может служить универсальным средством для реализации приспособления в новых условиях. Однако неопределенность изменений содержит, по крайней мере, два основных

психологических эффекта на уровне принятия/непринятия ее личностью. Д. А. Леонтьев отмечает, что человек может принять вызов сложности, изменяясь сам, либо, напротив, отвергнуть его и, упрощая свою жизнь, не развиваться, «*замереть в состоянии блаженного покоя*» [14]. Отсюда следует и то, что адаптационная готовность личности может предполагать использование соответствующих стратегий: консервации ситуации (ситуаций), их упрощения и конвергенции, в результате чего достигается состояние равновесия и чувство стабильности, основанное на отказе от восприятия изменений, или их квалификация в рамках известных схем без попыток выхода на рефлексию сложности объектов, либо последовательного познания изменений и дивергенции, формируя новый уровень адаптационной готовности, выходящий за пределы непосредственного данного, охватывающий более широкий круг ситуаций, задач, тем самым достигая определенной стабильности за счет восприятия ситуации как части более весомой области. Эта стратегия в некоторой степени напоминает стратегию достижения «частичной определенности», по Д. А. Леонтьеву.

Отсюда следует также и то, что нельзя согласиться с противопоставлением неопределенности и адаптивности. Известная напряженность, возникающая в ситуации неопределенности, является важным приспособительным фактором и служит пусковым механизмом для поиска способов достичь если и не полной, то частичной определенности ситуации или ее части. Этому служит адаптационная готовность личности, формирующаяся в результате множества столкновений с неопределенностью, а также при решении иных задач, связанных с приспособлением к незнакомым ситуациям и преодолением трудностей. Как отмечает Е. П. Белинская, на сохранение активности в неопределенной ситуации влияют и опыт предыдущего преодоления трудностей, наличие высокой самооценки, «задавая в целом ориентацию на задачу, а не на возможности самоутверждения», характер социальной идентичности в аспекте самоотождествления себя с прошлыми социальными достижениями [15]. Совершенно неслучайно адаптационную готовность личности понимают как новообразование в адаптационном процессе в системе «личность–среда» [3, с. 260].

Ранее нами было отмечено, что готовность к жизненным изменениям в целом повышает адаптационную готовность и благоприятно сказывается на общей адаптационной способности личности [16]. В психологическом смысле адаптационная готовность в ситуации неопреде-

ленности означает готовность личности выбрать определенный маршрут, памятуя о возможности его изменения под действием тех обстоятельств, которые могут возникнуть, актуализироваться. Однако, как совершенно справедливо замечает Т. В. Корнилова, направленность выбора в условиях неопределенности требует и личностного самоопределения, поскольку предполагает процессы смыслообразования и ориентировки в личностных ценностях [17]. Иначе говоря, ценности, установки, смысловые решения личности задают вектор адаптационной готовности и обуславливают отказ от тех альтернатив, которые могут не согласоваться или противоречить диспозициям личности, соответствующим изменяющейся ситуации. Многовариантность адаптационной готовности в социальных взаимоотношениях и конструктивность/деструктивность ее реализации обусловлены этими образованиями. Поэтому важной задачей в аспекте изучения адаптационной готовности является анализ этих образований в аспекте необходимого, допустимого, приемлемого, а не только желаемого и возможного. Например, в исследовании А. К. Акименко было показано, что своеобразным средством адаптации может являться ложь. Было обнаружено, что лица с низкой адаптационной готовностью могут использовать ложь как вынужденную меру, как инструмент самозащиты, а лица с высокой готовностью – как инструмент социального воздействия – сознательно и целенаправленно [18].

С одной стороны, адаптационная готовность личности к взаимодействиям предполагает наличие готовой и достаточно упрощенной и обобщенной схемы как основы, базиса для разворачивания адаптационного процесса, и, очевидно, от степени этой обобщенности зависит, насколько широк охват возможных отношений (ситуаций), в которые личность способна «включаться» и сохранить устойчивость. С другой – столкновение этой схемы с конкретной ситуацией создает необходимость согласования, соотнесения, от исхода которого зависит применимость адаптационной готовности в конкретной ситуации. Поэтому наличие готовности не значит успешность адаптационного процесса. Вместе с тем социально-психологическая адаптационная готовность личности служит основой для проявлений социальной активности и установления и расширения новых связей и отношений с другими и, по сути, является одной из важнейших характеристик, обуславливающих субъективное благополучие личности.

Неопределенность коммуникативной ситуации в значительной степени предопределяет готовность иметь дело с более широким спек-

тром поведенческих проявлений другого и, соответственно, использовать более широкий арсенал поведенческих моделей вплоть до появления какой-либо определенности. Последнее в значительной степени снижает когнитивные издержки, упрощает процесс моделирования своего поведения, поскольку за основу берутся известные модели. Адаптационная готовность актуальна до наступления этого момента появления очертаний определенности ситуации и запуска процесса активной адаптации. Поскольку субъективная неопределенность может в значительной степени усиливаться за счет «искаженных когнитивных репрезентаций» или недостатка информации [17], важнейшим фактором действенности готовности является владение социальным навыком – способность быстро и верно ориентироваться в ситуации. Отсюда следует важнейшая характеристика действенной адаптационной готовности – центрированность на ситуации, а не на себе. По сути, это способность «проходить» сквозь собственный фильтр отношения к себе в выстраивании взаимоотношений с другими, что связано с высокой значимостью задачи, на которую ориентируется субъект; преодоление барьера отношения в данном случае выступает необходимым для адаптации и установления коммуникации. Реализация адаптационной готовности, таким образом, опосредована социально-перцептивными процессами, благодаря которым происходят «настройка» на взаимодействие и регуляция на всем его протяжении.

Таким образом, для определения характеристик адаптационной готовности необходимо учитывать не только установочные образования, но и степень эмоциональной устойчивости и широту охвата (применимости) для различных ситуаций и характеристик других. В этом смысле важнейшим становится восприятие Другого, его характеристик с точки зрения взаимодействия, отношения к субъекту, принятия/непринятия отношения со стороны субъекта. Если в структуре адаптационной готовности учитываются эти характеристики другого/других и существует определенный фильтр восприятия этих проявлений с адекватным уровнем толерантности к ним, очевидно, адаптационная готовность личности будет в большей степени соотнесена с реализацией адаптационного процесса. Например, если в адаптационной готовности имеется установка на принятие индифферентного или негативного отношения, или дискриминации со стороны партнера (партнеров), соответствующие поведенческие акты в конкретной ситуации взаимодействия не нарушат адаптацию субъекта.

Очевидно, в той же мере это справедливо и в отношении социокультурной адаптации личности. Так, в исследовании финских психологов было показано, что адаптация мигрантов оказывается более благополучной, если имеется *соответствие ожидаемых и реальных социокультурных трудностей* на низком уровне, стресс аккультурации является более низким, чем преадаптационный стресс, если они *предвидят и воспринимают* низкий уровень дискриминации. Вместе с тем авторы не обнаружили усиления благополучия в случае несоответствия высоких ожиданий трудностей реальным низким трудностям в постмиграционный период [8]. Возможно, это связано с тем, что высокие (завышенные) ожидания трудностей снижают адаптационную готовность, а столкновение с менее трудной ситуацией фрустрирует не меньше, так как создается тот же очаг напряженности, но с обратной валентностью.

Весьма важную роль в формировании и реализации адаптационной готовности играют характеристики презентации и репрезентации себя и партнера/партнеров по взаимодействию. Совершенно неслучайно в классических социально-психологических исследованиях подчеркивается значимость внешних проявлений отношения и формирования отношения в зависимости от внешнего облика для ситуации взаимодействия с Другим (особенно в связи с большей возможностью его конструирования). Характеристики внешнего облика, равно как и его изменения способны перестраивать разнообразные связи с миром, считает В. А. Лабунская [19]. Очевидно, переживания, связанные со своим внешним обликом, могут стать дискриминационными по отношению к адаптационной готовности личности, создавая зону неуверенности в себе. Особенно это может проявиться в случае большей значимости для личности *отношений*, нежели (например, коммуникативной или предметной) *задачи*. В меньшей степени это касается и облика партнера. Иначе говоря, способность личности распознавать «сигналы» внешнего облика, конструировать его и преодолевать их выступает важнейшим фактором адаптационной готовности.

Подытоживая, можно сказать, что адаптационная готовность личности к взаимодействиям является важнейшим социально-психологическим образованием, инстанцией регуляции социального поведения человека, определяющим широту и интенсивность ее социальной активности. Анализ близких понятий и проведенных исследований позволяет утверждать, что это интегральное социально-психологическое образование,

характеризующееся представлением о ценности и значении взаимодействий с Другими, наличием установок и направленности на приспособление к ситуации взаимодействия, гибкостью и уверенностью в успехе, динамичным представлением о должном в ситуации взаимодействия, которое регулирует проявления социальной активности в различных ситуациях взаимодействия.

Основными социально-психологическими параметрами адаптационной готовности являются наличие установки на взаимодействие, достаточно высокая самооценка, сформированная субъектная позиция, способность к саморегуляции, сосредоточенность на объекте или ситуации, а не на себе, адекватное восприятие трудностей, толерантность к неопределенности и к «природе человека» и гибкость в формировании поведенческих стратегий.

Две наиболее важные переменные – стремление к взаимодействию (решению задачи) и репрезентация личностью готовности других к нему – регулируют интенсивность проявления адаптационной готовности и актуализацию ее содержательных характеристик.

Наконец, одним из важнейших условий формирования адаптационной готовности личности к социальным взаимоотношениям в новых или относительно новых условиях является формирование представлений о среде адаптации, ее культурно-ценностной системе.

Изучение характеристик и структуры социально-психологической адаптационной готовности личности в различных аспектах ее приложения, а также предикторов является важной задачей социальной психологии в современных динамичных условиях социального бытия, позволяющих раскрыть характер его внутренней регуляции.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект «Адаптационная готовность личности в современных условиях развития общества» (№ 15-06-10624а).

Список литературы

1. Григорьева М. В. К разработке концептуальной модели взаимодействия личности и среды // Мир психологии. 2008. № 1. С. 93–100.
2. Шамонов Р. М. Соотношение адаптационной готовности и социальной активности личности // Теоретическая и экспериментальная психология. 2012. Т. 5, № 2. С. 72–81.
3. Григорьева М. В. Понятийный аппарат психологии адаптации личности // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2014. Т. 3, вып. 3. С. 259–263.

4. *Арендчук И. В.* Этапы развития адаптационной готовности личности к рискам образовательной среды // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2014. Т. 3, вып. 2. С. 108–113.
5. *Тарасова Л. Е.* Психологическая безопасность образовательной среды как условие развития адаптационной готовности старшеклассников // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2012. Т. 1, вып. 2. С. 18–22.
6. *Бочарова Е. Е.* Временная перспектива личности студента с разным уровнем адаптационной готовности // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2014. Т. 3, вып. 1. С. 57–62.
7. *Мальшев И. В.* Проявление социально-психологических и индивидуальных свойств личности учителей школ в зависимости от уровня их социализации // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2014. Т. 3, вып. 4. С. 362–365.
8. *Mähönen T.A., Jasinskaja-Lahti I.* Acculturation expectations and experiences as predictors of ethnic migrants' psychological well-being // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2013. Vol. 44 (5). P. 786–806.
9. *Berry J. W.* Acculturative Stress // Psychology and Culture / ed. by W. J. Lonner, R. S. Malpass. N.Y., 1994. P. 287–298.
10. *Гриценко В. В.* Социально-психологическая адаптация переселенцев в России. М., 2002. 252 с.
11. *Рягузова Е. В.* Социальная психология личностных репрезентаций взаимодействия «Я – Другой». Саратов, 2011. 304 с.
12. *Реан А. А., Кудашев А. Р., Баранов А. А.* Психология адаптации личности. СПб., 2002. 352 с.
13. *Асмолов А. Г.* Психология современности : вызовы неопределенности, сложности и разнообразия // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 40. С. 1. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 28.04.2015).
14. *Леонтьев Д. А.* Вызов неопределенности как центральная проблема психологии личности // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 40. С. 2. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 28.04.2015).
15. *Белинская Е. П.* Неопределенность как категория современной социальной психологии личности // Психологические исследования. 2014. Т. 7, № 36. С. 3. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 10.05.2015).
16. *Shamionov R. M.* Adaptational potential and subjective well-being of comprehensive school graduates and first year students of higher educational institutions // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2014. Vol. 131. P. 51–56.
17. *Корнилова Т. В.* Принцип неопределенности в психологии выбора и риска // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 40. С. 3. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 28.04.2015).
18. *Акименко А. К.* Взаимосвязь представлений о лжи и стратегий поведения современной молодежи в процессе социально-психологической адаптации // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2010. Т. 10, вып. 3. С. 56–61.
19. *Лабунская В. А.* «Видимый человек» как социально-психологический феномен // Социальная психология и общество. 2010. № 1. С. 26–39.

Adaptation Readiness of the Personality as a Subject of Social Interaction

R. M. Shamionov

Saratov State University
83, Astrakhanskay str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: shamionov@mail.ru

The problem of adaptation readiness of the individual as a subject of social interactions is analyzed. Adaptation readiness is viewed from the position of its formation and functioning in the context of interaction with Other/Others and the social situation. The valuable role of the socialization of the personality in the development of socio-psychological component of adaptation readiness is recognized and concludes that the possibility of its gain by expanding the concepts of environment, adaptation and value-semantic certainty. It is shown that the basic social and psychological parameters adaptation readiness are the presence of the installation on the interaction sufficiently high self-esteem, formed by the subject position, the ability to self-control, focus on an object or situation, not on him/her-self, adequate perception of the difficulties, uncertainty avoidance, and to the «nature man» and flexibility in shaping the behavioral strategies. The most important parameters governing the intensity of the adaptation readiness and updating its content characteristics are the desire for interaction (problem solving) and the representation of the personal readiness of others to interactions.

Key words: person, subject, adaptation readiness, interaction, uncertainty.

This work was supported by the Russian Foundation for Humanities (project № 15-06-10624a «Adaptation readiness of the person in modern conditions of development of society»).

References

1. Grigoreva M. V. K razrabotke kontseptualnoy modeli vzaimodeystviya lichnosti i sredy (To the development of conceptual model of the interaction of a personality and environment). *Mir Psikhologii* (The World of Psychology), 2008, no. 1, pp. 93–100.
2. Shamionov R. M. Sootnoshenie adaptatsionnoy gotovnosti i sotsialnoy aktivnosti lichnosti (The ratio of adaptive readiness and social activity of the individual). *Teoreticheskaya i eksperimentalnaya psikhologiya* (Theoretical and Experimental Psychology), 2012, vol. 5, no. 2, pp. 72–81.
3. Grigoreva M. V. Ponyatiynnyy apparat psikhologii adaptatsii lichnosti (Concept apparatus in psychology of personality's adaptation). *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2014, vol. 3, iss. 3, pp. 259–263.
4. Arendachuk I. V. Etapy razvitiya adaptatsionnoy gotovnosti lichnosti k riskam obrazovatelnoy sredy (Stages of development of personal adaptational readiness for

- educational environment risks). *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2014, vol. 3, iss. 2, pp. 108–113.
5. Tarasova L. E. Psikhologicheskaya bezopasnost obrazovatelnoy sredy kak uslovie razvitiya adaptatsionnoy gotovnosti starsheklassnikov (Psychological safety of the educational environment as a condition of development of adaptable readiness of senior pupils). *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2012, vol. 1, iss. 2, pp. 18–22.
  6. Bocharova E. E. Vremennaya perspektiva lichnosti studenta s raznym urovnem adaptatsionnoy gotovnosti (Temporal perspective in students with different levels of adaptational readiness). *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2014, vol. 3, iss. 1, pp. 57–62.
  7. Malyshev I. V. Proyavlenie sotsialno-psikhologicheskikh i individualnykh svoystv lichnosti uchiteley shkol v zavisimosti ot urovnya ikh sotsializatsii (Manifestation of social-psychological and individual properties of the personality of teachers of schools depending on the level of their socialization). *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2014, vol. 3, iss. 4, pp. 362–365.
  8. Mähönen T. A., Jasinskaja-Lahti I. Acculturation expectations and experiences as predictors of ethnic migrants' psychological well-being. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2013, vol. 44 (5), pp. 786–806.
  9. Berry J. W. Acculturative stress. *Psychology and Culture*. Ed. by W. J. Lonner, R. S. Malpass. New York, 1994, pp. 287–298.
  10. Gritsenko V. V. *Sotsialno-psikhologicheskaya adaptatsiya pereselentsev v Rossii* (Social-psychology adaptation of migrants in the Russia). Moscow, 2002. 252 p.
  11. Ryaguzova E. V. *Sotsialnaya psikhologiya lichnostnykh reprezentatsiy vzaimodeystviya «Ya–Drugoy»* (Social psychology of personal representations of interaction «I–Other»). Saratov, 2011. 304 p.
  12. Rean A. A., Kudashov A. R., Baranov A. A. *Psikhologiya adaptatsii lichnosti* (Psychology of personal adaptation). St.-Petersburg, 2002. 352 p.
  13. Asmolov A. G. Psikhologiya sovremennosti: vyzovy neopredelennosti, slozhnosti i raznoobraziya (Psychology of modernity: the challenges of uncertainty, complexity and diversity). *Psikhologicheskie issledovaniya* (Psychological Studies), 2015, vol. 8, no. 40, p. 1. Available at: <http://psystudy.ru> (accessed 28 April 2015).
  14. Leontiev D. A. Vyzov neopredelennosti kak tsentralnaya problema psikhologii lichnosti (The challenge of uncertainty as the key issue of the psychology of personality). *Psikhologicheskie issledovaniya* (Psychological Studies), 2015, vol. 8, no. 40, p. 2. Available at: <http://psystudy.ru> (accessed 28 April 2015).
  15. Belinskaya E. P. Neopredelennost kak kategoriya sovremennoy sotsialnoy psikhologii lichnosti (Uncertainty as a category of modern social psychology of personality). *Psikhologicheskie issledovaniya* (Psychological Studies), 2014, vol. 7, no. 36, p. 3. Available at: <http://psystudy.ru> (accessed 10 May 2015).
  16. Shamionov R. M. Adaptational potential and subjective well-being of comprehensive school graduates and first year students of higher educational institutions. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2014, vol. 131, pp. 51–56.
  17. Kornilova T. V. Printsip neopredelennosti v psikhologii vybora i riska (The principle of uncertainty in psychology of choice and risk). *Psikhologicheskie issledovaniya* (Psychological Studies), 2015, vol. 8, no. 40, p. 3. Available at: <http://psystudy.ru> (accessed 28 April 2015).
  18. Akimenko A. K. Vzaimosvyaz predstavleniy o lzhi i strategiy povedeniya sovremennoy molodezhi v protsesse sotsialno-psikhologicheskoy adaptatsii (The interrelationship of representations about a lie and the strategy of behaviour of modern youth during social-psychological adaptation). *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2010, vol. 10, iss. 3, pp. 56–61.
  19. Labunskaya V. A. «Vidimyy chelovek» kak sotsialno-psikhologicheskii fenomen («Human visible» as social-psychological phenomenon). *Sotsialnaya psikhologiya i obshchestvo* (Social Psychology and Society), 2010, no. 1, pp. 26–39.

ПЕДАГОГИКА

УДК 37.014

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И ОБЩЕСТВЕННАЯ ИНИЦИАТИВА В ДЕЛЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ ПРОМЫШЛЕННЫХ КАДРОВ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Логинова Вера Степановна –

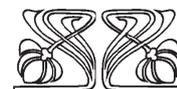
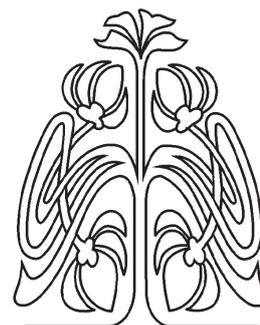
кандидат педагогических наук, доцент кафедры методологии образования,
Саратовский государственный университет
E-mail: log-vs@yandex.ru

Статья посвящена историко-педагогической проблеме взаимодействия правительственных и общественных структур в сфере народного образования в дореволюционной России. В ней раскрываются основные тенденции государственной политики в области подготовки промышленных кадров – охранительная, сословная и продворянская. Определены конкретные направления деятельности обществ и организаций, товариществ ученых, педагогов, передовой промышленной интеллигенции, съездов и совещаний, педагогической прессы в области профессионального образования рабочих: открытие и содержание различных типов учебных заведений, разработка вопросов организации учебного процесса, выпуск методической и учебной литературы. Подчеркивается, что в процессе создания государственно-общественной системы профессионально-технического образования функции правительства и общественности разграничивались: регулятивная, надзорно-контролирующая принадлежали государству, функции инициирования, организации, устройства, финансирования и содержания учебных заведений брала на себя общественность.

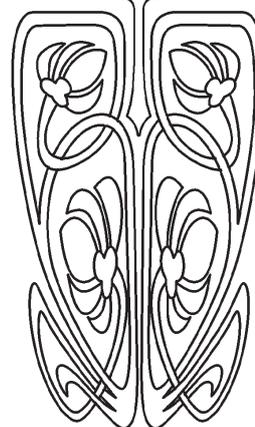
Ключевые слова: образование, общественно-педагогическое движение, общественная инициатива в образовании, профессионально-техническое образование.

DOI: 10.18500/1819-7671-2015-15-4-113-118

Общественная инициатива и деятельность в различных сферах жизни современной России служит показателем стремления к укреплению демократических процессов в обществе. Не осталось в стороне от этого и образование, являющееся важнейшим объектом приложения общественных усилий. Исторические корни общественной деятельности в сфере образования связаны с развитием общественно-педагогического движения в России в 90-е гг. XIX столетия. Все звенья дореволюционной русской школы развивались под влиянием объективных и субъективных, международных и внутрисоциальных, экономических и демографических, социальных и культурологических факторов. Определяющими среди них, как отмечают историки народного образования (А. Н. Веселов, Э. Д. Днепров, Н. Н. Кузьмин, Е. Г. Осовский, Б. К. Тебиев и др.), являются объективно-экономические потребности России, правительственная политика в области экономики, труда и образования, консолидация общественных сил вокруг проблем теории и практики образования. Неоднозначным в разные исторические периоды было влияние этих факторов. Если с петровских времен функция заботы о профессиональной сфере сословного образования принадлежала

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

всецело государству, то с 60-х гг. XIX в., под влиянием социально-экономических процессов, принудивших российскую монархию сделать шаг к буржуазной государственности, в действие вступает новая влиятельная сила – общественная деятельность и инициатива. Они становятся общественным движением, объединившим передовую научную и педагогическую интеллигенцию для решения актуальных проблем демократизации народного образования. Через свои специфические формы (общества, съезды, журналистику) они создают звенья, к которым правительство не проявляло достаточного внимания, и становятся действенным фактором развития образования в России. Одним из таких звеньев была профессиональная подготовка промышленных кадров. Общественность, осознавая экономическое значение такой подготовки, вносит патриотическое, гуманистическое начало в её обоснование.

В конце 1860 – начале 1870-х гг., когда российский капитализм только набирал силы, потребность в людях «промышленных и технических занятий» не казалась правительству насущной, поэтому недооценивались реальное образование, профессиональная подготовка рабочих. Первые шаги в этом направлении были сделаны общественностью. О необходимости скорейшего решения объективно назревшего вопроса говорили ученые, экономисты, инженеры, крупные промышленники и предприниматели (Е. Н. Андреев, И. А. Вышнеградский, А. И. Чупров, И. И. Янжул, Варгунины, Э. Л. Нобель и др.).

Крупным общественным объединением педагогической и научно-технической интеллигенции, впервые признавшим важность образования для простых рабочих, выступило *Императорское русское техническое общество* в Петербурге и организованная при нем специальная Постоянная комиссия по техническому и профессиональному образованию. Именно оно приступило к устройству школ для взрослых рабочих и их детей. Правительство, еще не испытывая особой заинтересованности в таких учебных заведениях, встало на путь протекционизма и поддержки общественных усилий. В августе 1869 г. законодательно право на открытие школ предоставлялось «взаимному соглашению местных попечителей учебных округов и губернаторов» [1, л. 435], что обеспечивало определенный простор для проявления общественных начинаний. Не признав за профессиональной школой права на существование наряду с общеобразовательной, правительство фактически не заботилось о широком ее распространении. Нелучайно русский историк профессионального образования И. Максин в начале XX в. вывел парадоксальную формулу культурно-экономиче-

ской жизни России, относящуюся и к школьной политике: «скорость в разрешении всяких государственных вопросов обратно пропорциональна степени их неотложности» [2, с. 28].

В 80-е гг. XIX в. началась переориентация политики правительства в области технического образования рабочих, что объяснялось не столько экономическими соображениями, сколько стремлением уступить требованиям крепнущей буржуазии в создании конкурентоспособной системы подготовки промышленных кадров. Более того, укрепились «охранительно-политические интересы и курс, взятый на восстановление сословного начала в школе» [3, с. 91]. Вступают в жизнь новые тенденции просветительской правительственной политики – *охранительная и сословная, продворянская*, которые предполагали восстановление сословной чистоты общеобразовательной школы, удаление из последней лиц «податных сословий». Техническую школу оно приняло за «магнит», с помощью которого намеревалось оттянуть «нежелательный элемент», «массу вредных для общества недоучек» из средней общеобразовательной школы. Закон «Основные положения о промышленных училищах» (1888) предусматривал установление в России трех типов технических училищ: средних, низших, ремесленных и определял действия правительства по их организации. Намечалось открыть за счет государственного казначейства 40 профессионально-технических учебных заведений в различных областях (7 средних и низших технических, 18 ремесленных училищ) [4, с. 3]. Однако планы реализовывались медленно. В 1889 г. были утверждены только штаты и уставы промышленных училищ и последовало разрешение лишь на преобразование нескольких реальных училищ (в Красноуфимске, Иркутске), а также учреждение ремесленных учебных заведений в Батуми, Жиздре, Брянске. В 1890 г. в ведении министерств было 116 разнотипных технических учебных заведений. С 1888 по 1913 гг. было открыто всего 18 низших профессиональных школ на всю Россию [5, с. 23]. Руководствуясь принципом удешевления подготовки промышленных кадров, правительство утверждает в 1893–1895 гг. новые типы училищ – школы ремесленных учеников и низшие ремесленные школы. В апреле 1903 г. и в марте 1904 г. в силу вступили законы о введении ремесленных отделений и классов при начальной народной школе. *Идея профессионализации начальной народной школы* была реализована в 1903–1904 гг. В учебные планы вводились уроки ручного труда ремесленного характера, открывались ремесленные отделения при начальных школах. Против этой тенденции выступили известные педагоги (В. П. Вахтеров, П. Ф. Лесгафт, П. Ф. Каптерев, А. Г. Неболсин).

Демократическое ядро Петербургского комитета грамотности (Г. А. Фальборк, В. И. Чарнолуский, А. Н. Страннолюбский, И. И. Янжул) считали специализацию начального образования ущербной для его «научной и общественной ценности» [6, с. 93].

Не поддерживая многие начинания общественности, правительство пошло на разграничение функций: открытие, управление и контроль над работой учебных заведений оно пыталось взять в свои руки, а финансирование возложить на общественность. Однако бюрократические препоны стояли на пути организации училищ на средства общественности. Отказ в открытии мотивировался нежеланием выпускать из-под контроля образование рабочих. Но правительство все же признавало, что промышленное образование во многом зависело от «просвещенного желания владельцев фабрик и заводов» [7, с. 11]. По образному выражению К. Мазинга, директора частного реального училища в Москве, минимальные казенные расходы на профессионально-техническую школу представляли собой лишь «дрожжи», главное же содержимое, «муку», доставляли общество и частные лица. Признавая за общественной инициативой ведущую роль в финансировании промышленных школ, он считал, что такая комбинация при существующем порядке может дать «прекрасное тесто» [8, с. 3].

Недовольство медленным продвижением реформ, сословно-охранительной линией в школьной политике активизировали деятельность общественности. Научно-техническая и педагогическая интеллигенция, представители промышленных кругов, лидеры городского самоуправления и земские деятели сознавали, что профессиональное образование рабочих обеспечит не только экономическое благосостояние, но и необходимую социальную защиту работающих в промышленности и сельском хозяйстве, повысит международный престиж России, обеспечит ее конкурентоспособность на мировой арене. Неоднородное по своей социальной структуре общественно-педагогическое движение для согласования действий, оказания давления на правительство и развертывания альтернативной деятельности в области образования, в том числе технического, обрело определенные организационные формы.

Развернули свою работу вновь созданные и уже действующие *общества и организации, товарищества ученых, педагогов, передовой промышленной интеллигенции* (просветительские, благотворительные, попечительские, отраслевые, промышленные), прямой или косвенной задачей которых стала конструктивно-оппозиционная деятельность, включающая открытие учебных за-

ведений, разработку вопросов теории и практики образования рабочих: это Русское техническое общество (РТО), Постоянная комиссия при нём, отделения общества в Москве, Одессе и других городах, Московское общество распространения технических знаний, Общество деятелей печатного дела, Общество улучшения народного труда в память царя-освободителя Александра II, Общество горных инженеров, Санкт-Петербургское общество фабрикантов и заводчиков и другие. На заседаниях обсуждалась правительственная политика, ее непоследовательность, изучался ход реализации «Плана промышленного образования», инициативы общественности, выяснялись нужды и особенности развития образования в российских губерниях. Общества организовывали статистические органы, проводили массовые анкетирования и опросы учителей, учащихся, жителей городов и сельской местности, рабочих промышленных предприятий, обследования учебных заведений. ПК при РТО готовила сведения о школах и состоянии грамотности для съездов по техническому и профессиональному образованию. Обществу улучшения народного труда оперативно составило «Алфавитный указатель местонахождения в Империи технических и профессиональных заведений до 1 декабря 1889 года» [9, л. 10.]. Таким образом, деятельность обществ в области профессионального образования рабочих разворачивалась в следующих направлениях: *«практическое»* – открытие и содержание различных типов учебных заведений, поиск источников финансирования, привлечение частных и общественных средств; устройство «вспомогательных» учреждений (музеев наглядных пособий, выставок ученических работ); организация популярных чтений, лекций; открытие съездов и совещаний; статистические обследования и опросы с целью изучения состояния общего и профессионального образования в России; *«теоретическое (педагогическое)»* – разработка общепедагогических и методических вопросов организации учебно-воспитательной работы в профессионально-технической школе (обоснование новых типов училищ, составление учебных планов, программ, совершенствование методов, форм обучения и т.д.); *издательская деятельность* – выпуск учебно-методической литературы, справочно-библиографических изданий, каталогов, списков, печатание сочинений, статей, заметок, трудов, журналов, текстов заседаний.

Эти направления наиболее полно реализовывались в деятельности Русского технического общества и Постоянной комиссии при нём. Одним из первых оно приступило к организации альтернативных государственным общественным учебным заведениям для рабочих. В первое десятилетие своего существования ПК при РТО,

руководствуясь тезисом, что «первая основа технического образования – есть образование общее», открыла 11 школ, большинство из них были общеобразовательными [10, с. 47–48]. В 1874 г. начали свою работу первые технические училища – школа десятников по строительному делу и ремесленное училище. Откликаясь на потребности отечественной промышленности в специалистах различных профилей, ПК при РТО в 1884 г. открыла школу печатного дела, в 1896 г. – школу электротехников, курсы кочегаров при заводах Петербурга, железнодорожные курсы. Позже открываются отделения РТО в других городах России. В 1897 г. их насчитывалось 7, в 1903 г. – 27, а к 1905 г. – уже 38. При некоторых были созданы ПК по техническому образованию. 13 иногородних отделений (в Екатеринославле, Киеве, Одессе, Саратове и др.) открыли несколько низших технических учебных заведений – 2 школы десятников по строительному делу, 4 курса машинистов и кочегаров, 3 курса черчения и рисования, 12 училищ смешанного характера [11, с. 90]. В начале XX в. активно открывают школы и курсы для рабочих Общество деятелей печатного дела, Московское общество инженеров и педагогов, Московское художественное общество и др. Не оставили без внимания дело профессионального образования *общества содействия народному образованию, попечительские организации*, содержащие начальные и ремесленные школы в Харькове, Елизаветграде, Томске, Барнауле. Активно помогали и благотворительные общества. К концу XIX в. они содержали большое число заведений «дешевого и бесплатного обучения» (воскресные, подготовительные, ремесленные, профессиональные школы). Благотворительные общества делали акцент на помощь сиротам, беднякам в получении квалификации, открывая преимущественно низшие ремесленные учебные заведения. Так, образованное при Императорском человеколюбивом обществе «Попечительство о ремесленном образовании бедных детей» и работающая в его составе учебно-ремесленная комиссия на денежные и другие жертвования частных лиц и средства общества содержали в 1890 г. 14 ремесленных школ [12, с. 113], Ремесленное отделение при начальном училище было открыто Благотворительным союзом в Саратове. Одесское общество «Труд» создало ремесленную школу с числом учащихся около 200 человек [12, с. 115–116]. *Объединения промышленников и предпринимателей*, заинтересованные в перспективном развитии своей отрасли производства (Общество для содействия русской промышленности и торговли, Петербургское общество для содействия улучшению и развитию фабрично-заводской промышленности и др.), вкладывали средства в

промышленные учебные заведения, открывали образцовые училища, используя зарубежный опыт

Самодетельной формой объединения российской общественности стали *съезды и совещания*, на которых обменивались мнениями, опытом, подготавливали прошения, ходатайства, запросы. Заслуженным успехом в среде научно-технической и педагогической интеллигенции России пользовалась *отечественная пресса* (общественно-политическая, литературно-художественная, педагогическая, научно-техническая). На страницах журналов и газет («Русская школа», «Образование», «Техническое образование» и др.) общественность выступала с новыми, созвучными времени идеями, критиковала правительственную политику, обсуждала проекты и циркуляры Министерства народного просвещения и других ведомств. Журнал «Техническое образование» помещал распоряжения правительства, печатались отзывы, статьи, отражавшие различные точки зрения на деятельность государственных органов, формулировались предложения и замечания. В сельской местности работу по организации низших технических и сельскохозяйственных учебных заведений и распространению элементарных технических знаний проводили *земства*. Еще в 70-е годы XIX в. по инициативе Русского технического общества совместно с некоторыми земствами стали создаваться ремесленно-промышленные и учебно-показательные мастерские. Исследователь земской деятельности В. И. Чарнолуский отмечал, что активными в этой области были Вятское, Полтавское, Московское земства [13, с. 157].

Не менее важным направлением деятельности общественности являлась *организация заведений вспомогательного характера* – учебно-педагогических музеев, выставок, библиотек. При ряде обществ (Постоянной комиссии при РТО, учебном отделе Московского общества распространения технических знаний, Обществе деятелей печатного дела и др.) были открыты библиотеки, состоящие из книг «популярного технического содержания», учебников для технической школы, справочников, брошюр и курсов лекций. *Культурно-просветительская работа*, проводимая педагогической интеллигенцией в начале XX в., включала новые формы распространения и популяризации профессиональных знаний среди рабочих: периодические популярные курсы, чтения, лектории, народные университеты с лекциями по специальным вопросам, касающимся различных отраслей промышленного производства

Инициатива общественности неоднозначно воспринималась правительством. Если в конце 1860-х и в 70-е гг. в политике преобладала тенденция к поддержанию общественных на-

чинаний, то в конце 1880-х гг., с усилением сословно-охранительных начал, отношение стало более осторожным. С приходом И. Д. Делянова Министерство народного просвещения отказалось от нейтрально-разрешительной политики, от невмешательства в дело подготовки промышленных кадров и взяло курс на сдерживание общественной инициативы, на осуществление охранительно-политического контроля за деятельностью общественности. Не случайно на страницах «Технического образования» редакция с сожалением признавала, что министерство на протяжении многих лет «более или менее отрицательно» относилось к общественной деятельности [14, с. 30]. В 1887 г. И. Д. Делянов запретил общественности вмешиваться в школьные дела. Излишне «опасной», развивающейся «в духе несогласия с видами правительства» и ставшей одним из средств борьбы с ним на «легальной почве» [15, с. 69–70] была признана деятельность Санкт-Петербургского комитета грамотности. Такая же участь постигла Московский комитет грамотности и большинство комиссий учебного отдела Московского общества распространения технических знаний. Усилился контроль за работой РТО, особенно его IX отдела (Постоянной комиссии). Под административным контролем работали и *съезды русских деятелей по техническому и профессиональному образованию*, хотя только с их помощью правительство получало довольно полную информацию о состоянии и нуждах промышленного производства в квалифицированных кадрах, темпах распространения профессионального образования, могло судить о настроении и мнениях научно-технической, педагогической интеллигенции. Правительство высоко ценило опыт и компетентность отдельных общественных деятелей (Е. Н. Андреева, А. Г. Неболсина, Е. М. Гаршина и др.): они приглашались в качестве членов правительственных комиссий, так, за участие в работе комиссии по рассмотрению лучших учебников и руководств для промышленных училищ ведомство просвещения в 1895 г. наградило А. Г. Неболсина медалью [16, л. 9, 13].

Таким образом, в итоге сложных и противоречивых взаимоотношений правительства и общественно-педагогического движения в области подготовки отечественных квалифицированных рабочих кадров в России на рубеже XIX–XX вв. создавалась *государственно-общественная система* профессионально-технических учебных заведений с разграниченными функциями правительства и общественности: регулятивная, надзорно-контролирующая принадлежала государству, функцию инициирования, организации, финансирования и содержания учебных заведений брала на себя общественность. Непоследовательность правительства по отношению к общественным

начинаниям, консерватизм в области подготовки рабочих кадров, объективная потребность безотлагательного решения назревшей проблемы активизировали деятельность общественных сил России в нескольких направлениях: *оказания прямого или косвенного стимулирующего давления на правительство* посредством прошений, ходатайств, в том числе и через открытую критику его политики; *конструктивно-созидательного*, включавшего выдвижение альтернативных планов, проектов, разработку теоретических основ профтехобразования, создание внеправительственного сектора профессионально-технических школ; *консолидирующего*, предполагавшего пропаганду идей профтехобразования и объединение вокруг них российской интеллигенции, заинтересованной в подготовке промышленных кадров.

Список литературы

1. ЦГИА (Центральный государственный исторический архив Российской Федерации). Фонд 1263 (Комитет министров). Оп. 1. Д. 3414. Л. 435.
2. *Максин И.* К вопросу о реформе промышленного образования // Техническое и коммерческое образование. 1910. № 1. С. 28–43.
3. *Днепров Э. Д.* Самодержавие и народное образование в пореформенной России // Школа и педагогическая мысль России периода двух буржуазно-демократических революций. М., 1984. С. 49–96.
4. Очерк развития промышленного образования в России за 1888–1898 гг. СПб., 1900. 103 с.
5. Очерки по истории школы и педагогической мысли народов СССР. Конец XIX – начало XX в. М., 1991. 448 с.
6. Отчет о деятельности состоящего при ИВЭО С.-Петербургского Комитета Грамотности за 1893 г. СПб., 1894. 217 с.
7. Техническое образование. 1895. № 3. С. 11.
8. *Мазинг К. К.* Значение частной инициативы в развитии просвещения // Техническое образование. 1903. № 8. С. 1–9.
9. ЦГИА. Фонд 1001 (Неболсины). Оп. 1. Д. 328. Л. 10.
10. Техническое образование. 1893. № 8. С. 47–48.
11. *Корольков Н. М.* Краткий обзор деятельности Постоянной комиссии по техническому образованию (IX отдела Императорского Русского технического общества). СПб., 1912. 94 с.
12. *Абрамов Я. В.* Очерки частной инициативы в деле народного образования // Русская школа. 1890. Т. II, № 9. С. 111–124.
13. *Чарнолуцкий В. И.* Земство и народное образование : в 2 ч. СПб, 1910. Ч. 1. 186 с.
14. *Максин И.* Очерк развития промышленного образования в России за 1888–1908 гг. СПб., 1909. 175 с.
15. Былое. 1907. № 5. С. 69–70.
16. ЦГИА. Фонд 1001(Неболсины). Оп. 1. Д. 184. Л. 9, 13.

State Policy and Public Initiative in Professional Training of Industrial Personnel in Prerevolutionary Russia

V. S. Loginova

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: log-vs@yandex.ru

The article regards the historical and pedagogical issue of the interaction between state and public bodies in the sphere of public education in pre-revolutionary Russia. It reveals the main tendencies of state policy in the sphere of preparation of industrial specialists: protective, class and pro-nobility. The article identifies the concrete directions of the activities of communities and organizations, associations of scientists, educators, advanced industrial intelligentsia, congresses and conferences, pedagogical press in the sphere of workers' professional training, launching and maintenance of various types of educational establishments, development of theoretical issues of teaching process, publishing methodological and teaching materials. It is emphasized that in the process of development of state and social system of technical professional training functions of the state and the society were demarcated: regulative and supervisory part was performed by the state, with the society performing the functions of initiative, organization, establishing, financing and maintaining educational establishments.

Key words: education, public educational movement, public initiative in education, professional technical training.

References

1. *TsGIA (Tsentralnyy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Rossiyskoy Federatsii)* (CSHA – Central State History Archive of Russian Federation). Fond 1263 (Komitet ministrov) (Committee of Ministers), ser. I, doc. 3414, p. 435.
2. Maksin I. K voprosu o reforme promyshlennogo obrazovaniya (On the issue of the industrial education reform). *Tekhnicheskoe i kommercheskoe obrazovanie* (Technological and Commercial Education), 1910, no. 1, pp. 28–43.
3. Dneprov E. D. Samoderzhavie i narodnoe obrazovanie v poreformennoi Rossii (Autocracy and public education in post-reform Russia). *Shkola i pedagogicheskaya mysl Rossii perioda dvukh byrzhlyazno-demokraticheskikh revolyutsiy* (School and pedagogical thought of Russia in the period between two bourgeois-democratic revolutions). Moscow, 1984, pp. 49–96.
4. *Ocherk razvitiya promyshlennogo obrazovaniya v Rossii za 1888–1898 gg.* (An outline of the development of industrial education in Russia in the period of 1888–1898). St.-Petersburg, 1900. 103 p.
5. *Ocherki po istorii shkoly i pedagogicheskoy mysli narodov SSSR. Konets XIX–nachalo XX v.* (Studies of the history of school and pedagogical thought of the people in the USSR. End of XIX–beginning of XX c.). Moscow, 1991. 448 p.
6. *Otchet o deyatelnosti sostoyashchego pri IVEO St.-Peterburgskogo komiteta gramotnosti za 1893 g.* (An interim report {1893} on the activities of Saint-Petersburg literacy committee of the ILES {Imperial liberal economic society}). St.-Petersburg, 1894. 217 p.
7. *Tekhnicheskoe obrazovanie* (Technological Education), 1895, no. 3, p. 11.
8. Mazing K. K. Znachenie chastnoy initsiativy v razvitiy prosveshcheniya (Significance of private initiative for the development of education). *Tekhnicheskoe obrazovanie* (Technological Education), 1903, no. 8, pp. 1–9.
9. *TsGIA* (CSHA). Fond 1001 (Nebolsiny), ser. 1, doc. 328, p. 10.
10. *Tekhnicheskoe obrazovanie* (Technological Education), 1893, no. 8, pp. 47–48.
11. Korolkov N. M. *Kratkiy obzor deyatelnosti Postoyannoy komissii po tekhnicheskomu obrazovaniyu* (IX otdela Imperatorskogo Russkogo tekhnicheskogo obshchestva) (A short review of the activities of standing commission on technological education of IX department of Imperial Russian technological society). St.-Petersburg, 1912. 94 p.
12. Abramov Ya. V. *Ocherki chastnoy initsiativy v dele narodnogo obrazovaniya* (Studies on the private initiative in public education). *Rysskaya shkola* (Russian school), 1890, vol. 2, no. 9, pp. 111–124.
13. Charnolyskiy V. I. *Zemstvo i narodnoe obrazovanie: v 2 ch.* (Zemstvo and public education: in 2 parts. St.-Petersburg, 1910. Part 1. 186 p.
14. Maksin I. *Ocherk razvitiya promyshlennogo obrazovaniya v Rossii za 1888–1908 gg.* (An outline of the development of industrial education in Russia, years 1888–1908). St.-Petersburg, 1909. 175 p.
15. Byloe (The Past), 1907, no. 5, pp. 69–70.
16. *TsGIA* (CSHA). Fond 1001 (Nebolsiny), ser. 1, doc. 184, p. 9, 13.

УДК 378.147

АКСИОЛОГИЗАЦИЯ ПРОЦЕССА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ

Савельева Нелли Хисматуллаевна –

кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков и перевода, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург
E-mail: nellik1983@mail.ru

В статье рассматривается профессионально-аксиологическая парадигма педагогики как стратегический ориентир развития высшего образования экономического профиля. Аксиология образования – перспективное научное направление, позволяющее выявить как внешние обстоятельства и параметры построения образовательного процесса, так и внутренние, личностные резервы обеспечения высокой результативности процесса обучения в высшей школе, определить состав и иерархию ценностей, которые придают направленность будущей профессиональной деятельности студента-экономиста, определяют его взаимодействие с миром и с людьми.

Ключевые слова: профессиональная компетентность, ценностные ориентации, аксиологизация образования, будущие экономисты.

DOI: 10.18500/1819-7671-2015-15-4-119-121

Одна из главных целей современного университета состоит в подготовке специалистов, способных отвечать вызовам современности, что предполагает не только трансляцию готовых знаний, но и создание нового знания. К настоящему времени в педагогической науке разработан ряд подходов, концепций, реализующих задачи подготовки специалиста в условиях университетского образования. Вместе с тем следует отметить, что основное внимание уделяется внешним обстоятельствам и параметрам построения образовательного процесса, а внутренние, личностные резервы обеспечения высокой результативности процесса обучения в высшей школе и аксиологические ресурсы повышения качества образования раскрыты не в полной мере.

Образование является основным каналом приобщения будущего специалиста к ценностям культуры, образования и профессии. На каждом этапе развития общества система образования претерпевает определенные изменения в соответствии с его потребностями, идеологией, ценностями. Кардинальные изменения в мировом сообществе обусловили возникновение новых приоритетов в сфере университетского образования [1], поэтому особое значение имеют ценностные ориентации, так как университетское образование представляет собой фундаментальную научно-практическую основу формирования

у молодого поколения реальных представлений о подлинных и мнимых ценностях жизни и деятельности, выражающих социальные, правовые и нравственные нормы общества.

Аксиологизация – компонент гуманизации образования, поскольку в теории и на практике она определяет состав и иерархию гуманистических ценностей образования, системообразующим элементом которых выступает человек как главная цель. Очевидно, что аксиологизация – это процесс, соединяющий в себе обозначенные аспекты развития образовательной деятельности учебного заведения и личности студента: учебное заведение реализует резерв качества образования, для личности результатом аксиологизации становится развитие ценностного отношения студента к познанию, к профессии, к себе и другим, превращающееся в устойчивые профессионально значимые и жизненные ценностные ориентации.

Университет – уникальное общественное место, где формируется два типа знаний: знание как наука и знание как культура, т.е., с одной стороны, он способствует социокультурному развитию общества, с другой – выступает проводником инновационных технологий. Современный университет становится гарантом, механизмом реализации такой коренной социальной потребности, как стабильное, устойчивое развитие общества [2].

На наш взгляд, решение проблемы повышения качества подготовки будущих специалистов экономического профиля невозможно без обращения к ценностно-мотивационным компонентам предстоящей профессиональной деятельности.

Содержание понятия «ценность» большинство ученых характеризует, выделяя характеристики, свойственные формам общественного сознания: значимость, нормативность, полезность, необходимость, целесообразность. Утверждается, что возникновение ценности связано, с одной стороны, с предметами, явлениями, их свойствами, способами удовлетворить определенные потребности общества, человека;

с другой – ценность выступает как суждение, связанное с оценкой существующего предмета, явления человеком, обществом. Подчеркивается, что ценность – это форма проявления определенного рода отношения между субъектом и объектом. Только рассматривая общественное бытие человека в аспекте объект-субъектного отношения, мы можем зафиксировать явление ценности.

Педагогический аспект проблемы ориентации личности в окружающем мире в общем виде состоит в том, чтобы широкий спектр объективных ценностей культуры сделать предметом осознания, переживания как особых потребностей личности, сделать так, чтобы объективные ценности стали субъективно значимыми, устойчивыми жизненными ориентирами личности, ее ценностными ориентациями.

Значение исследования ценностных ориентаций индивида определяется тем, что они представляют собой основной «канал усвоения духовной культуры общества», превращения культурных ценностей в стимулы и мотивы практического поведения. Формирование ценностных ориентаций во многом способствует процессу развития личности в целом.

Таким образом, ценность человека, духовный мир личности определяются степенью сформированности его ценностной ориентации, мерой его причастности к обществу, его истории, настоящему, диапазоном его общественных интересов, богатством и разнообразием связей и взаимоотношений с обществом [3].

Современные образовательные стандарты (080100 «Экономика» для специалистов и бакалавров), определяемые на основе государственной программы Российской Федерации «Развитие образования на 2013–2020 годы» и построенные исходя из методологии компетентного подхода, содержат в себе инвариантные ценностные установки, которые должны быть сформированы у будущих профессионалов в процессе обучения в вузе. Как показывает проведенный нами анализ, можно выделить следующие аксиологические компетенции, тем или иным образом представленные в государственных нормативных документах высшего профессионального образования для специальностей экономического профиля:

– аксиологические компетенции: владение культурой мышления, способность понимать и анализировать мировоззренческие, социально и лично значимые философские проблемы; понимание ценности культуры, науки, производства, рационального потребления; осознание социальной значимости своей будущей профес-

сии; высокая мотивация выполнения профессиональной деятельности;

– когнитивные компетенции: способность к познавательной деятельности; осознание необходимости, потребности и способности к саморазвитию, повышению своей квалификации и мастерства; умение критически оценивать свои достоинства и недостатки, намечать пути и выбирать средства развития достоинств и устранения недостатков; осознание социальной значимости своей будущей профессии; наличие высокой мотивации выполнения профессиональной деятельности; владение одним из иностранных языков на уровне не ниже разговорного;

– социальные компетенции: готовность к сотрудничеству; коммуникативность, толерантность; готовность к кооперации с коллегами, к работе в коллективе; способность находить организационно-управленческие решения и готовность нести за них ответственность;

– организационно-управленческие компетенции: способность использовать организационно-управленческие навыки в профессиональной и социальной деятельности.

Профессиональная компетентность является комплексной характеристикой личности и рассматривается нами как умение актуализировать накопленные знания и умения и использовать их в процессе реализации своих профессиональных функций. Она проявляется и приобретает в деятельности и является интегральной характеристикой профессионала как субъекта деятельности, формируется в процессе профессиональной подготовки и представляет собой системное проявление знаний, умений, опыта, позволяющих успешно решать профессиональные задачи, составляющих сущность профессиональной деятельности.

В широком смысле профессионально-аксиологическая компетентность представляет собой набор присущих всем членам профессионального сообщества поведенческих норм, ценностей, представлений и понятий, определяемых спецификой профессиональной деятельности [4].

Мы считаем, что сформированная профессионально-аксиологическая компетентность позволяет удовлетворять интересы будущего специалиста в самореализации и саморазвитии в профессиональной деятельности благодаря не только увеличению знаний, умений, навыков, полномочий, но и формированию ценностей и норм поведения в той профессиональной сфере, в которой он будет работать по окончании вуза.

От того, насколько сформирована профессионально-аксиологическая компетентность у

будущих специалистов экономического профиля, в значительной мере зависят их профессиональная жизнь и качество профессиональной деятельности. Развитие профессионально-аксиологической компетентности личности студента-экономиста предполагает качественные изменения в ценностном отношении к учебной деятельности, к самому себе (становление образа Я), к будущей профессиональной деятельности (проектирование образа будущей деятельности). Это становится реальностью, если осваиваемые студентами ценности придают познанию, сотрудничеству, творчеству и самореализации ценностную ориентацию.

Состав и иерархия профессиональных ценностей не только придают направленность будущей профессиональной деятельности студента-экономиста, но определяет его взаимодействие с миром и с людьми. Благодаря своей ценностно-ориентирующей функции образовательный процесс выводит студентов в сферу мировоззренческого осмысления социальной и образовательной реальности.

Список литературы

1. Ридингс Б. Университет в руинах. М., 2010. 304 с.
2. Кирьякова А. В. Взаимосвязь аксиологии и инноватики в университетском образовании // Высшее образование в России. 2007. № 12. С. 59–64.
3. Кирьякова А. В. Теория ориентации личности в мире ценностей. 2-е изд. Оренбург, 2000. 188 с.
4. Карпушина Л. В. Аксиологическая направленность и смысловые ориентации современной молодежи // Вестн. Самар. гум. акад. Сер. Психология. 2006. № 2. С. 66–75.

Axiologisation of Process of Professional Education of Future Specialists In Economics

N. Kh. Savelyeva

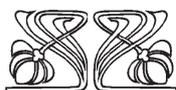
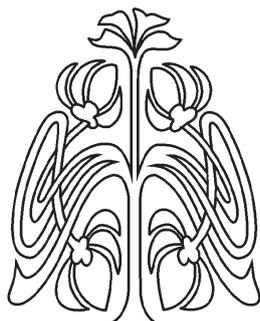
Ural Federal University,
19, Mira str., Ekaterinburg, 620000, Russia
E-mail: nellik1983@mail.ru

The article considers the professional- paradigm of pedagogics as an orienting point of development of higher economical education. Axiologisation of higher school is a perspective scientific school that allows to elicit external circumstances and characteristics of higher education as well as internal reserves of providing of good effectiveness of higher education, specify the definition of values structure that determine the student's future professional orientation and his interaction with people and world.

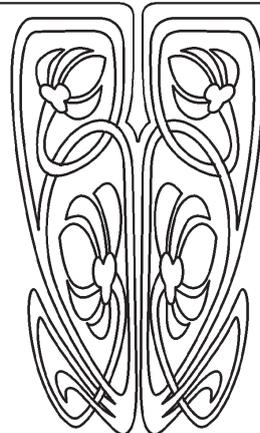
Key words: professional competence, values orientations, higher school axiologisation, future economists.

References

1. Ridings B. *Universitet v ruinakh* (University in ruins). Moscow, 2010. 304 p.
2. Kiryakova A. V. *Vzaimosvyaz aksiologii i innovatiki v universitetskom obrazovanii* (The correlation between axiology and innovation in university education). *Vyshee obrazovanie v Rossii* (Higher Education in Russia), 2007, no. 12, pp. 59–64.
3. Kiryakova A. V. *Teoriya orientatsii lichnosti v mire tsennostey* (The theory of orientation of personality in the world of values). Orenburg, 2000. 188 p.
4. Karpushina L. V. *Aksiologicheskaya napravlennost i smyslozhiznennyye orientatsii sovremennoy molodezhi* (Axiological trend and life-value orientations of modern youngsters). *Vest. Samar. gum. akad. Ser. Psikhologiya* (The Bulletin of the Samara Academy. Ser. Psychology), 2006, no. 2, pp. 66–75.

ПОДПИСКА

Подписка на I полугодие 2016 года

Индекс издания по каталогу ОАО Агентства «Роспечать» 36014,
раздел 41 «Философия. Социология. Психология. Религия».

Журнал выходит 4 раза в год.

Каталожная цена одного выпуска 350 руб.

Адрес редакции:

410012, Саратов, Астраханская, 83.

Редакция журнала «Известия Саратовского университета».

Тел. (845-2) 51-45-49, 52-26-89; факс (845-2) 27-85-29;

e-mail: aporia@inbox.ru